

ВЕСЪДЫ

ТОРГОВАГО И СЧЕТОВОДНАГО МІРА.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ИЗДАНІЯ И РЕДАКЦІИ

ФЕДОРА ЕЗЕРСКАГО.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Главный складъ всехъ сочиненій Ф. Езерскаго:

Фирма Счетоводъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Литойный проспектъ, домъ № 33.

In Commission bei

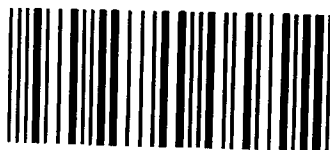
F. A. Brockhaus

in LEIPZIG.

1876.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5-го марта 1876 года.

6201-С

2007052943

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Г. Шредера, Гороховая, домъ № 49.

Общая потребность въ счетоводствѣ.

(Цѣль изданія).

Въ общественной жизни намъ часто приходится слышать, а иногда и самимъ дѣлать порицанія лицамъ, ведущимъ жизнь безрасчетную. Всѣ мы, начиная отъ школьной скамейки, ведемъ расчетъ, сначала маленькимъ нашимъ карманнымъ деньгамъ, переходимъ потомъ къ расчету въ домашнемъ хозяйствѣ, и, наконецъ, многимъ изъ насъ приходится рассчитывать дѣла и по ббльшимъ или меньшимъ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ.

Но какъ же вести правильный расчетъ?

Такой вопросъ мало кто задавалъ самому себѣ. «Были бы деньги, сосчитать съумѣемъ», отвѣчаетъ русская безпечность. «Что тутъ считать», рассуждаетъ русскій торговецъ, «если миѣ достается хорошая прибыль, то пусть себѣ наживается и прикащикъ, всего не раскрадутъ».

Но самая жизнь даетъ намъ уроки другого рода. И миллионы были, да не умѣли во время сосчитать ихъ, и проживались они въ безрасчетной жизни. И прибыли

были хорошія, да позднѣйшая конкуренція внесла въ жизнь пониженныя цѣны. Въ глазахъ стояли барыши, и въ памяти хранились дѣла выгодныя, а убытки и разные посторонніе расходы ускользали изъ памяти, а тамъ, глядишь, и деревня между глазъ сгорѣла! Прикащики становятся купцами, а купцы банкротятся.

Намъ становятся понятными такія явленія банкротства, когда человѣкъ вдавался въ рискованныя предпріятія и терпѣлъ неудачи. Хотя и здѣсь можно было бы упрекнуть такого банкрота въ неумѣннѣ составить болѣе вѣрный расчетъ, но за всеѣмъ тѣмъ потеря его ясна, понятна. Но такія банкротства составляютъ рѣдкое и исключительное явленіе. Чаше же всего встрѣчаются намъ въ жизни такіе дожившіе до несостоятельности экземпляры, которые не дѣлали рискованныхъ предпріятій, жизнь и обороты ихъ текли обычно, тихо, какъ вчера, такъ и сегодня; капиталъ ихъ сочился и подтачивался конкуренціею мало по малу, пока они неоглянулись, но уже тогда, когда бываетъ зачастую поздно поправить дѣла. Жизнь такихъ людей и ихъ банкротства становятся чисто непонятною загадкою, потому что нельзя же сказать, чтобы эти люди не имѣли чувства самосохраненія, присущаго каждому человѣку.

Не понятно, гдѣ же было у этихъ людей, дожившихъ до несостоятельности, это чувство? куда оно дѣвалось? гдѣ оно пряталось? Нельзя же допускать, чтобы человѣкъ, по доброй волѣ, сознательно, велъ себя къ нищетѣ и позору, что у него чувство само-

сохраненія не существовало или погасло? У самыхъ отъявленныхъ мотовъ, составляющихъ ненормальныя, больныя натуры, нельзя же отрицать послѣдняго, нельзя же утверждать, что самосохраненіе ихъ ни разу не пробуждалось, не дѣлало упрека, не шевелило ихъ совѣсти страхомъ тяжелаго будущаго? Допускать это трудно. Не скорѣе ли предположить, что подобные люди не то что не сѣумѣли во время пріостановить дѣла убыточные — они по-просту не знали, оставались въ невѣдѣніи относительно того, на сколько какая часть прибыльна или убыточна, сколько у него состоянія.

Школьникъ растрчиваетъ свои карманныя деньги въ забывчивости, что все равно сказать, въ незнаціи тѣхъ необходимыхъ потребностей, какія ему предстоятъ; хозяйка расходуетъ деньги, не рассчитавши всѣхъ настоятельныхъ потребностей домашняго хозяйства, торговецъ продолжаетъ вести жизнь и обороты, не зная, что, быть можетъ, часть этихъ оборотовъ поглощаетъ прибыли остальныхъ, что кажущаяся ему прибыль по однимъ оборотамъ далеко не вся, по другимъ на столько мала, что не въ состояніи покрыть расхода на самого себя, на побочныя, сопряженныя именно съ этимъ оборотомъ, издержки. А когда и школьнику и хозяйкѣ и купцу приходятъ на память эти расходы, когда настоятельная потребность заявляетъ о себѣ, а деньги уже потрачены и не воротишь ихъ, тогда приходится оскорблять собственное достоинство и самолюбіе, прибѣгать къ займамъ, просить, унижаться, кланяться, лгать, божиться, а разъ

уже самолюбіе оскорблено, попрано, характеръ надломленъ, человѣкъ становится, точно потерявшій невинность, не ровнымъ, испорченнымъ, а новая забывчивость, ложное самолюбіе, сводятъ окончательно на степень человѣка, утратившаго кредитъ, мнѣніе, уваженіе въ окружающемъ его обществѣ, пока наконецъ, послѣ повторяющихся новыхъ ошибокъ, — а съ людьми, неумѣющими предвидѣть нужды и рассчитать ихъ, онѣ повторяются часто, — общество не выброситъ ихъ изъ своего кружка.

И такъ, всякому изъ насъ надо вести расчетъ, а тамъ, гдѣ расчетъ этотъ усложняется, на помощь нашей памяти должны явиться письменныя замѣтки, записи, т. е. то, что носитъ названіе счетоводство.

Къ счетоводству долженъ прибѣгать почти каждый изъ насъ. Рассказываютъ, что, въ былое время, какой-то придворный шутъ, на вопросъ: къ какой профессіи принадлежитъ больше людей, отвѣтилъ: къ профессіи докторовъ. Чтобы доказать это, онъ, въ одинъ изъ съѣздовъ при дворѣ, подвязавшись, сказался больнымъ зубами, спрашивалъ у каждаго являющагося ко двору средствъ леченія, записывалъ послѣднія и указалъ, что каждый явившійся ко двору совѣтовалъ свое средство, — значитъ, доказывалъ онъ, кто только не былъ, всѣ оказались докторами.

Но придворный шутъ ошибался. Ему-бы слѣдовало притвориться неумѣющимъ свести свои расчеты и каждый не отказалъ-бы ему дать совѣтъ, какъ это сдѣлать, и совѣты эти, смотря по задачѣ, оказались-бы не менѣе разнообразны лекарствъ, предлагавшихся

отъ зубной боли. Затѣмъ, могъ бы сказать шутъ— здѣсь еще не присутствовали дѣти, не знающія еще никакихъ лекарствъ отъ зубовъ, но уже рассчитывающія свои карманныя деньги, и прибѣгающія, въ томъ случаѣ, когда память не можетъ удерживать ихъ расходовъ, къ записямъ, къ счетоводству.

Въ такомъ видѣ онъ могъ-бы по справедливости указать на всеобщую потребность въ распространеніи знанія о правильномъ расчетѣ и неизбѣжныхъ для этого счетоводныхъ записей.

Не смотря однакоже на всеобщую потребность въ послѣднемъ, ему не посвящается у насъ ни одной строки, счетоводству не дается никакой научной разработки, мало того, за нимъ не признается еще право на названіе науки,—это простое дѣло, каждый самъ знаетъ, какъ свести счетъ, это ремесло.

Ремесломъ являлась прежде и медицина. Каждому памятно еще леченія знахарей и знахарокъ.

Не то же ли является и въ счетоводномъ дѣлѣ. И здѣсь, какъ и въ медицинѣ, можетъ играть роль и «навыкъ» и «наука».

Къ первому «свыкаются», оно находится въ рукахъ счетоводныхъ, такъ сказать, знахарей.

Второе пріобрѣтается путемъ научнаго изученія дѣла, становится дѣломъ науки, находится въ рукахъ лицъ, «учившихся» дѣлу, а не «свыкшихся» съ нимъ. Первые пробуютъ средства на авось, вторые идутъ болѣе или менѣе, смотря на обширности изученія дѣла, къ выясненнымъ научнымъ опредѣленнымъ цѣлямъ, съ сознаниемъ пользы, значенія и исхода дѣла.

Достойна замѣчанія странность человѣческой натуры, относиться съ пренебреженіемъ къ самымъ первѣйшимъ потребностямъ своей жизни—къ здоровью и къ состоянію. «Чего тутъ обращаться къ доктору,» разсуждали долго, да и теперь еще разсуждаютъ многіе, «и знахарка поможетъ». «Чего тутъ учиться,» думали долго въ народѣ, «извѣстно и безъ того, какое средство отъ какой болѣзни помогаетъ». А тамъ, глядишь, принялъ на авось средство, и Богу душу отдалъ, и съ жизнью простился. Тоже самое говорятъ: «Чего тутъ обращаться къ счетоводу учившемуся, №№ знахарить счетоводство. Чему тутъ учиться, извѣстно какъ считаютъ, понятно и безъ ученія, какъ записать приходъ и расходъ». Но не успѣлъ онъ и выговорить этого, какъ, глядишь, и обанкротился. Самыя явленія въ жизни сильнѣе и сильнѣе указываютъ на потребность въ счетоводахъ учившихся, преподаваніе счетоводства признается необходимымъ тамъ, гдѣ прежде оно не преподавалось.

Быть можетъ, это еще больше покажетъ будущее, если удастся, всеобщими счетоводными силами, дать счетоводству научную обработку; быть можетъ тогда и нынѣшніе счетоводные знахари поставлены будутъ на ту же степень во мнѣніи и уваженіи публики, на которую низведены бывшіе во всеобщемъ уваженіи и почтеніи знахари и знахарки, лечившіе по деревнямъ. Если медицина, своимъ успѣхами, отодвинула, во всеобщемъ мнѣніи, такъ долго существовавшихъ знахарей, то отчего же не могутъ этого сдѣлать не успѣхи счетоводной науки. Если, въ настоящее

время, счетоводство находится еще въ рукахъ счетоводныхъ знахарей, то упрекъ въ этомъ можно только поставить лицамъ, пятавшимся отъ научной разработки вопроса. Но для такой научной разработки, прежде всего необходимъ органъ.

Устройство подобнаго счетоводнаго органа, въ которомъ сосредоточивались — бы мнѣнія лучшихъ счетоводныхъ силъ, было для пишущаго эти строки всегда завѣтною мыслью, дѣлѣнною въ теченіи многихъ лѣтъ.

Настоящее изданіе есть попытка создать такой органъ. Въ послѣднее время, въ Петербургѣ, составилъ общій счетоводный кружокъ, собирающійся для счетоводныхъ бесѣдъ. Здѣсь принимаютъ участіе лица разныхъ возрѣній, соединенныя однимъ общимъ дѣломъ счетоводства, которому все служатъ, хотя одни изъ нихъ посвящаютъ себя одной спеціальности и являются сторонниками одной системы, другіе — другой. Этотъ кружокъ, которому можно только желать по возможности большаго развитія, все-таки остается замкнутымъ для публики, въ особенности провинціальной. Желательно, по возможности, дать счетоводному дѣлу болѣе общій характеръ, а накопившемуся и накапливающемуся матеріалу большую разработку. Но такую цѣль можно выполнить только путемъ собиранія и печатанія, въ одномъ мѣстѣ или въ одномъ органѣ, какъ мыслей, выясняющихся на счетоводныхъ бесѣдахъ, такъ, равнымъ образомъ, и мнѣній, которыя могутъ быть сообщены изъ провинціи.

Такимъ органомъ предпологается книга, лежащая

предъ читателемъ. Въ эту книгу войдутъ статьи разнаго характера и противоположныхъ мнѣній. Первоначально мы предполагаемъ ограничиться пятью, шестью такими выпусками. Но если только эти выпуски будутъ приняты сочувственно публикою и торговымъ и счетоводнымъ міромъ, тогда настоящія «Бесѣды» и могутъ принять характеръ періодическихъ изданій. Въ виду этой послѣдней цѣли мы приглашаемъ лицъ, любящихъ счетоводное дѣло, доставлять свои статьи и замѣтки для помѣщенія въ выпускахъ, обѣщая дать имъ мѣсто, хотя-бы даже эти статьи и не были согласны съ личными взглядами лица, принимающаго изданіе подъ свою редакцію. Въ Америкѣ существуетъ уже для счетоводовъ газета. Попытки создать такую газету были и въ Австріи. Отъ русскихъ счетоводовъ будетъ зависетьъ, доказать міру, что и въ русской публикѣ находятся силы, умѣющія относиться сочувственно къ дѣлу, составляющему предметъ всеобщей потребности.

При этомъ, настоящія «Бесѣды» будутъ имѣть въ виду и ту часть публики, которая не посвящена въ дѣло счетоводства и считаетъ его сухою и скучною матеріею. Чтобы сдѣлать предметъ этотъ общепонятнымъ и интереснымъ для всѣхъ слоевъ общества—мы, прежде всего, обратимъ вниманіе на составленіе статей общедоступнымъ слогомъ и, кромѣ того, введемъ въ настоящія «Бесѣды» рассказы изъ счетоводнаго и торговаго міра, имѣющіе болѣе или менѣе близкій или отдаленный интересъ къ нашей задачѣ.

Жертва неправильнаго счетоводства.

(Разсказъ частнаго слѣдователя).

I.

Осенью 187* года, мнѣ пришлось однажды возвращаться съ отдаленной линіи Васильевскаго острова въ свою квартиру на Гончарной улицѣ, приблизительно около двухъ часовъ ночи. Было морозно и чрезвычайно туманно, такъ что тусклый свѣтъ едва лишь виднѣлся отъ перваго фонаря, а свѣтъ остальныхъ, вмѣстѣ съ окрестными зданіями утопалъ въ пространствѣ, казавшемся необъятнымъ темносѣроватымъ моремъ. Огней уже не было видно ни въ одномъ домѣ. На улицахъ царила такая тишина и безлюдье, что дѣлалось страшно. Извозчика найти было невозможно, сколько я изо всѣхъ силъ не кричалъ, окликавая его. Вдругъ, при переходѣ моемъ по Большому проспекту, изъ одной линіи въ другую, я увидѣлъ освѣщенный, каменный двухэтажный домъ, у подъѣзда котораго стояло нѣсколько экипажей: двѣ-три кареты и пять-шесть саней-козырьковъ. Почти одновременно съ тѣмъ, какъ я приблизился къ экипажамъ, въ надеждѣ найти между ними извозчика, изъ подъѣзда вышла толпа засидѣвшихся гостей, всѣ безъ исключенія мужчины, одѣтые въ ентовья, бобровья и скунсовья шубки. Они, по видимому,

принадлежали къ коммерческому міру и изъ прощаній ихъ, другъ съ другомъ можно было заключить, что они коротко были знакомы между собою и въ данную минуту заинтересованы однимъ общимъ дѣломъ. До слуха моего достигали, когда я поравнялся съ вышедшими и проходилъ мимо, отрывочныя фразы ихъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Чтожъ дѣлать?..», «Дѣло коммерческое...», «Со всякимъ можетъ случиться!..», «Евто точно», «Это да!», «А все же Прохоръ Елизаровичъ честный человѣкъ!.. другой бы и того не далъ...», «Все хоть что нибудь, да получили».., «Не все пропало... Оно, конечно, но если разсудить?!..» «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ!» «Нельзя не поддерживать хорошаго человѣка!»

Послѣ этого лаконическаго разговора, вышедшіе посадились въ свои экипажи и поѣхали въ разныя стороны.

Я дошелъ уже до Васильевской набережной, предполагая, что иду въ полномъ одиночествѣ, какъ неожиданно сзади меня раздались шаги такого же пѣшехода. Я пріостановился, чтобы разсмотрѣть его и, если представится возможность, завести съ нимъ разговоръ, такъ какъ одному идти было очень скучно. Пѣшеходъ былъ одѣтъ въ суконную шубу, въ мѣховую шапку и въ длинныхъ теплыхъ ботикахъ.

— Вы, вѣроятно, обратился я къ нему, засидѣлись также гдѣ нибудь въ гостяхъ, какъ и я, и не найдете извозчика?.. Не по дорогѣ ли?.. Я живу въ Гончарной... Пойдемте вмѣстѣ... Надѣюсь, на Невскомъ извозчикъ съищется.

— Да, я засидѣлся по дѣлу, — отвѣчалъ прохожій, котораго фізіономію за поднятымъ воротникомъ я разсмотрѣть не могъ, но голосъ его мнѣ показался знакомымъ, — но въ извозикѣ я не нуждаюсь, за мною слѣдуетъ мой собственный экипажъ... Я очень усталъ, нарочно вышелъ послѣднимъ, чтобы разсѣяться, провѣтриться... Если хо-

тите, прибавилъ онъ обязательно, я васъ подвезу?.. «Эй, Сильверстъ!» крикнулъ онъ.

Разговоръ произошелъ около фонарнаго столба. Къ панели подкатили богатые козырьки, съ мѣховымъ одѣяломъ, бородатымъ наряднымъ кучеромъ и запряженные парой вороныхъ рысаковъ.

— Благодарю васъ, — промолвилъ я незнакомцу, — но, извините, я не вижу вашего лица, а между тѣмъ, вашъ голосъ мнѣ хорошо знакомъ...

Съ этими словами я отвернулъ воротникъ своей шубки; незнакомецъ сдѣлалъ тоже и, при свѣтѣ фонаря, мы узнали другъ друга.

— Боже, Александръ Федоровичъ? — воскликнулъ я.

— А, Александръ Андреевичъ! — тѣмъ же тономъ произнесъ онъ. — Вотъ неожиданная встрѣча... То-то, и я слышу — знакомый голосъ. Поѣдьте же.

Я съ удовольствіемъ принялъ такъ радушно сдѣланное предложеніе.

Александръ Федоровичъ, по фамиліи Бѣдуновъ, считался однимъ изъ значительныхъ петербургскихъ книгопродавцевъ и имѣлъ свой собственный книжный магазинъ на весьма видномъ мѣстѣ на Невскомъ проспектѣ. Фирма книжнаго магазина Бѣдунова пользовалась общимъ довѣріемъ, такъ какъ она существовала уже болѣе пятидесяти лѣтъ. Магазинъ достался Александру Федоровичу по наследству отъ отца, человѣка оборотливаго, аккуратнаго и ничѣмъ не запятнаннаго, а всѣ знакомые и лица, съ которыми велъ дѣла самъ Александръ Федоровичъ, отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ мягкомъ, деликатномъ и добромъ. Хотя старикъ Бѣдуновъ началъ свою профессію, какъ ходили въ городѣ слухи, съ мальчика въ лавкѣ, а потомъ съ мелкаго букиниста, но онъ не принадлежалъ къ закорузлымъ своего званія личностямъ стараго времени: такъ, Федоръ Алексѣевичъ отдалъ учиться своего сына сначала въ гимназію, а послѣ въ университетъ, и потомъ,

когда молодой человекъ пожелалъ поступить въ военную службу, въ кавалерію, онъ и тутъ не воспротивился его желанію. Александръ Федоровичъ лишился своего отца, будучи уже въ чинѣ уланскаго поручика, лѣтъ двадцати шести, но вскорѣ послѣ смерти отца онъ вышелъ въ отставку. Въ данное время ему было года тридцать три, или четыре, но онъ казался еще моложе этихъ лѣтъ. Александръ Федоровичъ былъ свѣжій, хорошо сохранившійся мужчина, брюнетъ, съ пріятными чертами лица и неглупымъ выраженіемъ фізіономіи, носилъ черные, шелковистые усы и такую же бороду. Одѣвался всегда, если не особо изящно, но щегольски и по послѣднему фасону покроя. Купечество проглядывало въ толстой золотой часовой цѣпочкѣ и въ массивныхъ кольцахъ и перстняхъ, которыми украшались пальцы его рукъ, на зависть прикащиковъ его магазина. Кромѣ обычной книжной торговли Бѣдуновъ былъ еще издателемъ нѣсколькихъ небольшихъ брошюръ ученаго и беллетристическаго содержанія, а также издателемъ одной иллюстрированной газеты, въ которой я сотрудничалъ и мнѣ приходилось нѣсколько разъ получать за свои статьи гонораръ въ его магазинѣ, иногда даже лично отъ него. Послѣднее обстоятельство и послужило поводомъ къ нашему знакомству, которое, впрочемъ, было поверхностное, шапочное: я зналъ его — какъ книгопродавца, онъ меня — какъ писателя.

Нечаянной встрѣчѣ своей съ Бѣдуновымъ я очень обрадовался: мнѣ необходимо было видѣть его и даже для этой цѣли я намѣревался на другой день побывать у него въ магазинѣ, чтобы предложить ему изданіе своихъ сочиненій — «Можетъ быть,» мелькнуло у меня въ головѣ, — «мнѣ удастся переговорить съ нимъ объ этомъ предметѣ сегодня?...» Но Бѣдуновъ, повидимому сначала тоже обрадовавшійся встрѣчѣ со мною, какъ только мы сѣли въ сани, сдѣлался разсѣянъ и мы вели въ пути такую вялую бесѣду, что, видя его флегматическое на-

строение духа, чтобы не испортить своего дѣла, я предпочелъ за лучшее не говорить о немъ сегодня съ Бѣдуновымъ и ограничился лишь вопросомъ: будетъ ли онъ завтра дома и въ какое время онъ можетъ принять меня? Бѣдуновъ назначилъ свиданіе у себя въ магазинѣ въ двѣнадцать часовъ дня.

Между тѣмъ, моя прогулка по Васильевскому острову произвела свое дѣйствіе: не смотря на довольно теплое пальто, я сильно прозябъ, вышедши изъ жаркой, крайне натопленной комнаты своего товарища, и къ тому же проголодался. Поэтому, когда мы проѣхали Николаевскій мостъ, Конногвардейскій бульваръ, Адмиралтейскую площадь и повернули на Невскій, я, близъ Морской, попросилъ Бѣдунова остановиться.

— Куда же вы? — спросилъ онъ меня, — вы, кажется, сказали мнѣ, что живете на Гончарной? Я доведу васъ.

— Да, — отвѣчалъ я, — но я прозябъ и проголодался. Нужно подкрѣпить себя. Я предполагаю, что трактиръ «Малоярославецъ» еще не запертъ и попытаюсь зайти туда.

— Какъ хотите, — замѣтилъ Бѣдуновъ, а впрочемъ и я заѣду съ вами... Мнѣ спать не хочется и я нахожусь въ какомъ то странномъ расположеніи духа. Жаль только, что я плохой компаньонъ... Я рѣшительно ничего не пью, кромѣ, изрѣдка, такъ сказать, въ экстренныхъ случаяхъ, нѣсколько бокаловъ шампанскаго... При томъ, я разъ только былъ въ «Малоярославцѣ»; онъ, кажется мнѣ, грязень...

— Ничего... Займемъ отдѣльную комнату.

— Пожалуй, поѣдемъ, — лѣниво сказалъ Бѣдуновъ и велѣлъ кучеру ѣхать въ «Малоярославецъ».

Бородачъ подкатилъ насъ лихо.

II.

Нанедни свободную комнату въ «Малоярославцѣ» и усѣвшись на диванѣ, съ большою претензіею на мягкость и эластичность пружинъ, мы потребовали себѣ: Бѣдуновъ — бутылку шампанскаго, я — водки и котлетку.

Сначала и tête-à-tête разговоръ между нами не вязался. Однако, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, когда товарищъ мой брался за второй бокаль шампанскаго, я замѣтилъ на лицѣ его знакомую мнѣ горькую улыбку, давно уже психически подмѣченную мною и проанализированную на другихъ лицахъ. Я былъ убѣжденъ, что съ Бѣдуновымъ случилось что-то особенное и онъ въ эту минуту находится въ томъ настроеніи, когда самый осторожный и замкнутый человѣкъ, хотя не вполне откровенно, а даже фальшиво, или иносказательно не можетъ удержаться отъ того, чтобы не заговорить о засѣвшей у него въ головѣ мысли, не только съ другомъ или своимъ знакомымъ, но прямо съ первымъ встрѣченнымъ, будь-то легкой извозчикъ, на которомъ онъ ѣхалъ въ первый разъ въ жизни, лакей, служанка или случайно заговорившій съ нимъ прохожій. . А между тѣмъ, онъ таится и крѣпится, разумно сознавая, что кому какое дѣло до его мыслей?.

— Вы не знаете, — спросилъ я, — чей это домъ на углу Энтовской линіи и Большого проспекта на Васильевскомъ островѣ... Мы не подалеку отъ него встрѣтились.

— Купца первой гильдіи Прохора Елизаровича Скоробогатова, — отвѣчалъ, иронически улыбаясь, Бѣдуновъ, — а что?...

— Меня заняло, сказалъ я, намѣреваясь проглотить кусокъ котлеты, — позднее освѣщеніе этого дома и толпа гостей, попавшаяся мнѣ у подъѣзда, состоявшая исключительно изъ мужчинъ.

— И прибавьте купцовъ, — замѣтилъ Александръ Ѳедоровичъ, съ тою же улыбкою, — гости были нужные люди. Я самъ былъ въ числѣ этихъ купцовъ-гостей и... Бѣдуновъ замолчалъ.

— Весело провели время? — равнодушно полюбопытствовалъ я.

— Очень весело, — усмѣхнулся Александръ Ѳедоровичъ и допилъ второй бокаль. — Сначала вечера, — сталъ рассказывать онъ, — присутствовали и дамы, но ихъ къ извѣстнымъ часамъ благоразумно удалили, оставивъ однихъ мужей... Семейный вечеръ съ неожиданнымъ сюрпризомъ... Ну-съ, угостили чаемъ, потомъ засѣли въ стуколку и мушку—я въ послѣднемъ удовольствіи не принималъ участія, ненавидя карты. Спасибо, напился шахматы и партнеръ. — Далѣе, радушный хозяинъ съ пасмурнымъ и задумчивымъ челомъ угощалъ своихъ гостей выпивкой и закуской, особенно усердно налягая на первую, а затѣмъ, въ заключеніе, послѣдовалъ и сюрпризъ всѣмъ гостямъ дорогой, хотя и не въ одинаковой степени...

— Вы же что получили? — спросилъ я.

— А какъ-же! вмѣсто 2000 рублей двѣ тысячи пятналь-тинныхъ. Но, къ счастью, не за себя, а по порученію одного товарища. Я въ эту область спекуляціи не вторгаюсь и не занимаю денегъ ни на какихъ условіяхъ. Товаръ въ кредитъ отпускаю, безъ этого нельзя. Я въ этомъ дѣлѣ даже и за товарища окончательно не потерялъ денегъ, объявивъ, что переговорю съ нимъ и какъ онъ самъ знаетъ, но обстановка всего видѣннаго возмущаетъ меня. Впрочемъ, вамъ, какъ непринадлежащему къ коммерческому міру, можно рассказать все... Къ тому же, вы не знакомы съ Прохоромъ Елизаровичемъ и вообще я надѣюсь на вашу скромность. Дѣла его будто-бы приняли такой дурной оборотъ, что онъ долженъ объявить себя несостоятельнымъ. Прохоръ Елизаровичъ узналъ, какъ онъ говорить, внезапно, сдѣлавъ инвентарь по своей торговлѣ.

И вотъ, какъ *честный* человѣкъ, желая *честно* раздѣлаться съ своими кредиторами (Бѣдуновъ сдѣлалъ удареніе въ голосѣ на словахъ *честный* и *честно*). Скоробогатовъ приглашаетъ ихъ къ себѣ на чаекъ «поговорить *объ одномъ дѣлѣ*,» а затѣмъ таинственно вызываетъ въ отдѣльную комнату, на столѣ въ которой разложено множество книгъ и счетовъ, и объявляетъ о своемъ горѣ, несостоятельности, приглашая дорогихъ гостей самимъ рассмотреть книги и убѣдиться въ справедливости его словъ. Здѣсь происходитъ комическая сцена. Большинство кредиторовъ, по пословицѣ, «смотреть въ книги и видятъ фіги...» Проверить эти книги не только въ короткій, часовой срокъ, но и мѣсячный почти невозможно, до того сбивчивы и запутаны наши счета. Эхъ! да всего нельзя передать! — прибавилъ Бѣдуновъ, махнувъ рукою.

— Чѣмъ же кончилось? — спросилъ я.

— Чѣмъ?... Кредиторы видятъ, что въ случаѣ чего и вовсе ничего не получаютъ.. А Прохоръ Елизаровичъ, по обычаю, земной поклонъ, просить не губить, что онъ человѣкъ *честный*, да надъ нимъ бѣда струхнула.. Плачетъ и предлагаетъ десять копеекъ за рубль, говоря, что лишается всего; но кредиторы жмутся, въ надеждѣ нѣтъ-ли у него скрытаго капитала? Тогда Прохоръ Елизаровичъ показываетъ имъ свои сокровеннѣйшіе счета, изъ которыхъ видно, что болѣе ужъ 15 коп за рубль онъ рѣшительно дать не можетъ и что при такихъ условіяхъ едва-едва можетъ только продолжать коммерцію, чтобы поправиться и со временемъ отблагодарить... А иначе приходится объявиться несостоятельнымъ... Кредиторы находятся въ вынужденномъ положеніи согласиться и соглашаются

— Но, замѣтилъ я, — былъ-ли въ прошлое время Прохоръ Елизаровичъ дѣйствительно *честный* человѣкъ?

— Объ этомъ, въ коммерческомъ дѣлѣ, — отвѣчалъ Бѣдуновъ, — судить трудно... Иной очень продолжительное

время аккуратно уплачиваетъ по векселямъ своимъ кредиторамъ, но вовсе не по честности, а чтобы внушить къ себѣ довѣріе, расширить кредитъ, цапнуть куши, а потомъ. . Бѣдуновъ не докончилъ и опрокинулъ голову на спинку дивана. Конечно, — продолжалъ онъ, перемѣняя позу, подобные примѣры, что разверстываются съ кредиторами за рубль по полтинѣ, четвертаку, десяти и даже пяти копеекъ не новы; и расплатившійся такимъ образомъ не стыдится смотрѣть въ глаза своимъ кредиторамъ; если онъ на первыхъ порахъ замаскируетъ положеніе своего капитала и притворится казанскимъ сиротою, то слыветъ даже за честнаго человѣка, а далѣе время все изглаживаетъ изъ памяти... И если-бы дѣло коснулось меня... Бѣдуновъ не докончилъ и энергически ударилъ кулакомъ по столу. — Но, прекратимъ этотъ разговоръ, сказали онъ, поправляя рукою свои волосы на головѣ — Вы, — обратился онъ ко мнѣ, заведя рѣчь о другомъ предметѣ, спрашивали меня, буду-ли я дома?.. У васъ есть какое нибудь дѣло?

— Да, и довольно щекотливое, — признался я

— Чтожъ, переговоримъ теперь, если можно.

Я объяснилъ Бѣдунову, что у меня есть болѣе тридцати листовъ беллетристическихъ сочиненій, разбросанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, которыя я желалъ бы теперь соединить и издать отдѣльнымъ томомъ.

— Вы хотите, чтобы издалъ я? — спросилъ онъ.

— Да; я на васъ полагаюсь болѣе, чѣмъ на другихъ.

— Благодарю васъ; съ удовольствіемъ-бы, но... ранѣе года не могу... Если подождете...

— Хорошо, — согласился я, — для меня все равно, выйдетъ-ли томъ моихъ сочиненій въ слѣдующемъ году или въ этомъ. Тутъ все дѣло заключается въ деньгахъ... Я въ данное время нахожусь въ слѣдующихъ обстоятельствахъ. Я опредѣленъ на службу въ очень отдаленную провинцію за 1485 верстъ отъ Петербурга, на должность

съ хорошимъ окладомъ жалованья и мнѣ выдадутъ прогонныя и подъемныя деньги. Но, несмотря на это, выданныхъ денегъ будетъ недостаточно, такъ какъ мнѣ придется еще проѣхать свыше 2000 верстъ, чтобы повидаться съ родными и, кромѣ того, въ Петербургѣ я долженъ буду расчитаться со своими долгами. Въ этомъ затруднительномъ положеніи я рѣшаюсь просить васъ, Александръ Ѳедоровичъ, нельзя-ли намъ устроить дѣло такъ: мы условимся относительно гонорара и вы дадите мнѣ извѣстную часть гонорара, а остальные деньги или въ назначенный вами срокъ, или по изданіи моихъ сочиненій. На остальные условія я согласенъ, лишь-бы теперь получить мнѣ задатокъ, необходимый къ отъѣзду изъ Петербурга. Сочиненія свои я передамъ вамъ тотчасъ же, хоть завтра.

— Сколько-бы вы желали получить гонорара съ листа? спросилъ Бѣдуновъ.

— Откровенно говоря, рублей двадцать пять.... Это выйдетъ 750 р., но я готовъ и на уступку... Эдакъ, рублей двадцать....

— Нѣтъ, зачѣмъ же, — возразилъ Бѣдуновъ, — двадцать пять, такъ двадцать пять.. А сколько-бы изъ этой суммы вы желаете впередъ? ..

— До зарѣзу нужно, Александръ Ѳедоровичъ, полтараста....

— Ну-съ, эти деньги, — утѣшилъ меня Бѣдуновъ, — я могу дать вамъ. Соберите ваши сочиненія и принесите ко мнѣ: я желалъ-бы съ своей стороны устроить такъ: сочиненія свои вы оставите у меня и предоставите мнѣ право издать ихъ въ удобное для меня время; такъ какъ изданіе будетъ стоить издержекъ. Гонораръ авторамъ не составляетъ еще важнаго расхода, но, главное, типографія, бумага и прочее. Я же выдамъ вамъ необходимые полтараста рублей, а въ остальныхъ шестистахъ выдамъ вексель, срокомъ, положимъ, до 25 января 187* года, т. е.,

на годъ и три мѣсяца. Такимъ образомъ мы рѣшительно кончимъ дѣло. Согласны-ли вы?..

Я и не зналъ какъ благодарить Бѣдунова, за то, что онъ извлекъ меня изъ моихъ тяжелыхъ обстоятельствъ.

Посидѣвъ и потолковавъ еще немного о разныхъ городскихъ новостяхъ, мы разстались. Около «Малоярославца», я нашелъ къ услугамъ своимъ извозчика, съ которымъ, распрощавшись съ Бѣдуновымъ, я отправился въ свою келію, въ меблированныя комнаты на Гончарную улицу.

Черезъ нѣсколько дней я принесъ Бѣдунову свои сочиненія и, согласно условію, получилъ съ него полтараста рублей и срочный вексель. Это дало мнѣ возможность благополучно выбраться изъ Петербурга, повидаться съ своими родными въ г. В. и прибыть въ отдаленный С—скъ, къ мѣсту своего новаго служенія.

III.

Въ этомъ отдаленномъ С—скѣ я прослужилъ весьма не долго. Причинъ на это было крайне много, о нихъ я говорить не буду, скажу только, что мѣсяца черезъ три четыре мнѣ уже не оставалось ничего болѣе, какъ подать въ отставку. Я думалъ съ маленькими средствами, бывшими у меня подъ рукою, при продажѣ всѣхъ своихъ пожитковъ, добраться до Петербурга и поискать здѣсь мѣста, или заняться прежнимъ своимъ трудомъ. Но, увя! меня постигъ новый семейный ударъ: въ В. у меня скончался отецъ, и мать осталась одна совершенно безпомощная женщина, больная, требующая за собою ухода родственнаго. Всѣ свои деньги я выслалъ ей и до Петербурга мнѣ было уже добраться не съ чѣмъ, а между тѣмъ отставка мнѣ пришла. Тогда я вспомнилъ о векселѣ Бѣдунова на 600 р. Отставка была дана 23 декабря, слѣ-

довательно, до срока уплаты остался мѣсяць. Я телеграфировалъ въ Петербургъ и получилъ удовлетворительный отвѣтъ, что деньги въ срокъ мнѣ будутъ выданы, какъ только я приѣду. Нужно было занять на выѣздъ, но городъ С—скъ былъ мнѣ совсѣмъ не знакомъ. По счастію, я встрѣтилъ въ С—скѣ своего стараго знакомаго по университету и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предметника по должности, отправлявшемуся также, подобно мнѣ, въ Петербургъ, для пріисканія занятій. Узнавши о моемъ критическомъ положеніи, мой товарищъ сочувственно отнесся къ нему и отдалъ мнѣ послѣднія свои деньги, съ тѣмъ, чтобы по приѣздѣ въ Петербургъ, я возвратилъ-бы ему. Расчитывая на получение денегъ съ Бѣдунова, въ крайнемъ случаѣ хоти половины, я обѣщалъ уплатить немедленно. Мы выѣхали вмѣстѣ и, кое-какъ, добрались 24 января до Петербурга, потому что денегъ, данныхъ товарищемъ, едва хватило, при самыхъ скромныхъ издержкахъ, на дорогу, тѣмъ болѣе, что я ѣхалъ не одинъ, а семействомъ; онъ же, отдавъ мнѣ послѣднія деньги, остался съ нѣсколькими рублями, которые и издержалъ въ пути. Дорога же была очень продолжительна, такъ какъ пришлось ѣхать на почтовыхъ и потомъ съ остановками по нѣсколькимъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Такъ, мы прибыли въ Петербургъ въ буквальный смыслъ этого слова съ двумя пятиалтынными и я тотчасъ же, перевезши вещи въ номера одной незатѣйливой гостинницы, принужденъ былъ бѣжать въ ссудную кассу заложить часы, для обхода на текущій день; завтра же рѣшено было идти получать деньги съ Бѣдунова. Утѣшенный этою мыслию, я, несмотря на безденежье и на усталость отъ дороги, находился въ самомъ бодромъ и веселомъ настроеніи духа, и послѣ обѣда въ гостинницѣ предложилъ женѣ и своему спутнику пройтись по Невскому проспекту. Мы остановились не далеко отъ него, близъ гостинницы «Дагмара». Погода была не дурна. У меня въ Петербургѣ огромная масса знакомыхъ лицъ

разныхъ званій и состояній, между которыми есть нѣкто Маслянниковъ, рыскавшій вездѣ и повсюду и постоянно знавшій всевозможныя новости города и сѣметни. Присматриваясь къ проходящимъ, въ надеждѣ найти между ними знакомое лицо, я вспомнилъ объ этомъ Маслянниковѣ и, обратясь къ женѣ, сказалъ ей: не встрѣтимъ-ли мы его, такъ какъ въ эти часы онъ постоянно гранитъ панели Невскаго.

— А на что онъ тебѣ? спросила жена.

— Узналъ-бы у него о городскихъ новостяхъ.

Маслянниковъ былъ легокъ на поминѣ: не успѣлъ я проговорить свой отвѣтъ женѣ, какъ увидѣлъ его идущимъ на встрѣчу.

— Ба! какими судьбами? вскричалъ онъ, увидавши меня, — вотъ не ожидалъ! Давно ли изъ С—ска? ..

— Только нѣсколько часовъ, какъ пріѣхалъ.

— На долго-ли?

— И самъ не знаю. Можетъ быть и на всегда, — а можетъ быть куда и уѣду. Вы какъ живете, можете?

— Ничего, слава Богу.

— Что новаго?...

Маслянниковъ передалъ мнѣ нѣсколько извѣстій объ общихъ знакомыхъ и о газетныхъ и журнальныхъ новостяхъ.

— Еще что?... Больше ничего?... спросилъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, — о бѣгствѣ Бѣдунова вы, разумѣется, знаете ..

— Какого Бѣдунова, — вскричалъ я, отшатываясь назадъ и скорчивъ самую изумленную рожу.

— А извѣстнаго книгопродавца на Невскомъ....

— Что вы?... Быть не можетъ! Александра Федоровича?

— Да.

— Куда же онъ бѣжалъ?...

— За границу.

— Но, можетъ быть это сплетни: онъ уѣхать должно быть лишь на время по дѣламъ, а говорить бѣжалъ?

— Нѣтъ, бѣжалъ окончательно.

— Что же заставило его бѣжать?

— Обыкновенно обанкрутился. Разстроилъ дѣла.

— Довольно странно.... У него повидимому былъ такой порядокъ въ книжномъ магазинѣ.... Столько служащихъ и всѣ постоянно за работою.... Одинъ изъ прикащиковъ кажется даже окончилъ полный курсъ въ с.-петербургскомъ коммерческомъ училищѣ... Такая бездна торговыхъ книгъ... У кассы стояла какая-то родственница Бѣдунова, сестра, что-ли? .. Слѣдовательно, воровство кассы не мыслимо. Притомъ Бѣдуновъ человѣкъ честный, въ аферы и спекуляціи онъ не вдавался, особыхъ изданій предпринималъ крайне мало.... Что онъ издалъ въ послѣднее время?... Почти ничего. Развѣ его подрѣзалъ иллюстрированный журналъ? Но все таки онъ не могъ довести его до бѣгства. Онъ могъ потерять на немъ бездѣлицу для его капитала, двѣ три тысячи, особенно, если взять во вниманіе огромный кредитъ Бѣдунова у бумажныхъ фабрикантовъ, въ типографіяхъ и прочее, то эта сумма для него менѣе даже, чѣмъ бездѣлица. Вы бывали, — спросилъ я Маслянникова, въ книжномъ магазинѣ Бѣдунова?

— Сколько разъ....

— Опять спрашиваю васъ: видѣли-ли вы тотъ примѣрный порядокъ, о которомъ я говорилъ вамъ?

— Видѣлъ...

— Какъ же вы утверждаете, что дѣла Бѣдунова разстроились? приступилъ я горячо, или вы считаете Бѣдунова за человѣка, способнаго улизнуть съ чужими деньгами?... Нѣтъ, онъ человѣкъ честный!...

— Вы напрасно горячитесь... Я передаю вамъ, что слышалъ, — отвѣчалъ Маслянниковъ, замѣтивъ мою раздражительность.

— Не вѣрю, васъ обманули.... Ложь!...

— Но, помилуйте, вскричалъ разгоряченный моимъ недовѣріемъ Маслянниковъ, — какая ложь? Я неправильно выразился, что я слышалъ только о бѣгствѣ Бѣдунова, объ этомъ я читалъ въ газетахъ. Онъ бѣжалъ двѣ недѣли уже назадъ. Магазины его заперты. Подите и удостовѣрьтесь самолично.

— Да, пойду и удостовѣрюсь, — съ сердцемъ отвѣчалъ я, и, не подавая Маслянникову руки, быстро повернулся и повлекъ за собою жену по направленію къ магазину Бѣдунова.

Маслянниковъ зналъ горячій темпераментъ моего характера и смотрѣлъ вслѣдъ мнѣ, какъ на сумашедшаго.

Книжный магазинъ Бѣдунова оказался дѣйствительно запертымъ.

Дѣло Бѣдунова заняло меня до того, что я забылъ собственные интересы, свое безденежье и то положеніе, въ которое ставило меня это бѣгство передъ моимъ товарищемъ... Въ головѣ неотвязно засѣла мысль: «что могло погубить извѣстнаго книгопродавца и довести его до постыднаго бѣгства?..»

И я рѣшился во чтобы то ни стало доискаться истины. ..

А. Шкляревскій.

(Продолженіе будетъ).

Значеніе прессы въ обработкѣ новыхъ идей.

Слѣдя за развитіемъ новыхъ идей и новыхъ изобрѣтеній, въ прикосновеніи ихъ съ жизнью, нельзя не подмѣтить, что они встрѣчаются публикою съ большею или меньшею антипатіею, въ силу чисто индивидуальнаго рефлекса мысли—нежеланія размышлять о томъ, что разъ усвоено. Изъ такого явленія не изъяты бываютъ люди, специально занимающіеся наукою, привыкшіе размышлять отъ извѣстной аксіомы, данной имъ на школьной скамьѣ, усвоенной ими въ практической жизни и сдѣлавшейся ихъ второю натурою. Понятія такихъ людей проявляются въ видѣ антагонизма противъ того, что колеблетъ ихъ аксіому. Педантизмъ разныхъ ученыхъ, профессоровъ, преподавателей, мыслителей былъ вездѣ главнымъ тормазомъ въ обработкѣ новыхъ идей. Иногда къ педантизму примѣшивается еще оскорбленное преподавательское самолюбіе, а часто и личные, своекорыстные интересы, подталкивающіе стоять за старое свое преподаваніе и производство.

Все свѣжее и новое находить себѣ поддержку исключительно въ литературѣ—въ печатномъ словѣ, гдѣ встрѣчаются элементы, независимые отъ рутинныхъ началъ и предвзятыхъ идей. Поэтому, понятно, что на прессу всегда выпадаетъ доля — являться поборникомъ новыхъ идей и мыслей. Пресса, и только одна пресса, открываетъ

обширное поле, гдѣ сталкиваются самыя противоположныя мнѣнія. Каждое изъ этихъ мнѣній находить въ образованной публикѣ специалистовъ, относящихся къ дѣлу безпристрастно и помогающихъ всегда раскрытію и распространенію истины.

Эта-то мысль просится къ намъ на перо на первыхъ порахъ изданія «Бесѣды», хотя-бы уже для одного того, чтобы полнѣе объяснить читателямъ цѣль этого изданія, въ которомъ предполагается дать мѣсто противоположнымъ мнѣніямъ но затронутому и еще необработанному счетоводному вопросу.

Но прежде, чѣмъ объяснить нашу мысль, приведемъ нѣсколько фактовъ, важное значеніе которыхъ, для полноты дѣла, необходимо имѣть въ виду.

Въ позднѣйшее время, по поводу разсматриваемаго въ правительственныхъ учрежденіяхъ вопроса о торговой несостоятельности, биржевыя купечества: с.-петербургское, московское, рижское, одесское и т. д., какъ читатель замѣтитъ ниже изъ специальной объ этомъ статьѣ, единогласно указали на важное значеніе, въ дѣлахъ несостоятельности торговаго счетоводства, а нѣкоторыя прямо выразили мысль о необходимости пересмотра статей торговаго устава, относящихся къ торговымъ, счетоводнымъ книгамъ. Какъ удовлетвореніе этой потребности является, какъ разъ въ это-же время, новая тройная система счетоводства, значеніе которой выясняется уже изъ того, что со стороны министерства финансовъ, по приказанію г. министра, сдѣлано распоряженіе объ испытаніи этого новаго русскаго изобрѣтенія путемъ практики, для того, чтобы выяснить полнѣе сущность его. Кроме того, въ самое послѣднее время, въ одномъ изъ журналовъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, именно 1-го декабря 1875 г., выражено, что «кошечно на урокахъ бухгалтеріи въ реальныхъ училищахъ, преподаватели не оставляютъ безъ объясненія, какъ сущность новой си-

стемы, такъ и предлагаемыя ею улучшенія и видоизмѣненія въ системахъ, нынѣ существующихъ». Прибавимъ, что съ открытіемъ въ реальныхъ училищахъ коммерческихъ отдѣленій, и со введеніемъ въ ихъ курсъ преподаванія счетоводства, счетоводный вопросъ долженъ получить научную разработку, и ему посвящено уже въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія нѣсколько статей «о преподаваніи счетоводства въ реальныхъ училищахъ».

Указавъ, такимъ образомъ, какъ на важное значеніе счетоводства, такъ и на ощущеніе въ правительственныхъ и купеческихъ сферахъ недостатковъ существующаго порядка, вернемся теперь къ нашей мысли, а именно укажемъ, какъ отнеслись къ новому изобрѣтенію — къ русской системѣ счетоводства — представители счетоводной науки у насъ въ Россіи. Между этими представителями прежде всего мы должны отвести самую видную роль старшему преподавателю двойной системы въ с.-петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, г. Рейнботу, выступившему впереди противъ новой — тройной системы, сначала, въ статьѣ своей, въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (№ 336, отъ 9-го декабря 1874 г.); потомъ, послѣ отвѣта на эту статью со стороны г. Езерскаго (въ № 343 той же газеты, отъ 16 декабря 1874 г.), — на преніяхъ въ своемъ училищѣ 12-го января 1875 г. и, наконецъ, когда высказанное, на этихъ преніяхъ, «окончательное мнѣніе г. Рейнбота о двойной и тройной системахъ» было напечатано по подлинному стенографическому списку, исправленному собственноручно г. Рейнботомъ въ книгѣ «пренія о двойной и тройной системахъ счетоводства», съ возраженіемъ и съ полнымъ анализомъ этого окончательнаго мнѣнія, онъ г. Рейнботъ въ отвѣтъ на эту книгу «пренія и т. д. издалъ брошюрку: «которая система лучше — двойная или тройная *»). Въ

*) Разборъ этой брошюры помѣщается ниже.

брошюрѣ, онъ говоритъ, что она есть его «послѣднее слово о тройной системѣ», и «что дальнѣйшія попытки, какъ г. Езерскаго, такъ и приверженцевъ его системы, восхвалять тройную и порицать двойную бухгалтерію, будутъ оставлены имъ (Рейнботомъ), безъ всякаго отвѣта».

Такимъ образомъ, вопросъ, со стороны г. Рейнбота, является совершенно законченнымъ, и читатель, надѣмая, не можетъ упрекнуть насъ въ желаніи дѣлать ссылку на такой частный примѣръ, по которому сторонамъ не было еще дано послѣдняго слова. Впрочемъ, мы не будемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе мнѣній г. Рейнбота. Все это уже сдѣлано и напечатано въ книгѣ «пренія о двойной и тройной системахъ счетоводства», а со стороны г. Рейнбота въ той же книгѣ, «въ окончательномъ мнѣніи», и въ особой брошюрѣ: «которая система лучше—двойная или тройная». Такимъ образомъ, для интересующихся читателей всѣ факты, выставленные двумя сторонами, на лицо. Остается только каждому желающему разсмотрѣть эти факты и составить по нимъ собственное мнѣніе.

Здѣсь мы коснемся только вопроса о значеніи прессы въ обработкѣ новыхъ идей, и затронемъ только тѣ мнѣнія г. Рейнбота, которыя разъясняютъ этотъ вопросъ

Съ самаго начала появленія тройной системы, какъ г. Рейнботъ, такъ и другіе представители науки счетоводства, выказали полную апатію, полное невниманіе и равнодушіе къ новому изобрѣтенію въ области ихъ предмета. Въ 1870 г. вышелъ въ свѣтъ первый публичный опытъ этого изобрѣтенія; въ 1873 году—теорія и краткая наглядная практика, а въ 1874 году—полная наглядная практика счетоводства, съ одной стороны — по простой, двойной, англійской и другимъ старымъ системамъ счетоводства, съ другой — по новой тройной системѣ. Но, въ теченіе всего этого времени, публика не узнала о новомъ изобрѣтеніи отъ нашихъ представителей науки сче-

товодства ничего. На г. Рейнботѣ, какъ на преподавателѣ счетоводства въ с-петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, и какъ на авторѣ нѣсколькихъ томовъ сочиненій о счетоводствѣ по старымъ системамъ, лежала первѣйшая и прямая обязанность познакомить публику съ новымъ явленіемъ въ области его спеціальнаго дѣла. Тѣмъ легче для г. Рейнбота можно было это сдѣлать, потому что первый публичный опытъ новой системы состоялъ изъ переложенія по ней цѣликомъ полного курса его же, г. Рейнбота. Но, какъ г. Рейнботъ, такъ и другіе представители науки счетоводства обнаружили полное невниманіе къ публикѣ и отнеслись къ дѣлу съ непростительною апатіею.

Весною 1874 года, по выходѣ въ свѣтъ полной наглядной практики по двойной и тройной системамъ, только одна пресса обратила на нихъ вниманіе публики. Трудъ этотъ, такимъ образомъ, заслужилъ невниманіе только со стороны представителей науки счетоводства. Въ этомъ случаѣ, заслуга прессы, въ дѣлѣ разъясненія публикѣ новаго изобрѣтенія, обрисовывается совершенно ясно.

Но она является намъ еще полнѣе, когда мы возьмемъ во вниманіе, что если наши представители науки нанли, наконецъ, нужнымъ выйти изъ своего апатическаго положенія, то подвинула ихъ на это та же самая пресса. Статьи ихъ явились лишь по поводу статей «Голоса» и т. д., такъ что изъ самаго уже оглавленія видно, что если-бы не явилось въ прессѣ отзывовъ, посвященныхъ новому изобрѣтенію, то наши представители науки и не подумали-бы познакомить съ нимъ публику и по сегодняшній день и, быть можетъ, никогда.

Но и послѣ, выведенный прессою изъ апатіи, г. Рейнботъ откликнулся не затѣмъ, чтобы разобрать изобрѣтеніе, указать на его особенности и т. п., но для того лишь, чтобы отстоять свои сочиненія. Само побужденіе приняться за перо онъ объясняетъ, въ первыхъ строкахъ своей первой статьи, довольно оригинальнымъ образомъ:

«До тѣхъ поръ», говоритъ онъ, «пока система эта (русская-тройная) предлагалась публикѣ въ сочиненіяхъ г. Езерскаго, мы считали лишнимъ говорить... во имя науки... хоть трава порости въ ней. «Но когда пресса», и т. д. . . то это «заставило» (?) и т. д.

Въ первыхъ этихъ строкахъ обрисовывается уже ясно, что побужденіемъ взяться за перо двигали не научные интересы истины.

«Мы», говоритъ г. Рейнботъ, «поставили себѣ цѣлью предостеречь отъ излишняго увлеченія, какъ органовъ нашей прессы, такъ и слишкомъ довѣрчивую, къ газетнымъ одобреніямъ, публику».

Изъ этихъ строкъ самъ собою вытекаетъ вопросъ: кто больше увлекается—пресса, или г. Рейнботъ, и кому публика должна оказать больше довѣрія—прессѣ, или г. Рейнботу? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо сказать, что упомянутое замѣчаніе г. Рейнбота всецѣло относится именно къ статьѣ газеты «Голосъ» о новомъ русскомъ изобрѣтеніи, и что въ этой газетѣ появлялось нѣсколько статей о тройной системѣ счетоводства и, между прочимъ, въ № 84, отъ 25-го марта 1874 года и въ № 295, отъ 25-го октября 1874 года.

Въ промежуткѣ между этими статьями въ № 247, отъ 7-го сентября того же 1874 г., въ томъ же «Голосѣ» была помѣщена статья о двухъ книгахъ г. Рейнбота «Сельско-хозяйственное счетоводство» и «Фабричное счетоводство», въ которыхъ именно было сказано: «нельзя не отнести сочувственно къ мысли г. Рейнбота—специализировать руководства».

Сопоставляя эти статьи между собою, мы не знаемъ, можно-ли считать, что пресса, въ лицѣ газеты «Голосъ», заслужила упрекъ за то, что дала своимъ читателямъ сочувственные отзывы обоимъ противоположнымъ авторамъ, и если только заслужила, то почему же г. Рейнботъ не задался цѣлью предостеречь и прессу отъ увлеченія и

публику отъ довѣрія къ прессѣ, въ то время, когда въ «Голосѣ» говорилось о его, г. Рейнбота, сочиненіи. Вѣдь не можетъ же г. Рейнботъ быть на столько непослѣдовательнымъ, чтобы желать и увлеченія прессы, и довѣрія публики къ прессѣ, въ то время, когда рѣчь идетъ о его сочиненіяхъ, и, наоборотъ, возбуждать недовѣріе публики къ прессѣ тогда, когда рѣчь идетъ о сочиненіяхъ не его, г. Рейнбота.

Упомянутая статья г. Рейнбота, въ которой онъ предупреждаетъ прессу отъ увлеченія и публику отъ довѣрія къ прессѣ, явилась за двумя подписями, именно: его, г. Рейнбота и г. Н. Повѣткина. Такимъ образомъ онъ напрашивается, какъ-бы, на двойное къ себѣ довѣріе публики.

Послѣ этого вопросъ: кто именно заслуживаетъ больше довѣрія публики — пресса или г. Рейнботъ? пріобрѣтаетъ особую, такъ сказать, двойную цѣну.

Войдемъ въ разсмотрѣніе его.

«Первое сочиненіе», говоритъ г. Рейнботъ, въ защиту двойной системы, «въ которомъ двойная система изложена и правильно и органически, появилось въ 1504 г.». Тутъ г. Рейнботъ не объяснилъ, гдѣ именно онъ видѣлъ это сочиненіе. Между тѣмъ, изъ другихъ источниковъ оказывается, что его никто изъ писавшихъ о счетоводствѣ, не исключая и самого г. Рейнбота, не видѣлъ. Слѣдовательно, какимъ же образомъ г. Рейнботъ можетъ говорить, что двойная система изложена «правильно и органически» въ такомъ трудѣ, котораго онъ видѣть не могъ и не можетъ.

Замѣтимъ здѣсь, что монахъ Пачіоло занимался переводомъ съ арабскаго языка алгебры, и когда къ нему, какъ къ человѣку, занимавшемуся математическими науками, обратились купцы за разрѣшеніемъ ихъ затрудненій по счетоводству, то онъ далъ совѣтъ, въ 1495 г., записывать суммы по два раза, чтобы уравнивать итоги двухъ

противоположныхъ страницъ счетовъ: приходнаго и расходнаго.

Этимъ совѣтомъ онъ и ограничился. Никакого сочиненія онъ не писалъ и не издавалъ. Первое сочиненіе напечатано было уже послѣ его смерти другимъ, тоже монахомъ.

Изъ этого мы можемъ видѣть, что во времена изобрѣтенія двойной системы, счетоводный вопросъ не подвергался такой строгой критикѣ, какъ это мы видимъ теперь, въ наше время.

Вопросъ этотъ остался непечатымъ вопросомъ, а изобрѣтеніе двойной системы вышло скороспѣлкою изъ головы такого человѣка, который практическимъ счетоводствомъ никогда не занимался, и, слѣдовательно, въ этомъ, на скоро заявленномъ мнѣніи, не могло быть глубокой, обдуманной мысли. Это, кстати сказать, подтверждаетъ еще разъ необходимость разработки счетоводнаго вопроса

Далѣе г. Рейнботъ продолжаетъ, что «мнѣніе г. Езерскаго о томъ, что по двойной системѣ обманы, утайки и ошибки возможны, есть не оригинальное, а заимствовано у Эдуарда Джонеса».

Говоря эти слова, г. Рейнботъ не указалъ источника, изъ котораго онъ выписалъ это мнѣніе Эд. Джонеса, и, такимъ образомъ, выставилъ самого себя человѣкомъ, сдѣлавшимъ и прессѣ, и публикѣ новое открытіе; мало того, уличающимъ г. Езерскаго въ томъ, что онъ чужое мнѣніе выдаетъ за свое. На самомъ же дѣлѣ оказывается, какъ это выяснилось изъ упомянутыхъ статей и брошюръ, что г. Рейнботъ выписалъ мнѣніе Эд. Джонеса изъ сочиненій г. Езерскаго же, и что г. Езерскій, собственно говоря, не «заимствовалъ», а «привелъ» мнѣніе Эд. Джонеса, съ указаніемъ на источникъ, откуда онъ приводитъ его, — привелъ для того, чтобы доказать, что не одинъ онъ, Езерскій, думаетъ, что двойная система счетоводства обман-

тива, но что мнѣніе это раздѣляетъ еще и изобрѣтатель англійской системы счетоводства, Эдуардъ Джонесъ.

Въ концѣ своей статьи, г. Рейнботъ выражается, что «обманы и утайки возможны при всякой системѣ, возможны и при веденіи счетоводства по тройной системѣ». Въ этихъ строкахъ, какъ читатель видитъ, г. Рейнботъ, прежде всего, самъ того не замѣчая, присоединяется къ мнѣнію Эд. Джонеса, раздѣляемому г. Езерскимъ — что по двойной системѣ обманы и утайки возможны. Здѣсь г. Рейнботъ не выясняетъ и не ограничиваетъ степень своего согласія съ Эд. Джонесомъ и г. Езерскимъ, и едва ли мы ошибемся, если, на основаніи словъ г. Рейнбота, поймемъ, что согласіе это самимъ имъ неограничено. Послѣ же этого, вопросъ о томъ, что по двойной системѣ обманы и утайки возможны, перестаетъ быть вопросомъ, такъ какъ мнѣніе самого г. Рейнбота согласно съ мнѣніемъ Джонеса и Езерскаго. А коль скоро о двойной системѣ складывается такое единогласное невыгодное мнѣніе, что по ней утаить и обмануть можно, то нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, остановиться человѣчеству на обманчивой системѣ и продолжать пользоваться ею, нельзя же не задаться вопросомъ объ устраненіи такого серьезнаго недостатка въ счетоводномъ дѣлѣ; и слѣдовательно представляется въ высшей степени рациональнымъ открыть этотъ вопросъ, разсмотрѣть его и обсудить, нельзя-ли въ самомъ дѣлѣ найти способовъ къ устраненію такого важнаго недостатка. Нельзя же отказать, по меньшей мѣрѣ, въ справедливости такого желанія, а если къ этому желанію, къ этой мысли, примкнуть пресса и лучшія счетоводныя силы, то отъ этого нельзя ожидать ничего другого, какъ только выясненіе счетоводнаго вопроса, такъ какъ нельзя же допускать мысли, чтобы человѣчество не могло справиться съ такимъ предметомъ, какъ счетоводство, и не могло внести въ него какія нибудь свѣжія мысли, ко-

торыя вывели-бы насъ изъ затрудненія—употреблять обманчивую, по единогласному мнѣнiю, систему счетоводства.

Г. Рейнботъ противъ обманчивости двойной системы ничего не говорить, онъ только, какъ мы видѣли выше, говорить, что то же самое возможно и по тройной системѣ. Доказать ему послѣдняго, однако, не удалось: Онъ дѣйствительно началъ было приводить доказательство, но потомъ самъ отступился и, такимъ образомъ, оказалось, что не тройная система обманчива, а самъ г. Рейнботъ обманывалъ самого себя и публику *).

Но если-бы, допустимъ къ примѣру, хотя это пока будетъ гадательно и преждевременно, если-бы въ болѣе или менѣе близкомъ, или отдаленномъ будущемъ было ука-

*, Г. Рейнботъ взялся доказать возможность обмановъ и утаекъ по тройной системѣ на одномъ изъ признаковъ вѣрности этой послѣдней, именно на регуляторѣ. Для этого г. Рейнботъ привелъ въ своей статьѣ, въ Виржевыхъ Вѣдомостяхъ форму, будто бы, тройной системы счетоводства. Онъ, во-первыхъ, выставилъ въ этой формѣ регуляторъ на двухъ страницахъ—на лѣвой и на правой, и во-вторыхъ, вывелъ цифру регулятора отъ суммы 399 р. 95 к. за 95 пуд. по 4 р. 21 к. Впослѣдствii же, самъ г. Рейнботъ согласился, что регуляторъ въ тройной системѣ выставляется только на одной лѣвой страницѣ, и что на правой страницѣ г. Рейнботъ выставилъ его ошибочно. Точно также, впоследствии онъ убѣдился, что регуляторъ образуется отъ отбрасываемыхъ дробей, между тѣмъ какъ при помноженiи 95 пуд., на цѣну 4 р. 21 к., сумма 399 р. 95 к. получается въ точности, и никакой дроби, а следовательно и выставленной имъ въ регуляторѣ цифры 5 быть не можетъ. Чтобы поправить себя, г. Рейнботъ измѣнилъ примѣръ, именно—взялъ вмѣсто 399 р. 95 к. сумму въ 400 р. и этимъ измѣненiемъ суммы съ одной на другую, сознался уже въ первоначальной своей ошибкѣ. Затѣмъ, и съ новой суммою 400 р., онъ не могъ также обмануть по тройной системѣ, какъ это подробно разъяснено въ книгѣ «пренiя о двойной и тройной системахъ счетоводства», именно, г. Рейнботъ принужденъ былъ, для совершенiя обмана, подмѣнить цѣны, а подмѣна этой цѣны, при томъ условiи, въ какое тройная система ставитъ цифры цѣны, требуетъ обязательно выставленiи ихъ на глазахъ хозяина. въ отдѣльной графѣ, становится слишкомъ рискованнымъ дѣломъ, и подмѣна такой цѣны можетъ черезъ чуръ уже легко привести человека на скамью подсудимыхъ и составлять уже дѣло уголовного преступленiя.

зано на возможность утайки обмановъ и по тройной системѣ, въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ это возможно по двойной, или хотя въ меньшемъ, то такое открытіе, или подобныя указанія не только не ослабляютъ постановки счетоводнаго вопроса, а напротивъ того усиливаютъ потребность этой постановки и разработки счетоводства.

Тогда будетъ подлежать анализу и тройная система, какъ подлежить ему нынѣ двойная, и тогда должны быть придуманы и, по всей вѣроятности, отыщутся способы устранения и тѣхъ недостатковъ, какіе могутъ быть открыты и въ тройной системѣ счетоводства. Нельзя же, повторимъ мы, обижать человѣчество такою мыслью, что оно не можетъ справиться съ счетоводнымъ вопросомъ, и что не найдется никто, кто могъ-бы внести въ него какія нибудь разумныя и болѣе вѣрныя начала, на которыя можно-бы было опереться и основаться.

Г. Рейнботъ, между прочимъ, дѣлаетъ въ своей статьѣ сравненіе способовъ записей, съ одной стороны, по двойной, съ другой --- по тройной системѣ счетоводства. Для этого сравненія, онъ беретъ изъ тройной системы 151 задачу. Въ этой задачѣ выставленъ у г. Езерскаго фактъ продажи товара въ кредитъ, между тѣмъ г. Рейнботъ переиначилъ самый фактъ и перевернулъ его въ продажу на наличныя.

Надо въ этомъ случаѣ замѣтить, что въ тройной системѣ приведено около 700 задачъ, и что въ числѣ этихъ задачъ заключается масса разнообразныхъ примѣровъ продажи на наличныя деньги; но почему преподаватель г. Рейнботъ не взялъ прямо одного изъ приведенныхъ примѣровъ, и почему ему понадобилось перевернуть фактъ, это оставлено г. Рейнботомъ безъ разъясненія.

На этомъ пунктѣ г. Рейнботъ расходится съ обычаями прессы. Послѣдняя обыкновенно выставляетъ фактъ, какъ онъ есть, а г. Рейнботъ выставляетъ его перевернутымъ.

Далѣе, упомянутая 151 задача относится къ четвер-

тому виду тройной системы счетоводства. Замѣтите, читатель, къ четвертому, т. е. къ самому подробному виду, поставленному на послѣдній планъ. Между тѣмъ, въ этой тройной системѣ существуютъ первые три вида счетоводства — сокращенные, въ которыхъ прибыли отчисляются не на каждую продажу отдѣльно, а на цѣлую массу ихъ. Но почему же преподаватель г. Рейнботъ беретъ именно задачу изъ самаго невыгоднаго вида и умалчиваетъ о первыхъ трехъ видахъ, поставленныхъ г. Езерскимъ впереди другихъ, этого г. Рейнботъ не разъясняетъ.

Задача 151 состоитъ изъ такого примѣра: продано индиго бенгальскаго 6 п. 2 ф., по 165 р. 30 к. за пудъ, на сумму 1000 р. 7 к. Проводя эту задачу по книгамъ двойной и тройной системамъ, преподаватель г. Рейнботъ подставляетъ къ записямъ тройной системы лишннихъ 1000 р. 7 к. и, въ то же время, скрываетъ запись по двойной системѣ, въ кассовой книгѣ, на 1000 р. 7 к., въ кредитѣ книги журнала на 1000 руб. 7 коп., въ счетѣ прибыли и убытка и т. п.

По поводу подставки къ тройной системѣ лишней записи въ 1000 р. 7 к., учитель г. Рейнботъ первоначально, въ окончательномъ мнѣнн, приводилъ три основанія. «Во первыхъ,» говоритъ онъ, «Езерскій подставилъ 3.333,037 руб. 46 к. Отчего же и мнѣ, Рейнботу, не подставить 1000 р. 07 к. *). Во вторыхъ,» говоритъ онъ, «это про-

*) Вычисленіе г. Рейнботомъ этихъ 3.333,037 р. 46 к., будто-бы подставленныхъ г. Езерскимъ къ двойной системѣ, представляется въ высшей степени комическимъ. Чтобы разъяснить этотъ комизмъ, надо сказать, что къ двойной системѣ существуетъ правило—балансировать счета, т. е. открывать счетъ баланса начинательнаго, а потомъ и заключительнаго, и переносить на такіе счета остатки. Въ тройной системѣ не существуетъ ни счета балансовъ, ни правилъ о балансированнн и о переносѣ остатковъ изъ счета въ счетъ, и такимъ образомъ трудъ этотъ сокращается. Далѣе, въ двойной системѣ есть книга журналъ; въ тройной системѣ такой книги и соответствующей ей нѣтъ, и поэтому, опять же, трудъ сокращается. Между тѣмъ, г. Рейнботъ говоритъ

стая опечатка; въ третьихъ, сумму 1000 р. 7 к. надо записать въ меморіаль два раза, т. е. однимъ разомъ болѣе того, сколько она записана въ сочиненіи г. Езерскаго. Въ послѣдней своей брошюрѣ онъ приводитъ еще новое, четвертое основаніе и говоритъ, что по тройной системѣ слѣдуетъ вести не одну кассовую книгу, какъ у г. Езерскаго, а двѣ кассовыя книги.

Входя въ значеніе всѣхъ этихъ четырехъ основаній, нельзя не придти къ тому заключенію, что каждое изъ нихъ уничтожаетъ остальные.

Если г. Рейнботъ говоритъ, отчего-бы ему и не подставить 1000 р. 7 к., то это значитъ, что здѣсь нѣтъ рѣчи объ опечаткѣ и о двухъ другихъ основаніяхъ.

Если это точно опечатка, то такъ и слѣдовало-бы остановиться и стоять на одной опечаткѣ. Если г. Рейнботу угодно изобрѣсти лишнюю запись, противъ записей г. Езерскаго, и навязать свое изобрѣтеніе Езерскому, то, опять же, здѣсь не совмѣстна рѣчь о подставкѣ, объ опечаткѣ и т. д. Если, наконецъ, въ тройной системѣ, г. Рейнботу непременно хочется ввести двѣ кассовыя книги, а не одну, какъ у г. Езерскаго, то опять же слѣдовало-бы остановиться на чемъ нибудь одномъ и доказать то, на чемъ, наконецъ, остановился. Очевидно, что масса этихъ

такъ: «Какъ извѣстно остатки записываются», замѣтите, читатель, *записываются*, значитъ Езерскій не *подставилъ*. Во первыхъ, эти остатки являются въ инвентарѣ, въ количествѣ 266746 р. 66 к. Затѣмъ «въ журналѣ сумма эта повторяется два раза, одинъ разъ, какъ активъ, а другой разъ, какъ пассивъ». «Въ такой-же суммѣ является этотъ остатокъ въ главной книгѣ и въ балансовой». «Слѣдовательно, говоритъ г. Рейнботъ, Езерскій приписалъ всего на сумму 1.867,226 р. 62 к.». Замѣтите, читатель, комизмъ,—приписать къ двойной системѣ то, что въ ней является и существуетъ. «Кромѣ того», продолжаетъ г. Рейнботъ, «Езерскій включаетъ въ книгу журнала на 1.465,810 р. 84 к.», книгу, которая, надо сказать читателю, въ двойной системѣ существуетъ, значитъ, она, не приписана. Обѣ эти суммы вмѣстѣ и составляютъ 3.333,037 р. 46 к.

основаній набирается только для того, чтобы затемнить самый фактъ подставки и, съ этой стороны, едва-ли г. Рейнботъ можетъ рассчитывать на большее къ себѣ довѣріе публики, нежели пресса, такъ какъ если-бы она и повѣрила одному изъ этихъ основаній, то такое довѣріе не совмѣстно съ довѣріемъ публики къ остальнымъ основаніямъ.

По поводу пропуска въ двойной системѣ кассовой книги, г. Рейнботъ, въ послѣдней своей брошюрѣ, говорить, что кассовая книга по двойной системѣ ведется, и этимъ самымъ доказываетъ, что онъ ее, въ первой статьѣ, точно пропустилъ.

Однихъ уже этихъ фактовъ достаточно, для того, чтобы видѣть, что сумма записей по двойной и тройной системамъ выведена г. Рейнботомъ, въ искаженномъ видѣ, фальшивою, и что, съ этой стороны, довѣріе публики должно склониться больше на сторону прессы, гдѣ подобныя подставки и скрытія неслыханы, а къ преподавателю г. Рейнботу ни какъ уже нельзя отнести съ тѣмъ довѣріемъ, на какое имѣеть право рассчитывать представитель науки, поставившій себѣ цѣлью «предостеречь отъ излишняго увлеченія, какъ органы палчей прессы, такъ и слишкомъ довѣрчивую къ газетнымъ одобреніямъ публику», и напечатавшій свою статью за двумя подписями, какъ-бы желая пріобрѣсти двойное къ ней довѣріе публики.

Все вышесказанное рисуется намъ довольно яркими красками частный случай, выясняющій, какъ отношеніе представителей науки къ новому изобрѣтенію, такъ и мѣсто, занимаемое прессою, выводящею на чистую воду всѣ подобнаго рода продѣлки и несправедливости, и раскрывающею истину дѣла.

Послѣ г. Рейнбота намъ припоминается еще другой авторитетъ счетоводной науки, г. А. Б., выступившій противъ тройной системы въ немецѣ оригинальной фор-

мѣ, чѣмъ г. Рейнботъ, въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, за октябрь мѣсяць 1875 г. Со статьею г-на А. Б. читатель будетъ ознакомленъ въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ настоящихъ «Бесѣдъ». Здѣсь обращаемъ вниманіе читателя только на слѣдующія слова изъ труда его: «Бухгалтерія», говоритъ онъ, «область по преимуществу консервативная, допускающая лишь частныя поправки и постепенныя улучшенія въ существующихъ системахъ, какимъ путемъ и образовалась изъ простой—двойная система, а изъ нея можетъ впослѣдствіи, постепенно, шагъ за шагомъ, образоваться какая нибудь новая система, болѣе совершенная »

Сколько въ этихъ словахъ смысла для психолога! Новая система явилась. Новая система должна образоваться; но неужели такъ скоро? Нѣтъ, прочь эту мысль! Она придетъ когда нибудь... послѣ... постепенно .. Замѣтите противорѣчіе: консерваторъ, отстаивающій старое, ожидаетъ новую систему; «бухгалтерія», «консервативная», ожидаетъ образованія новой, — но только ни теперь, ни въ такое время, когда А. Б. не можетъ отдѣлаться отъ усвоенной мысли о двойной системѣ. Онъ вѣритъ, что новая система придетъ, но не вѣритъ, что она пришла. Тутъ рефлексъ мысли не даетъ намъ возможность анализировать то, что усвоено. Явленіе новой системы, колеблющей аксіому, встрѣчаетъ антагонизмъ, а между тѣмъ фактъ этого явленія самъ по себѣ такой, что дѣйствительно возбуждаетъ вѣрованіе, что новая система когда нибудь да придетъ, потому что старая уже въ самомъ дѣлѣ оказывается, по сравненію съ новою, негодною. Но какъ-же это?.. Неужели теперь приходится размышлять о новой системѣ? Но онъ гонитъ отъ себя эту мысль, какъ отгоняють мухъ. «Пусть это будетъ послѣ... когда нибудь... медленно... Неужели-же вдругъ? .

Нѣтъ, послѣ... не теперь, не въ то время, когда

мысль не может оторваться отъ усвоенной двойной системы счетоводства!!»

Въ этихъ строкахъ выражается борьба представителя науки съ собственною мыслью. Ясенъ разладъ и противорѣчiе съ послѣднею. «Придетъ она новая,» восклицаетъ консерваторъ, «но только не теперь, послѣ, послѣ!!..»

Въ заключенiе этой статьи, намъ невольно припоминается борьба, происходившая въ Англіи, во времена изобрѣтенiя желѣзныхъ дорогъ. «Не пойдетъ,» кричали лучшіе представители, «не пойдетъ,» «будетъ скользить по рельсамъ,» «не пойдетъ...»

«Это не я выдумалъ желѣзную дорогу,» печатаетъ въ газетѣ нѣкто, однофамилецъ изобрѣтателя, «это даже не мой родственникъ, онъ только однофамилецъ. Онъ сумашедшій! Но это вѣдь онъ, а не я. Ради Бога не смѣшивайте. Я здоровъ...» и прочее и прочее.

Вотъ что печаталось и говорилось противъ изобрѣтателя желѣзныхъ дорогъ.

Но, между представителями науки въ Англіи и представителями счетоводнаго дѣла у насъ, въ Россіи, существуетъ громадная разница. Первые, увидѣвши, что дорога идетъ, не брались подставлять ходу препятствій, не скрывали недостатковъ стараго способа передвиженiя, не подмѣняли, въ подражаніе новому, ничего стараго, а послѣдніе, т. е. у насъ, увидѣвши новое изобрѣтеніе, подставляютъ къ нему, чтобы перегородить дорогу, лишніе 1000 р. 7 к., прячутъ и скрываютъ книги своей системы, которыя, дѣйствительно, по сравненію съ новою системою, оказываются лишними, подмѣняютъ наскоро формы своего учебника и т. д. и т. д. Наконецъ, представители дѣла въ Англіи, увидѣвъ совершившійся фактъ, признали его, поклонились ему, между тѣмъ какъ наши представители счетоводнаго дѣла, на глазахъ которыхъ новая тройная система уже пошла и примѣнена, все еще кричатъ: «не пойдетъ», непримѣнимо». Тутъ не угадаешь,

какое именно побужденіе двигаетъ ими: или люди эти обладаютъ въ такой высокой степени простотою и пусто-тою, что не понимаютъ совершившагося факта примѣненія системы; или же они въ такой степени недобросовѣстны, въ отношеніи къ публикѣ, что кричатъ «непримѣнимо» ради только того, что авось кто нибудь имъ повѣритъ и купитъ у нихъ еще одинъ экземпляръ ихъ старой системы счетоводства; либо, наконецъ, люди эти наложили на себя роль комиковъ, желающихъ дать русской публикѣ потѣшиться надъ ними, когда они высоко-комично кричатъ: «непримѣнимо!! непримѣнимо!!» тогда, когда она уже давно примѣнена, и когда сами они не могутъ дать практическаго сужденія о ея примѣнимости или непримѣнимости, какъ лица, не пробовавшія дѣлать этого примѣненія.

Послѣ всего, выясненнаго въ настоящей статьѣ, развѣ не имѣемъ мы права сказать, что представители науки явились и являются главнымъ тормазомъ въ обработкѣ новыхъ идей, и что всякая новая, свѣжая мысль находитъ себѣ поддержку въ литературѣ, въ печатномъ словѣ, гдѣ встрѣчаются элементы, независимые отъ рутинныхъ началъ и предвзятыхъ идей?

По вопросу о торговой несостоятельности и значеніи въ дѣлахъ о ней торговыхъ книгъ *).

Вопросъ о торговой несостоятельности давно уже стоитъ на очереди къ разсмотрѣнію въ законодательномъ поряд-

*) Статья эта была помѣщена въ 1872 году, въ газетѣ «Голосъ», но такъ какъ разсматриваемый въ ней вопросъ, еще не разсмотрѣнъ и интересъ дѣла еще не потерявъ, то мы печатаемъ ее здѣсь, въ надеждѣ — вызвать мнѣнія со стороны другихъ специалистовъ дѣла.

къ во II-мъ отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и не получаетъ окончательнаго разрѣшенія лишь до собранія и разсмотрѣнія затребованныхъ мнѣній.

При обсужденіи, которому этотъ важный экономически-юридическій вопросъ уже подвергался, въ различныхъ сферахъ, обнаружилось весьма странное и даже непонятное явленіе, именно: въ нѣкоторыхъ кружкахъ проводится мнѣніе, будто-бы торговыя книги въ дѣлахъ о торговой несостоятельности не составляютъ потребности.

Принимая во вниманіе серьезное значеніе, какое имѣетъ для всего хода торговли и особенно для торговаго кредита правильная постановка вопроса о торговой несостоятельности, считаемъ полезнымъ разсмотрѣть этотъ вопросъ именно въ связи съ веденіемъ торговыхъ книгъ.

Торговыя книги въ дѣлахъ банкротства то же самое, что векселя, обязательства и росписки въ дѣлахъ исковыхъ, контракты, условія, акты въ дѣлахъ спорныхъ, улики—въ дѣлахъ уголовныхъ.

Но потребность торговыхъ книгъ въ дѣлахъ о банкротствѣ не можетъ быть даже сравниваема и сопоставляема съ потребностью названныхъ документовъ..

Векселя и т. п. часто остаются въ книгахъ нотаріальныхъ — ихъ можно возстановить; напротивъ, о торговыхъ оборотахъ не остается нигдѣ слѣда, кромѣ однихъ торговыхъ книгъ: значить, ихъ возстановить нельзя.

Условія, улики и т. д. могутъ быть извѣстны многимъ свидѣтелямъ, незаинтересованнымъ прямо въ дѣлѣ; есть, стало быть, возможность провѣрить бывшіе факты свидѣтельскими показаніями; напротивъ, торговыя книги составляютъ секретъ хозяина; кромѣ его, да иногда только главнаго его довѣреннаго лица, онѣ никому неизвѣстны; слѣдовательно, нѣтъ и лицъ, показаніями которыхъ можно было-бы провѣрить и возстановить бывшіе факты. Въ

дѣлахъ исковыхъ, уголовныхъ обслѣдованію подлежатъ только одинъ или нѣсколько случаевъ, которые могутъ сохраниться въ памяти свидѣтеля, а еслибъ сохранились въ отрывочныхъ видахъ, то изъ отрывочныхъ показаній одного или многихъ свидѣтелей чаще всего можно составить цѣльное понятіе о совершившемся фактѣ; въ торговыхъ книгахъ всѣ обороты распадаются на миллионы мельчайшихъ оборотовъ торга, проишдшихъ подъ мельчайшими обстоятельствами торговаго дома. Вся эта мелочь не можетъ сохраниться въ памяти свидѣтелей, еслибъ даже они и были, а еслибъ нѣкоторыя мелочи и сохранились, то изъ отрывочныхъ свѣдѣній нельзя составить никакого понятія о торговомъ домѣ; это имѣетъ смыслъ только при разсмотрѣніи его дѣлъ въ общемъ видѣ и сравненіи послѣдняго со всѣми частностями. Только самыя рѣдкіе и исключительные случаи несостоятельности, каковы пожары, кораблекрушенія и т. д., могутъ быть обслѣдованы свидѣтельскими показаніями, всѣ другіе случаи не могутъ быть объяснены никакимъ слѣдствіемъ и ничѣмъ другимъ, кромѣ только торговыхъ книгъ. Назовемъ нѣсколько такихъ случаевъ. Положимъ, что среди кредиторовъ сидитъ, быть можетъ, крупнѣйшій кредиторъ, который говоритъ болѣе другихъ и громить своею претензіею къ несостоятельному дому. А не дутая-ли эта претензія, не составленная-ли по тайному отъ другихъ кредиторовъ уговору? Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшонъ только торговыми книгами. Только въ нихъ можно видѣть, какъ возникали долговья обязательства къ данному лицу, какъ они развивались и на чемъ остановились въ моментъ несостоятельности торговаго дома. Вотъ другой кредиторъ, съ векселемъ въ рукахъ, шумитъ также не менѣе перваго, а записаны-ли деньги, показаннымъ въ немъ, въ торговья книги, и если нѣтъ, то кто тутъ виноватъ: или банкротъ спряталъ ихъ отъ кредиторовъ, или же самый вексель былъ выданъ заднимъ числомъ безденежно? Предъ креди-

торами акціи и другія цѣнности, товары, подлежащія между ними раздѣлу. Они упали въ цѣнѣ и служатъ доказательствомъ несостоятельности, а не были-ли они куплены уже тогда, когда стояли низко? правда-ли, что они поступили по дорогой цѣнѣ? въ дорогое или въ дешевое время они записаны въ книгахъ? Все это можно видѣть только въ торговыхъ книгахъ Эти тайныя дѣла не имѣютъ другихъ свидѣтелей, кромѣ торговыхъ книгъ

Возьмемъ еще нѣсколько доказательствъ изъ практики. Предъ нами учебникъ «Руководство конторскаго знанія, К. М. Клинге», а въ немъ торговыя книги; въ числѣ ихъ есть и кассовая книга, въ которой итогъ за май мѣсяцъ показанъ 35,577 руб. 3 коп. (стр. 271). Сложите всѣ частныя суммы, получите его въ 35,374 руб. 18 к., менѣе на 202 р. 85 к. Это далеко не опечатка. Еслибъ подобныя ошибки на бѣольшую или бѣольшую сумму случились въ книгахъ несостоятельнаго торговца, то кредиторы только изъ книгъ могли-бы убѣдиться составляетъ-ли эта ошибка простую ошибку писавнаго или же она составляетъ злоупотребленіе. Возьмемъ другой учебникъ — «Полный курсъ коммерческой бухгалтеріи», П. М. Рейнбота. Въ немъ также есть торговыя книги; заглянемъ въ нихъ. На стр. 2-й, значитъ въ инвентарной книгѣ на лицо сахара 1,027 пуд. 16 фунт., а на стр. 34 въ товарную книгу записано только 1,027 пуд., менѣе на 16 фунтовъ. Эта ошибка сдѣлана въ 1864 году, но и теперь мы видимъ, что, 12 лѣтъ назадъ, утаено счетоводомъ отъ хозяина или же самимъ хозяиномъ отъ кредиторовъ 16 фунтовъ сахару, и видимъ, когда и какимъ образомъ утайка эта совершена. Откуда же узнаютъ кредиторы объ утайкахъ, быть можетъ, и бѣольшаго рода, въ книгахъ банкрота, если отъ нихъ самихъ утаены торговыя его книги? На стр. 37-й той-же самой книги показано убытка отъ георгіевской хлопчатой бумаги 2,020 р. 41 к.; но если разобрать тотъ-же счетъ. то окажется, что отъ

продажи этой бумаги 1-го и 21-го іюля получено барыша 571 р. 97 к. Но откуда же, если не изъ торговыхъ книгъ банкрота кредиторы могутъ объяснить себѣ подобную утайку барыша на 571 р. 97 к. и показаніе небывалаго мнимаго убытка на 2,020 руб. 41 к.? Въ томъ же руководствѣ значится въ покупѣ товара:

8-го іюля	8 бочекъ сала	на 7,287 р. 84 к.
24-го іюля	60 » поташа	» 3,680 » 10 »
27-го іюля	640 бунтовъ льна	» 9,776 » — »

но товары эти въ товарную или въ комиссіонную книгу не записаны. Откуда же, какъ не изъ торговыхъ только книгъ можно видѣть, что за всѣ эти товары поступили въ свое время деньги, что ни товары, ни деньги за нихъ отъ хозяина или хозяиномъ отъ кредиторовъ не утаены?

Намъ замѣтить, что мы ссылаемся на учебники, а предъ кредиторами настоящія книги. Но, вѣдь, книги пишутся на основаніи тѣхъ же учебниковъ. Если въ учебникахъ, составляющихъ трудъ учителей, мы находимъ перечисленные недоразумѣнія, то они могутъ не ослаблять, а наоборотъ, усиливать указанія въ необходимости книгъ. Они доказываютъ, что могутъ же быть въ книгахъ утайки, въ родѣ 16 ф. сахара, можно выводить и мнимые убытки, въ родѣ упомянутыхъ 2,020 р. 41 к.; а коль скоро они могутъ быть, то и необходимо удостовѣриться, нѣтъ-ли ихъ на самомъ дѣлѣ въ книгахъ несостоятельнаго торговаго дома и не составляютъ-ли утайки, по примѣру 16 фунт. сахара, умысленныхъ утаекъ съ цѣлью сокрытія отъ кредитора части имущества, или же поднятые убытки, въ родѣ 2,020 р. 41 к., умысла, съ цѣлью оправдаться ими предъ кредиторами и судомъ.

Всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены только торговыми книгами.

Вопросъ: надобны или не надобны торговыя книги

при опредѣленіи причинъ несостоятельности торговаго дома, кажется, ясенъ. Мы думали, что объ этомъ и говорить не надо, что онъ разрѣшается уже существующимъ во всѣхъ странахъ закономъ въ утвердительномъ смыслѣ, какъ вдругъ слышимъ мнѣніе противное. Чье же это мнѣніе, и откуда оно беретъ свое начало?

Чтобъ разъяснить себѣ этотъ вопросъ, мы начали пересматривать проектъ устава о торговой несостоятельности*).

Въ этомъ проектѣ, между прочимъ, сказано: статья 67-я «Несостоятельность признается неосторожною пун. 3-мъ, если онъ (купецъ) *вовсе не велъ* или не велъ въ надлежащемъ порядкѣ предписанныхъ закономъ торговыхъ книгъ и счетовъ, однако, безъ всякаго, притомъ умысла».

Статья 71-я. «Несостоятельность признается злонамѣренною пун. 1-мъ, если онъ (несостоятельный) съ умысломъ утаилъ или истребилъ свои торговыя книги или бумаги по торговымъ дѣламъ, или также съ умысломъ *вовсе не велъ* установленныхъ книгъ или счетовъ, или же дѣлалъ въ нихъ съ намѣреніемъ лживыя показанія, или учинилъ при веденіи ихъ какой-нибудь подлогъ».

Противъ этихъ статей и вообще по вопросу о необходимости книгъ дали слѣдующія замѣчанія:

1) *Общее собраніе выборныхъ санктпетербургской купеческой управы*: «Недостаточно одного показанія должника о дѣлахъ его, но необходимо повѣрка онаго съ его счетами и раскрытіе причинъ его упадка (стр. 89). Комисія полагала-бы нужнымъ дополнить 67-ю и 71-ю ст. правиломъ, чтобъ при сужденіи о свойствѣ несостоятельности такихъ торговцевъ, у которыхъ масса долговъ не-

*) «Проектъ устава о торговой несостоятельности съ объяснительною къ нему запиской и замѣчанія на оный, Санктпетербургъ 1869 г. издано по Высочайшему повелѣнію», съ объявленіемъ, что «И-е отдѣленіе не упуститъ принять въ свое время въ надлежащее соображеніе всѣ основательные отзывы, заявленные къ сроку 1 го марта 1870 года».

превышаетъ 5000 руб., не входитъ въ разсмотрѣніе причинъ неведенія ими торговыхъ книгъ или веденія ихъ въ неисправности, если только нѣтъ въ виду яснаго повода предполагать въ этомъ злонамѣренности» (стр. 90). Просимъ замѣтить, что это исключеніе проектируется, во-первыхъ, для мелкихъ торговцевъ, у кого долговъ менѣе 5000 руб.; во-вторыхъ, условно, если не предполагается злонамѣренія.

2) *Московское купечество*: «Въ дѣлахъ о несостоятельности большое значеніе имѣютъ торговыя книги, на правильное веденіе которыхъ очень часто указывается въ проектахъ (стр. 110) Веденіе книгъ имѣетъ цѣлью дать возможность опредѣлить во всякое время положеніе дѣлъ и состояніе имущества торговца и провѣрить правильность его дѣйствій» (стр. 124).

3) *Одесское купечество*: «По глубокому убѣжденію членовъ, основанному на многолѣтнемъ опытѣ, одно изъ самыхъ коренныхъ золъ, препятствующихъ развитію кредита и уничтожающихъ всякую возможность прослѣдить добросовѣстно предшествующія формальной несостоятельности должника обстоятельства и уяснить настоящія причины его неоплатности, заключается именно въ томъ, весьма часто повторяющемся фактѣ, что у лицъ, объявленныхъ несостоятельными должниками, никакихъ рѣшительно торговыхъ книгъ не оказывается. Безъ сомнѣнія, что неимѣніе книгъ не служитъ еще доказательствомъ злонамѣренности, но въ интересѣ самой торговли въ высшей степени необходимо, чтобъ нарушеніе обязательнаго по этому предмету закона влекло за собою то же самое наказаніе, какъ и всѣ прочія дѣйствія должника, признаваемого достаточными для признанія его злонамѣреннымъ» (стр. 159 и 160). «Коммиссія находитъ, что новый уставъ относится весьма снисходительно къ случаю совершеннаго отсутствія книгъ» (стр. 159).

4) *Коммерціи совѣтникъ Федоръ Родоконаки въ Одессѣ*: «Сокрытіе торговыхъ книгъ... есть несостоятельность преступная» (стр. 185). «По моему мнѣнію, слѣдуетъ разсматривать предметъ неведенія книгъ, какъ покушеніе на преступленіе» (стр. 189). «Веденіе торговыхъ книгъ не въ надлежащемъ порядкѣ не можетъ быть отнесено къ несостоятельности неосторожной, а должно быть разсматриваемо отдѣльно» (стр. 189).

5) *Одесскій юфз-маклеръ Симонъ Берштейнъ*: «По моему мнѣнію, слѣдуетъ неведеніе торговыхъ книгъ разсматривать какъ покушеніе на преступленіе, т. е. какъ дѣйствіе, которымъ начинается или продолжается приведеніе злого намѣренія въ исполненіе» (стр. 225).

6) *Присяжный стряпчій при одесскомъ коммерческомъ судѣ Осипъ Рабиновичъ*: «Если несостоятельный вовсе не велъ книгъ или тетрадей, то онъ долженъ быть признанъ неосторожнымъ, ибо всякій торговецъ, какъ-бы мало грамотенъ онъ ни былъ, можетъ завести у себя кое-какую тетрадь. Но если книги не въ установленномъ порядкѣ, то признаніе неосторожнымъ или нѣтъ, слѣдуетъ предоставить усмотрѣнію суда» (стр. 233).

7) *Войсковой коммерскій судъ войска донского*: «Не часто-ли мы видимъ, что многіе изъ банкротовъ и объявленныхъ по суду неосторожными, живутъ потомъ, что называется, *притѣваючи*, благодаря снисходительности закона къ ихъ участи? Нельзя сказать, чтобъ зло это было маловажно: подрывая кредитъ въ народѣ, оно сильно содѣйствуетъ къ застою торговой промышленности. Изъ-за недобросовѣстности банкротовъ никто не вѣритъ и честнымъ людямъ» (стр. 235). «Признаки, исчисленные по проекту (ст. 67-я и 71-я), для опредѣленія несостоятельности неосторожной и злостной, имѣютъ между собою значительное сходство» (стр. 236).

8) *Рижское купечество*: «Особенно правильнымъ оказывается предположенное въ отгѣну нилѣ дѣйствующаго

закона постановленіе, что купецъ, неимѣющій предписанныхъ закономъ торговыхъ книгъ и счетовъ, еще не признается по сему одному банкротомъ злостнымъ, а только неосторожно несостоятельнымъ, если сіе произошло безъ всякаго съ его стороны умысла».

Къ проекту устава приложено только восемь замѣчаній на него; мы сдѣлали выписки изъ всѣхъ. Оказывается, что только рижское купечество въ одиночествѣ аплодируетъ и находитъ «особенно правильнымъ» послабленіе закона по отношенію къ обязательности торговыхъ книгъ. Но мы не выписали еще всѣхъ замѣчаній рижскаго купечества. Противъ 1-й ст. проекта, въ которой говорится, что «дѣйствию правилъ о торговой несостоятельности подлежатъ всѣ занимающіеся торговлей и промыслами по установленнымъ свидѣтельствамъ», рижское купечество замѣчаетъ, что по новымъ положеніямъ о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ, такимъ пошлинамъ подлежатъ многія отрасли промышленности, непринадлежація собственно къ категоріи купеческой торговли, какъ, на примѣръ, торгующіе со столовъ разною мелочью, торгаши (?), разносчики, содержатели бань, извозчики, содержатели ресторацій, питейныхъ домовъ, трактировъ и т. п. На всѣхъ подобныхъ промышленниковъ нельзя возложить тѣхъ-же обязательствъ, отъ нихъ *нельзя требовать торговаго счетоводства*, вмѣняемаго въ непремѣнную обязанность всѣмъ купцамъ въ тѣсномъ смыслѣ слова... Во всѣхъ этихъ резонахъ, приводимыхъ рижскимъ купечествомъ, натяжка очевидна.

Надо сказать, что въ проектѣ проведена мысль, чтобъ дѣлопроизводство о несостоятельности дѣлилось на три рода: полное для суммъ болѣе 5000 рублей; сокращенное — для суммъ менѣе 5000 руб (ст. 60), и самое сокращенное — для самыхъ малыхъ суммъ (ст. 62). На основаніи такого дѣленія, сами собою отпадаютъ всѣ мелкіе извозчики, торговцы на столахъ и т. д., за которыхъ хлопочеть риж-

ское купечество. Но оно соглашается на сокращенное дѣлопроизводство только до 500 р. (стр. 143); «дальнѣйшее же упрощеніе сокращеннаго порядка — замѣчаетъ рижское купечество — представляется едва-ли удобнымъ» (стр. 144).

Не говоримъ уже о томъ, что отнятіе отъ не состоятельности на самыя незначительныя суммы проектируемаго для нихъ самаго сокращеннаго, а отъ несостоятельности на суммы отъ 500 до 5000 рублей сокращеннаго дѣлопроизводства затухло-бы разборъ первыхъ по сокращенному, а послѣднихъ по полному дѣлопроизводству и обременяло-бы кредиторовъ и судей въ ущербъ болѣе крупнымъ дѣламъ. Мы спросимъ только, къ чему повело-бы предложеніе рижскаго купечества объ исключеніи изъ этого дѣлопроизводства торгашей и т. д.? Не очутились-ли бы, на основаніи его, внѣ закона о торговой несостоятельности и такіе извозчики, которые владѣютъ сотнями лошадей и обладаютъ сотнями тысячъ капитала, и тѣ торговцы со столовъ, которые снимаютъ столы въ клубахъ, по желѣзнымъ дорогамъ и т. д. и торгуютъ, посредствомъ нанятыхъ приказчиковъ, фруктами, книгами, разными мелочами, на десятки и сотни тысячъ? И не явилось-бы усиленное тяготѣніе къ торгу на столахъ и т. д., потому что такой торгъ сталъ-бы внѣ закона о несостоятельности? А какъ надо понимать слово «торгашъ», какому-бы суду подлежали-бы одни и тѣ-же торговцы въ лавкѣ и со столовъ, занимающіеся и торгомъ и извознымъ промысломъ? И не явилось-ли бы желающихъ затягивать дѣло возбужденіемъ вопроса о подсудности и о разъясненіи слова «торгашъ» и т. д.? И къ чему же затемнять подраздѣленіемъ на званія и занятія промышленниковъ дѣленіе, проектированное ясно, какъ свѣтъ, по суммамъ: на полное — болѣе 5000 р., сокращенное — менѣе 5000 р. и самое сокращенное дѣлопроизводство — для малыхъ несостоятельствъ, на основаніи котораго сами собою отходятъ мелкіе извозчики, торговцы со столовъ и т. д.?

Мы не споримъ противъ другихъ замѣчаній, напримѣръ, о точности редакціи и т. д., мы говоримъ только о ясности и рациональности дѣленія несостоятельности на три названные разряда по суммамъ ихъ.

Но всѣ перечисленныя неудобства ничто еще въ сравненіи съ тѣмъ громаднымъ зломъ, котораго можно ожидать отъ принятія проектируемаго и хвалимаго рижскимъ купечествомъ постановленія, что купцы, вовсе неимѣющіе торговыхъ книгъ, могутъ быть отнесены къ разряду не злостныхъ, а только неосторожныхъ несостоятельствъ. Этого нельзя допустить и по отношенію даже къ несостоятельствамъ менѣе 5000 рублей. «Всякій торговецъ, какъ-бы мало грамотенъ ни былъ, можетъ завести у себя кое-какую тетрадь». Тутъ, при сокращенномъ производствѣ можно еще не входить въ разсмотрѣніе о веденіи ихъ въ безпорядкѣ, если, впрочемъ, въ нихъ не будетъ замѣчено подлоговъ и тайныхъ поправокъ, подчистокъ, которыя давали-бы поводъ предполагать въ нихъ злоупотребленія. Отсутствіе торговыхъ книгъ можетъ быть терпимо развѣ въ самыхъ малыхъ суммахъ несостоятельствъ при проектируемомъ самомъ сокращенномъ дѣлопроизводствѣ. Но если только допустить послабленіе ко всѣмъ, безъ исключенія, лицамъ, неимѣющимъ ихъ, то этимъ самымъ ослабится значеніе «торговаго счетоводства, вмѣняемаго въ непремѣнную обязанность всѣмъ купцамъ въ тѣсномъ смыслѣ слова».

Коль скоро книгъ нѣтъ, то и нѣтъ никакой возможности опредѣлить ни правильность претензій сокредиторовъ, ни бывшее, ни настоящее положеніе капитала несостоятельнаго, ни того, что съ умысломъ или безъ умысла книги не ведены. А если только можно будетъ утаить свой капиталъ неведеніемъ или, будто-бы, неведеніемъ книгъ, то и явятся охотники на это: Они станутъ жить, что называется, припѣваючи и своимъ примѣромъ плодить другихъ. Съ размноженіемъ ихъ кредитъ упадетъ, «пере-

станутъ вѣрить и честнымъ людямъ» и все оттого, что кредиторы не будутъ ограждены правомъ убѣждаться въ торговыхъ книгахъ въ дѣйствительной, а не мнимой несостоятельности. Естественно, это будетъ заставлятъ ихъ попридерживаться съ займами или дѣлать ихъ на большіе проценты. А коль скоро кредитъ упадетъ, то кто-же въ состояніи будетъ вести торгъ безъ кредита? Какой богатый фабрикантъ можетъ сбыть свои товары, если онъ не будетъ довѣрять ихъ на продажу торговцамъ?

Почему же рижское купечество рекомендуетъ такой порядокъ? Ствѣтъ на это, хотя и косвенный, можно найти въ его же замѣчаніяхъ.

На стр. 127-й рижское купечество пишетъ: «Уставъ о торговой несостоятельности 1832 года не имѣетъ по нынѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ законнаго дѣйствія».

И такъ, мы узнаемъ, что рассматриваемый проектъ до прибалтійскихъ губерній не относится. Этимъ, быть можетъ, объясняется, почему мнѣніе рижскаго купечества расходится съ мнѣніями остальными. Первое рассматривало *чужое* дѣло, и потому, быть можетъ, не задало себѣ труда внимательно рассмотреть вопросъ; послѣднія говорили о дѣлѣ имъ близкомъ, до нихъ лично касающемся.

Судебный отдѣлъ.

Дѣло о бывшихъ кассирахъ с.-петербургскаго губернскаго казначейства Кушаневичъ и Заверзаевъ, обвиняемыхъ въ подлогъ и присвоеніи денегъ 170.075 рублей.

Дѣло это разбиралось въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ, 27, 28 и 29 февраля 1876 года.

Предсѣдательствовалъ товарищъ предсѣдателя Якоби, обвинялъ товарищъ прокурора Жуковскій, повѣренный гражданскаго истца, юрис-консультъ министерства финансовъ Граве, защищали присяжные повѣренные Ольхинъ и Лохвицкій.

Свидѣтелей и экспертовъ вызвано около 50-ти чело-вѣкъ. Въ числѣ свидѣтелей находятся: управляющій государственнымъ банкомъ г. Ламанскій, генераль-лейтенантъ Лошкаревъ, судебный слѣдователь г. Книримъ. Столь вещественныхъ доказательствъ завалено разными тетрадами, книгами и бумагами.

Дѣло это слагается изъ слѣдующихъ данныхъ: Вслѣд-ствіе сообщенія департамента государственнаго казначей-ства, отъ 30-го ноября 1874 года, о неправильной выда-чѣ петербургскимъ казначействомъ процентовъ по выкуп-нымъ свидѣтельствамъ, произведено было, по распоряже-нію прокурора петербургскаго окружного суда, предвари-тельное слѣдствіе, которымъ выяснено, что до декабря 1871 года, при выдачѣ петербургскимъ губернскимъ ка-значействомъ процентовъ по выкупнымъ свидѣтельствамъ,

выкупныя свидѣтельства прежде всего записывались кассиромъ въ дневной реестръ по выдачѣ процентовъ по безсрочнымъ процентнымъ бумагамъ, причемъ въ реестрѣ означались нумера свидѣтельствъ, званіе и фамилія владѣльцевъ оныхъ, количество процентовъ и срокъ, за который они подлежали выдачѣ; послѣ того, тотъ же кассиръ дѣлалъ надпись на купонахъ этихъ свидѣтельствъ, накладывалъ на эти купоны клеѣма, скрѣплялъ своею подписью и, отобравъ отъ предъявителя росписку въ дневномъ реестрѣ въ обратномъ полученіи свидѣтельствъ и процентовъ по онымъ, выдавалъ эти свидѣтельства предъявителю вмѣстѣ съ лоскуткомъ бумаги, носившимъ названіе ярлыка, на которомъ означалъ сумму денегъ, подлежащихъ выдачѣ предъявителю свидѣтельствъ. Предъявитель долженъ былъ предъявить этотъ ярлыкъ кассиру расходной кассы, который, сравнивъ ярлыкъ со свидѣтельствами, выдавалъ предъявителю означенную сумму денегъ, если только ярлыкъ оказывался правильнымъ; сумма-же уплаченныхъ процентовъ записывалась въ расходный реестръ № 1.

Далѣе, слѣдствіемъ обнаружено, что изъ числа суммъ, выданныхъ петербургскимъ губернскимъ казначействомъ въ видѣ процентовъ по выкупнымъ свидѣтельствамъ, съ 1867 по 1871 годъ включительно, 170,075 р. записаны выданными дворянину Станиславу Ковалевскому по представленнымъ, будто-бы, имъ выкупнымъ свидѣтельствамъ на сумму въ общей сложности около 3.000,000 р.; что, между тѣмъ, государственный банкъ вовсе не выпускалъ этихъ выкупныхъ свидѣтельствъ, будто-бы, предъявленныхъ Ковалевскимъ въ казначейство, что за тѣми №№, за которыми записаны выкупныя свидѣтельства, представленные, будто-бы, Ковалевскимъ, банкомъ выпущены выкупныя свидѣтельства на имя разныхъ лицъ, но не Ковалевскаго, всего на сумму 220,000 р., и что изъ числа этихъ свидѣтельствъ многія обмѣнены банкомъ зна-

чительно ранѣе того срока, въ который они, будто бы, были представлены Ковалевскимъ въ казначейство и что, наконецъ, росписка отъ имени Ковалевскаго въ дневномъ реестрѣ казначейства сдѣлана измѣненнымъ почеркомъ. Подозрѣніе въ полученіи изъ петербургскаго губернскаго казначейства денегъ по подложно записаннымъ въ реестрѣ несуществующимъ выкупнымъ свидѣтельствамъ пало на кассира того-же казначейства, коллежскаго секретаря Кушакевича, на обязанности котораго лежала записка въ дневной реестрѣ представленныхъ выкупныхъ свидѣтельствъ, и на бывшаго кассира, коллежскаго асессора Заверзаева, выдававшаго въ теченіи означеннаго періода проценты по купонамъ процентныхъ бумагъ.

Кушакевичъ, не сознаваясь сначала въ совершеніи сего преступленія, показалъ судебному слѣдователю, что №№ свидѣтельствъ, стоимость ихъ и сумма слѣдующихъ по нимъ процентовъ записаны въ дневной реестрѣ имъ, Кушакевичемъ, и что онъ лично видѣлъ эти свидѣтельства, но Ковалевскаго не знаетъ и не можетъ припомнить — молодой онъ человѣкъ или старый. При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія, Кушакевичъ сознался въ совершеніи вышеозначеннаго преступленія и объяснилъ, что въ 1867 году случайно сдѣлалъ прочетъ въ 250 р. и, не имѣя денегъ на пополненіе его, онъ, по совѣту Заверзаева, записалъ въ дневной реестрѣ вымышленный № выкупного свидѣтельства и фамилію владѣльца, послѣ чего писецъ казначейства Нѣмчиновъ (нынѣ умершій) росписался въ полученіи какъ этого свидѣтельства, такъ и процентовъ по немъ. Получивъ, такимъ образомъ, деньги изъ кассы, онъ, Кушакевичъ, пополнилъ прочетъ, послѣ чего, вмѣстѣ съ Заверзаевымъ и Нѣмчиновымъ, до конца 1871 года получалъ такимъ способомъ деньги изъ кассы; предъ каждымъ подобнымъ полученіемъ онъ, заранѣе сговорившись съ Заверзаевымъ, какую сумму выписать въ расходъ, записывалъ въ реестрѣ по предварительно при-

готовленной запискѣ вымышленные №№ свидѣтельствъ, приглашалъ Нѣмчинова расписаться въ реестрѣ, а на другой день получалъ отъ Заверзаева половину выписанныхъ въ расходъ денегъ; изъ этой половины онъ отдавалъ $\frac{1}{3}$ Нѣмчинову, первую половину бралъ себѣ Заверзаевъ. Всего, такимъ образомъ, получено ими 169,000 р., изъ которыхъ Заверзаевъ получилъ 84,000 р., Нѣмчиновъ 28,000 р. и онъ, Кушакевичъ, 56,000 р.; кромѣ ихъ троихъ въ преступленіи этомъ никто не участвовалъ.

Хотя при окончаніи слѣдствія Кушакевичъ, отказавшись отъ своего признанія, заявилъ, что онъ остается при своемъ первомъ показаніи и что признаніе сдѣлалъ по болѣзни, неопытности и въ видахъ освобожденія отъ ареста, но признаніе это вполне подтверждается неутрицаніемъ Кушакевичемъ сдѣланной имъ же самимъ записки въ дневномъ реестрѣ несуществующихъ выкупныхъ свидѣтельствъ Ковалевскаго. При этомъ, въ виду объясненнаго уже порядка выдачи процентовъ, не подлежитъ сомнѣнію, что безъ упомянутой записки въ дневной реестрѣ несуществующихъ выкупныхъ свидѣтельствъ не было никакой возможности выписать въ расходъ и получить деньги въ видѣ процентовъ по такимъ свидѣтельствамъ. Сверхъ того, изъ дневныхъ реестровъ казначейства оказывается, что дѣйствительно, согласно признанію Кушакевича, первая запись въ дневномъ реестрѣ свидѣтельствъ, будто-бы представленныхъ Ковалевскимъ, послѣдовала 31-го мая 1867 года, причемъ процентовъ было получено 250 руб., а за симъ, до 3-го іюля того-же года, подобныхъ записей въ реестрахъ не встрѣчается; наконецъ, произведеннымъ осмотромъ, справками и показаніями свидѣтелей: Матовкина, Соболева, Ѳедорова, Томазина, Ярошенко, Алферова, Митраки доказано, что Кушакевичъ, живя, до поступленія въ кассиры казначейства, очень бѣдно, совершенно измѣнилъ образъ жизни съ 1867 года, т. е. со времени занятія имъ означенной должности, съ жалованьемъ въ 800 р.

Нанялъ дорогую квартиру, завелъ своихъ лошадей, сдѣлался членомъ общества взаимнаго кредита, давалъ въ долгъ по нѣскольکو тысячъ рублей, приобрѣлъ процентныя бумаги и пустился въ биржевую игру, при ликвидаціи которой, начатой одновременно съ возбужденіемъ настоящаго дѣла, получилъ въ свою пользу болѣе 54,000 руб. Дѣлая объясненіе такому чрезмѣрному развитію своихъ средствъ, Кушакевичъ ссылался только на выигрышъ въ 8,000 руб. на билетъ 1-го внутренняго займа.

Хотя бывшій кассиръ Заверзаевъ не призналъ себя виновнымъ во взводимомъ на него преступленіи и объяснилъ, что проценты по выкупнымъ свидѣтельствамъ онъ выдавалъ послѣ провѣрки выкупныхъ свидѣтельствъ съ ярлыками, но независимо отъ вышеизложеннаго оговора Кушакевича и не правдоподобности объясненій Заверзаева, къ изобличенію его въ совершеніи преступленія имѣются слѣдующія данныя: Хотя въ петербургскомъ губернскомъ казначействѣ и открывалось ежедневно неодинаковое число расходныхъ кассъ и хотя кассами этими, въ періодъ времени съ 1867 по 1871 годъ, въ разные дни завѣдывали разные кассиры, причемъ не отмѣчалось, кто именно изъ кассировъ производилъ выдачу процентовъ по выкупнымъ свидѣтельствамъ; однако, при разсмотрѣніи расходныхъ реестровъ, оказывается, что въ тѣ дни означеннаго періода, въ которые были выписаны въ расходъ разныя суммы денегъ, подъ видомъ процентовъ по выкупнымъ свидѣтельствамъ, представленнымъ будто-бы Ковалевскимъ, одною изъ расходныхъ книгъ непосредственно завѣдывалъ Заверзаевъ и что, сверхъ того, тотъ-же Заверзаевъ завѣдывалъ единственною, открытою 1-го мая 1870 года, расходною кассой, изъ которой означеннаго числа была произведена выдача 12,997 р. 50 к., подъ видомъ процентовъ по выкупнымъ свидѣтельствамъ, представленнымъ, будто-бы, Ковалевскимъ. Далѣе, при слѣдствіи обнаружено, что Заверзаевъ, получавшій всего 800 р. въ годъ

и не имѣвшій, по собственному сознанию, никакихъ постороннихъ источниковъ дохода, арендуетъ нынѣ 70 десятинъ земли въ Петербургскомъ уѣздѣ, имѣетъ дачу тамъ-же, въ 1874 году имѣлъ въ Петербургѣ пивной складъ и три портерныя лавки, которыя одновременно съ возбужденіемъ настоящаго дѣла, продалъ прикащику своему, Змочинскому, по условію, въ которомъ продажная цѣна всѣхъ этихъ заведеній опредѣлена въ 900 р., хотя, по объясненію самого Змочинскаго, одинъ складъ приносилъ ежегоднаго дохода до 2,000 р. Наконецъ, изъ показаній казначей Матовкина и помощника его оказывается, что Заверзаевъ, для объясненія источника своихъ средствъ, распускалъ слухи, что выигралъ значительную сумму денегъ на билетъ внутренняго займа: однимъ говорилъ, что выигралъ 10,000 р., другимъ—40,000 р. Вслѣдствіе этого, коллежскій секретарь Кушакевичъ, 41 года, обвиняется въ томъ, что въ періодъ времени съ 1867 по 1871 годъ включительно, состоя на должности кассира петербургскаго губернскаго казначейства, записалъ въ дневной реестръ этого казначейства, по предварительному соглашенію съ другими лицами, вымышленныя выкупныя свидѣтельства, будто-бы, ему представленныя для полученія по нимъ процентовъ и, при помощи другихъ лицъ, получилъ изъ расходной кассы того-же казначейства деньги подъ видомъ процентовъ по вымышленнымъ выкупнымъ свидѣтельствамъ, каковыя деньги себѣ присвоилъ, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 354-й, 359 и 362 ст. улож. о нак. Коллежскій ассесоръ Заверзаевъ, 45-ти лѣтъ, обвиняется въ томъ, что въ тотъ-же періодъ времени, состоя на службѣ кассиромъ того-же казначейства, записалъ въ расходный реестръ этого казначейства, по предварительному соглашенію съ другими лицами, разныя суммы денегъ, выданныхъ, будто-бы, въ видѣ процентовъ по выкупнымъ свидѣтельствамъ, которыя, въ дѣйствительности были ими вымышлены, и записанныя, такимъ образомъ,

деньги себѣ присвоилъ, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 354-й, 359-й и 362-й ст. улож.

На вопросъ предсѣдателя, подсудимые не признали себя виновными.

Судебное слѣдствіе началось спросомъ экспертовъ, которые производили сличеніе книгъ казначейства съ книгами государственнаго банка. На основаніи этого сличенія, эксперты вполне подтвердили фактъ выдачи процентовъ по несуществующимъ выкупнымъ свидѣтельствамъ.

Свидѣтель Семеновъ (бывшій казначей) показалъ, что онъ никакого подозрѣнія въ выдачѣ процентовъ по вымышленнымъ свидѣтельствамъ не имѣлъ и ничего объ этомъ не зналъ.

Свидѣтель Матовкинъ (теперешній казначей) показалъ, что съ декабря 1871 года, когда онъ вступилъ въ должность казначея, порядокъ выдачи процентовъ по выкупнымъ свидѣтельствамъ онъ измѣнилъ, установивъ другой, и съ этого времени фамилія Ковалевскаго въ книгахъ казначейства болѣе не встрѣчалась и злоупотребленія прекратились. Еще въ 1872 году разнеслись слухи объ этихъ злоупотребленіяхъ, вслѣдствіе чего свидѣтель принялся за розыски. Онъ взялъ книги за прошлые годы и провѣрилъ ихъ, но такъ какъ онъ задался другою мыслію относительно того, гдѣ и въ чемъ могли быть злоупотребленія, то провѣрка его не привела къ желательному результату. Дальнѣйшія изысканія, произведенныя свидѣтелемъ вмѣстѣ съ другимъ лицомъ, также не имѣли результата. Наконецъ, уже въ 1874 году, просматривая вновь книги, свидѣтель обратилъ вниманіе на то, что въ свидѣтельствахъ одной серіи, нумера которыхъ шли послѣдовательно, суммы были вписаны различныя и въ непослѣдовательномъ порядкѣ. Напримѣръ, № 19444 на 5000 р., № 19445 на 300 р., слѣдующій номеръ опять на нѣсколько тысячъ и т. д. При томъ же ему показалось страннымъ частое повтореніе фамиліи Ковалевскаго и

огромная сумма (до 3-хъ миллионѣвъ руб.), на которую онъ представилъ свидѣтельства. Полагая, что государственнѣй банкъ не выдастъ свидѣтельства съ такою непослѣдовательностью въ суммѣ, свидѣтель отправился въ банкъ, сдѣлалъ свѣрку и тогда-то оказалось, что свидѣтельства на имя Ковалевскаго банкомъ никогда не были выданы. Въ 1874 году, когда свидѣтель дѣлалъ свои изысканія, Заверзаевъ вышелъ въ отставку. Свидѣтель слышалъ, что покойный Нѣмчиновъ имѣлъ 9 верховыхъ лошадей; даже на службу прѣвзжалъ верхомъ; носилъ золотую цѣпь въ 8 фунтовъ и вообще сорилъ деньгами. Разъ Кушакевичъ представилъ свидѣтелю на 7,300 рублей выкупныхъ свидѣтельствъ, излишне полученныхъ имъ изъ банка; за то, что онъ эти деньги не утаилъ, свидѣтель представилъ его къ наградѣ.

Свидѣтель Ламанскій (управляющій государственнѣй банкомъ), между прочимъ, показалъ, что билетъ 1-го внутренняго займа, на который палъ выигрышъ въ 8000 рублей, былъ предъявленъ, и выигрышъ полученъ Кушакевичемъ. Выдача излишнихъ 7300 руб. должна была открыться непременно чрезъ нѣсколько дней при сведеніи счетовъ. Это случилось съ деньгами графини Кушелевой, которая желала 7300 руб. получить наличными деньгами вмѣсто выкупныхъ свидѣтельствъ, а, между тѣмъ, ей выдали по ошибкѣ и деньги, и свидѣтельства. Деньги выдаются изъ одной кассы, а свидѣтельства изъ другой.

Свидѣтель Кширимъ (судебный слѣдователь по особоважнымъ дѣламъ) показалъ, что, по справкамъ его, оказалось, что въ Петербургѣ, въ 1874 году, проживалъ нѣкто Ковалевскій Станиславъ. Въ то время ему было только 19 лѣтъ и что съ 1867 до 1871 года онъ въ Петербургѣ не жилъ.

Изъ показаній другихъ свидѣтелей, между прочимъ, выяснилось, что въ началѣ Кушакевичъ, Заверзаевъ и Нѣмчиновъ были люди бѣдные, а потомъ разбогатѣли;

Кушакевичъ занимался перепиской бумагъ, дежурствомъ за другихъ чиновниковъ и т. п., а потомъ завелъ своихъ лошадей и жилъ отлично.

Свидѣтели, вызванные подсудимымъ Заверзаевымъ, показали, на вопросъ его защитника, г. Лохвицкаго, что знаютъ подсудимаго, какъ человѣка очень честнаго и всѣми уважаемаго. Между другими свидѣтелями такое же показаніе далъ свидѣтель Фридрихсъ, котораго товарищъ прокурора Жуковскій спросилъ: Вы обо всѣхъ кассирахъ губернскаго казначейства такого же хорошаго мнѣнія?—Фридрихсъ: Другіе кассиры не были дурными.—Товарищъ прокурора: При такомъ хорошемъ мнѣніи о всѣхъ кассирахъ, какъ вы объясните полученіе процентовъ по вымышленнымъ купонамъ?—Фридрихсъ: Я не могу объяснить.

Свидѣтель Немчиновъ (братъ покойнаго Нѣмчинова) показалъ, что сколько его братъ получалъ жалованья— не знаетъ. Лошадей держалъ, кажется, девять. «Послѣ отца, онъ принялъ, но что — этого никто не знаетъ». У нихъ была деревня, которую покойный подарилъ сестрамъ. Откуда у него были средства, свидѣтель не знаетъ, потому что братъ его былъ очень несообщителенъ.

Подсудимый Кушакевичъ, между прочимъ, заявилъ, что по прїѣздѣ въ Петербургъ, въ 1855 году, познакомился со своими родственниками Кушакевичами, очень богатыми людьми, имѣвшими здѣсь домъ и золотые пріиски въ Сибири. Онъ управлялъ ихъ домою, велъ другія ихъ дѣла и получалъ по 100 рублей въ мѣсяцъ. Въ 1859 и 1860 годахъ онъ былъ участникомъ въ нѣкоторыхъ компаніяхъ, такъ, напримѣръ, былъ компаньономъ Егарева по содержанію Демидова сада, такъ что къ 1860 году у него былъ уже капиталъ до 15,000 р. «Я никогда, сказалъ подсудимый, не былъ способенъ на такой проступокъ, въ которомъ меня теперь обвиняютъ».

Другая серія свидѣтелей показала, что знаютъ Кушакевича за человѣка очень хорошаго, и что онъ занимался

биржевою игрой, но въ небольшомъ размѣрѣ. Между другими свидѣтелями, Томазини показалъ, что въ декабрѣ 1874 года Кушакевичъ просилъ его перезаложить 1,500 акцій изъ международнаго банка въ учетный и затѣмъ заявилъ, что если онъ, можетъ быть, уѣдетъ, то чтобы свидѣтель помогъ женѣ подсудимаго, когда она къ нему обратится. Г-жа Кушакевичъ принесла свидѣтелю обязательства банка на заложенные 1,180 акцій, для перезалога, сказавъ, что мужъ ея арестованъ, но что ничего подозрительнаго не найдено. Всѣ эти акціи стоили въ то время около 77 рублей, а подъ залогъ ихъ банками было выдано по 55 рублей.

Остальные свидѣтели разъясняли порядокъ выдачи процентовъ по выкупнымъ свидѣтельствамъ и другія мелкія подробности, не представляющія особеннаго интереса: нѣкоторые изъ нихъ заявили, что слышали отъ подсудимыхъ и покойнаго Нѣмчинова, что всѣ они трое выиграли; кто—8,000, кто—10,000, а Нѣмчиновъ—даже 25,000 руб.

Далѣе были спрошены эксперты, которые, по сличеніи почерковъ, дали слѣдующее заключеніе: Во первыхъ, подпись Ковалевскаго на дневныхъ реестрахъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ несомнѣнною подписью Кушакевича; во-вторыхъ, запись 1-го ноября имѣетъ сходство съ почеркомъ его же, и въ-третьихъ, цифра 11,202 одинакова съ цифрой 11,825.

Свидѣтель Кудрявцевъ (владѣлецъ мѣняльной лавки) показалъ, что подсудимый Кушакевичъ имѣлъ съ нимъ довольно часто дѣла какъ по покупкѣ, такъ и продажѣ разныхъ бумагъ; дѣла вель довольно большія: на 10, на 15 и 20 тысячъ рублей; рассчитывался всегда аккуратно.

Свидѣтель Лихачевъ, между прочимъ, объяснилъ, что Кушакевичъ пользовался и на биржѣ очень хорошею репутаціей, съ нимъ было очень пріятно имѣть дѣло; посѣщаль *каждую* биржу почти въ каждый курсовой день.

Еще нѣсколько свидѣтелей удостовѣрили, что Куша-

кевичъ, во время содержанія въ части, часто плакалъ и очень беспокоился о своемъ семействѣ. Одинъ изъ свидѣтелей, Блюмъ, показалъ, что, однажды, Кушакевичъ, по возвращеніи отъ слѣдователя, проходилъ по комнатѣ всю ночь изъ одного угла въ другой; иногда онъ даже заговаривался; тужилъ очень о женѣ, только о ней и думалъ, и въ это время готовъ былъ рѣшиться на все.

На вопросъ предсѣдательствующаго, обращенный къ подсудимому Заверзаеву: не вслѣдствіе-ли вражды оговорилъ его подсудимый Кушакевичъ, Заверзаевъ отвѣтилъ, что никакой вражды у него съ Кушакевичемъ не было; что онъ дѣйствительно былъ относительно его взыскателемъ и, наконецъ, что зналъ его только по службѣ, но домами они знакомы не были.

Предсѣдательствующій. Подсудимый Кушакевичъ! Вы говорили здѣсь, что слѣдователь притѣснилъ васъ за то, что вы не сознавались; затѣмъ, вы сознались и потомъ взяли это признаніе назадъ; но вѣдь слѣдователь не утаилъ въ протоколѣ вашего отказа отъ признанія. Какъ вы объясните это?

Подсудимый. Это ничего не значитъ, вѣдь все это я могъ высказать на судѣ; я ожидалъ суда, какъ царствія божьяго; сверхъ того, когда я отказался отъ прежняго признанія, то въ камерѣ слѣдователя находилось нѣсколько человѣкъ, которые могли-бы подтвердить мои слова, такъ что слѣдователь уже не имѣлъ возможности утаить моего отказа отъ признанія, а въ то время, когда я сдѣлалъ признаніе, мы были съ слѣдователемъ только вдвоемъ.

Подсудимый Кушакевичъ, какъ во вчерашнемъ засѣданіи, такъ и въ сегодняшнемъ, спрашивалъ многихъ свидѣтелей, неизвѣстно-ли имъ о томъ обстоятельствѣ, что казначей Матовкинъ (открывшій злоупотребленія) просилъ у него, подсудимаго, «или рысака, или три — пять тысячъ рублей», на каковой вопросъ всѣ свидѣтели отозвались незнаемъ этого обстоятельства.

Послѣ спроса всѣхъ свидѣтелей, по требованію представителя обвиненія, былъ вызванъ вновь свидѣтель Матовкинъ, который сказалъ, что онъ никогда не просилъ у подсудимаго Кушакевича ни рысака, ни денегъ, и что это заявленіе подсудимаго есть чистая ложь.

Въ пятомъ часу предсѣдательствующій объявилъ судебное слѣдствіе оконченнымъ.

Товарищъ прокурора въ началѣ своей рѣчи говорилъ о томъ, какъ совершалось настоящее преступленіе и какъ оно обнаружилось, благодаря казначею Матовкину. Возможность расхищенія казначейства обуславливалась, по словамъ обвинителя, недостаткомъ строгаго контроля за кассирами; открывшееся злоупотребленіе могло быть устранено болѣе строгимъ надзоромъ, со стороны казначея за кассирами, его постояннымъ вмѣшательствомъ въ дѣла кассировъ, его постоянною повѣркою выкупныхъ свидѣтельствъ, которыя предъявлялись въ казначейство для оплаты $\frac{1}{10}$. Если-же этого не было, то злоупотребленіе могло быть открыто только при сличеніи дневныхъ реестровъ казначейства съ книгами государственнаго банка; впрочемъ, при томъ порядкѣ, который существовалъ въ казначействѣ—при существованіи вспомогательныхъ кассъ, при существованіи взаимной поруки между кассирами, взаимно другъ друга контролирующими—нельзя требовать, чтобы губернской казначей постоянно слѣдилъ за каждою выдачею, конечно при такомъ устройствѣ кассы, при которомъ главныя лица, постоянно завѣдующія кассою, могутъ по соглашенію между собою совершать кражи. Но странно было-бы требовать, чтобы за кассиромъ, должностнымъ лицомъ, облеченнымъ полнымъ довѣріемъ, чтобы за такимъ лицомъ постоянно смотрѣли какъ за шулеромъ, который передергиваетъ карты, поэтому при такомъ порядкѣ совершенно невозможно устранить кражи. Затѣмъ, рассказавъ, какъ казначей Матовкинъ, посредствомъ прѣвѣрки книгъ, открылъ злоупотребленія и что обнаружилось

этою провѣркою, представитель обвинительной власти совершенно ясно доказалъ, что Ковалевскаго, отъ имени котораго предъявлялись выкупныя свидѣтельства, вовсе не существовало (здѣсь г. товарищъ прокурора, между прочимъ, указалъ на то, что почеркъ лица, которое росписывалось въ полученіи $\frac{0}{100}$, вездѣ измѣнчивый, искусственный, варіированный, или вѣрнѣе «воровской»); и что эти проценты прямо шли въ карманъ не Ковалевскаго, а кассира казначейства, Кушакевича. Расхищеніе казначейства, сказалъ г. товарищъ прокурора, производилось самымъ безцеремоннымъ и назойливымъ образомъ; Ковалевскій аккуратно являлся въ казначейство три раза въ годъ выбирать проценты довольно крупными кушами; въ 1870 году онъ явился три раза и выбралъ $\frac{0}{100}$ на 40,000 р., слѣдовательно на капиталъ въ 1.600,000 рублей. Далѣе представитель прокурорскаго надзора доказывалъ, что фальшивыхъ выкупныхъ свидѣтельствъ не существуетъ, да и нѣтъ никакой цѣли ихъ поддѣлывать—это подтверждается показаніемъ управляющаго государственнымъ банкомъ г. Ламанскаго. Кромѣ того, невозможно предполагать, чтобы кассиръ губернскаго казначейства, человѣкъ весьма опытный, принялъ такую исполосованную, разнопроцентную бумагу, которою должно было представиться фальшивое выкупное свидѣтельство, за настоящую; пожалуй, онъ могъ еще ошибиться и принять фальшивую ассигнацію, но уже никакъ не выкупное свидѣтельство. Такимъ образомъ, если ни г. Ковалевскаго, ни фальшивыхъ свидѣтельствъ, не существовало, то надо признать, что получателемъ $\frac{0}{100}$ былъ никто иной, какъ подсудимый Кушакевичъ, причемъ вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовалъ подсудимый Заверзаевъ. Расхищеніе казначейства не могло быть сдѣлано однимъ должностнымъ лицомъ. Если-бы Кушакевичъ, вписывая выкупныя свидѣтельства, имѣлъ въ своемъ распоряженіи и сундукъ съ деньгами, изъ котораго выдавалъ бы $\frac{0}{100}$, тогда еще можно было-бы говорить, что Куша-

кевичъ совершилъ кражу одинъ, но вѣдь Кушакевичъ занимался только веденіемъ дневныхъ реестровъ, сундукъ съ деньгами не находился въ его распоряженіи. Слѣдовательно, Кушакевичъ только вписывалъ свидѣтельства, выдавалъ же по нимъ проценты кто нибудь другой. Изъ дѣла видно, что подсудимый Заверзаевъ постоянно участвуетъ въ кассѣ, другіе же кассиры постоянно мѣняются. Былъ случай, когда была открыта только одна касса, кассиромъ который былъ тогда Заверзаевъ, и въ этотъ день было выдано на имя Ковалевскаго 12977 рублей. Хотя Заверзаевъ и говоритъ, что изъ его кассы могъ выдать деньги и самъ Кушакевичъ, но слѣдствіемъ обнаружено, что если Кушакевичъ и участвовалъ въ кассѣ, то онъ могъ выдавать очень незначительныя суммы отъ 200 до 500 рублей. Такимъ образомъ, выдать процентовъ въ одинъ и тотъ же день на сумму около 13 т. руб. могъ никто другой, какъ только подсудимый Заверзаевъ. Кромѣ того, представитель обвиненія обратилъ вниманіе еще на то обстоятельство, что проценты по фальшивымъ выкупнымъ свидѣтельствамъ на имя Ковалевскаго выдавались еще въ то время, когда Кушакевичъ былъ канцелярскимъ чиновникомъ, а не кассиромъ, Заверзаевъ же былъ тогда кассиромъ. Заверзаевъ говоритъ, что онъ былъ очень взыскателенъ къ Кушакевичу. Между тѣмъ, въ то время, когда въ средѣ служащихъ въ казначействѣ сталъ распространяться слухъ о существующихъ злоупотребленіяхъ, когда Кушакевичъ и Заверзаевъ разбогатѣли, что объяснялось ими тѣмъ, что они выиграли по нѣскольکو тысячъ, и когда родственникъ Кушакевича, Нѣмчиновъ, весьма незначительный чиновникъ, сталъ пріѣзжать въ должность чуть-ли не на девяти лошадахъ--въ это время, Заверзаевъ, который въ своихъ показаніяхъ говоритъ, что онъ былъ очень взыскателенъ къ Кушакевичу и аккуратенъ, --вовсе не замѣчаетъ, какъ изъ кассы казначейства въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ выкрадываются десятки

тысячь рублей, не замѣчаетъ этого и тогда, когда только онъ одинъ завѣдуетъ кассой и никакихъ другихъ вспомо- гательныхъ кассъ не существуетъ. Затѣмъ товарищъ про- курора выразилъ свое убѣжденіе, что деньги, которые Кушакевичъ вносилъ на текуцій счетъ, брались имъ изъ губернскаго казначейства, доказательствомъ чего служить между прочимъ то, что Кушакевичъ постоянно вносилъ деньги на текуцій счетъ чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ изъ кассы были выданы проценты на имя Ковалев- скаго; вообще, всѣ данныя указываютъ на то, что раз- стояніе между внесеніемъ Кушакевичемъ денегъ на теку- щій счетъ и похищеніемъ ихъ изъ казначейства, равно разстоянію отъ казначейства до общества взаимнаго кре- дита... Въ заключеніе г. товарищъ прокурора высказалъ слѣдующее: «я убѣжденъ, что оба подсудимые участво- вали въ расхищеніи кассы губернскаго казначейства и едва-ли нужно говорить, какой вредъ они сдѣлали. Они похитили 170,000 рублей, внесенныхъ въ казну, которая составляется изъ народныхъ приношеній. Кромѣ того, подсудимые похитили такія казенныя деньги, которые на- ходились въ распоряженіи правительства для воспособле- нія къ окончательному освобожденію крестьянъ. Вы по- нимаете значеніе выкупныхъ свидѣтельствъ. Нѣтъ совѣсти у человѣка, который-бы не отнесся серьезно къ этому дѣлу! Кромѣ того, здѣсь есть еще другая сторона дѣла: быть можетъ въ немъ есть указанія, можетъ быть слож- ныя, что тутъ есть еще другіе виновные, которые вполнѣ снимаютъ съ себя отвѣтственность, и въ такомъ случаѣ настоящіе подсудимые бросаютъ еще тѣнь подозрѣнія на своихъ сослуживцевъ».

Повѣренный гражданскаго истца, г. Граве, сказалъ, что послѣ обстоятельной и доказательной рѣчи товарища прокурора, онъ не считаетъ нужнымъ много распростра- няться и указалъ главнѣйшимъ образомъ на слѣдующее: При томъ порядкѣ, который существовалъ въ губернскомъ

казначействѣ, проценты по выкупнымъ свидѣтельствамъ можно было получить только чрезъ двухъ кассировъ, помимо ихъ невозможно было получить. Могутъ сказать, что порядокъ, существовавшій въ казначействѣ, былъ не совершененъ. Но вѣдь кассиры были такіе люди, которые приобрѣли себѣ довѣріе и пользовались имъ со стороны начальства. Какъ же можно было не довѣрять такимъ лицамъ? Есть ли какая нибудь возможность поставить надъ каждымъ кассиромъ контролера? Возможно-ли заставлять губернскаго казначея смотрѣть за всѣми выдачами кассировъ, заставлять его стоять за спиною кассировъ? При такомъ положеніи дѣла два кассира очень легко могли сдѣлать стачку. Затѣмъ представитель казенныхъ интересовъ высказалъ, что послѣ рѣчи обвинителя не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что фальшивыхъ выкупныхъ свидѣтельствъ не существовало. Управляющій государственнымъ банкомъ удостовѣрилъ, что въ Россіи никогда не появлялось такихъ свидѣтельствъ. Да и возможно ли допустить, чтобы челоуѣкъ, владѣющій подложнымъ выкупнымъ свидѣтельствомъ, сталъ-бы постоянно предъявлять его для полученія процентовъ въ одно и то же казначейство? Гораздо лучше было-бы предъявлять такія свидѣтельства въ разные казначейства. Затѣмъ, какая странная невнимательность со стороны кассировъ. Эти свидѣтельства предъявлялись въ огромной массѣ—на 3 милл. руб. Какъ же они не могли не замѣтить лицо, предъявлявшее имъ эти свидѣтельства и какъ у нихъ не могло не возникнуть подозрѣнія противъ этихъ свидѣтельствъ. Еще одно странное обстоятельство: обыкновенно свидѣтельства предъявляются исключительно только Купакевичу и Заверзаеву, никакому другому кассиру онѣ не предъявляются, ни въ какое другое казначейство онѣ не предъявляются. Наконецъ, самое поведеніе подсудимыхъ со времени выдачи процентовъ показываетъ, что этими процентами воспользовался никто иной, какъ Купакевичъ и Заверзаевъ. Съ заклю-

ченіе, г. Граве выразилъ убѣжденіе въ томъ, что присяжные признають подсудимыхъ виновными въ кражѣ.

Послѣ небольшого перерыва, слово было предоставлено защитнику Кушакевича. Въ своей весьма длинной рѣчи, г. Ольхинъ, возражая противъ доводовъ обвиненія, доказывалъ, что на судебномъ слѣдствіи не обнаружилось такихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было-бы обвинить подсудимаго въ взводимомъ противъ него преступленіи и что сознанію, сдѣланному имъ у слѣдователя, нельзя давать вѣры, такъ какъ въ то время онъ находился подъ вліяніемъ страшнаго психическаго давленія и готовъ былъ взвести на себя какое угодно обвиненіе.

Защитникъ подсудимаго Заверзаева, прис. пов. Лохвицкій, въ своей рѣчи, между прочимъ, ссылаясь на то, что подсудимый, какъ засвидѣтельствовали многіе свидѣтели, былъ человѣкъ въ высшей степени честный и нравственный, готовый служить обществу даже безвозмездно и что онъ служилъ честно и исправно болѣе 30 лѣтъ и былъ всегда на хорошемъ счету у начальства; что вслѣдствіе ответственности по настоящему дѣлу должна лежать на кассирѣ, который велъ дневные реестры, что обязанность Заверзаева заключалась въ томъ, чтобы смотрѣть на подпись кассира и выдавать деньги; что иногда, кромѣ Заверзаева, выдавали деньги и другіе кассиры и очень можетъ быть, что ни одно изъ этихъ фальшивыхъ выкупныхъ свидѣтельствъ не попало въ руки Заверзаева; что если, по словамъ г. Ламанскаго, фальшивыхъ выкупныхъ свидѣтельствъ никогда не попадалось, то это значитъ только то, что они не доходили къ нѣкоторымъ лицамъ, и что во всякомъ случаѣ, если даже выдавались проценты по фальшивымъ свидѣтельствамъ, то, доказывалъ г. Лохвицкій, Заверзаевъ, по своимъ отношеніямъ къ Кушакевичу, ни коимъ образомъ не могъ быть его сообщникомъ. Въ заключеніе своей рѣчи г. защитникъ высказалъ слѣдующее: «корен-

ное начало правосудія состоитъ въ томъ, что присяжные судятъ человѣка по своему внутреннему убѣжденію. Ни одинъ добросовѣстный человѣкъ не пожелаетъ, чтобы присяжные произнесли свой приговоръ въ противность данной ими клятвы, не обращая вниманія на всѣ обнаруженныя слѣдствіемъ обстоятельства; для того, чтобы обвинить человѣка, нужно имѣть твердые и основательные доводы, если-же ихъ нѣтъ, то присяжные могутъ вынести только оправданіе. Въ послѣднее время у насъ, къ сожалѣнію, стали ходить въ обществѣ ложныя понятія о томъ, какъ должны поступать присяжные въ своей дѣятельности. Одни говорятъ, что присяжные должны быть какими-то «духами», что они должны рѣшать участь человѣка по какому-то «высшему наитію»: «такъ показалось,—такъ и рѣшаю». Другіе же разсуждаютъ такъ: «у меня есть нюхъ: я понюхалъ и дѣло кончено» (въ публикѣ смѣхъ). Г. присяжные, не будьте ни духами, ни лягавыми собаками (предсѣдатель останавливаетъ защитника). Человѣкъ, который произноситъ судебный приговоръ, долженъ произносить его такъ, чтобы это было прилично человѣку разумному, свободному, т. е. на основаніи данныхъ, обнаруженныхъ на судѣ». Затѣмъ, г. защитникъ просилъ признать его клиента невиновнымъ.

Послѣ возраженій сторонъ, судъ постановилъ на разрѣшеніе присяжныхъ вопросы, на которые присяжные отвѣчали, что подсудимый Кушакевичъ виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія, а Заверзаевъ—невиновенъ.

29-го февраля, во 2-мъ часу ночи, окончились пренія по дѣлу Кушакевича и Заверзаева, и въ 3-мъ часу судъ вынесъ приговоръ, которымъ постановилъ: 1) подсудимаго Заверзаева, признаннаго присяжными не виновнымъ, считать по суду оправданнымъ; 2) подсудимаго Кушакевича, признаннаго присяжными виновнымъ въ растратѣ по службѣ денегъ, сопровождавшейся подлогомъ, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и

преимуществъ, сослать на житье въ Иркутскую губернію съ воспрещеніемъ всякой отлучки въ теченіе 2 $\frac{1}{2}$ лѣтъ, и выѣзда въ другія губерніи въпродолженіи 9-ти лѣтъ, и 3) взыскать съ подсудимаго Кушакевича, въ удовлетвореніе требованій гражданскаго истца, 170.075 руб.

Мысли счетовода по поводу дѣла Кушакевича и Заверзаева

Напечатанное сейчасъ дѣло наводитъ насъ на размышленія съ точки зрѣнія счетовода.

Дѣйствительная жизнь даетъ намъ лучшіе уроки, которые должны-бы сдѣлать насъ людьми болѣе опытными. Но кто обращаетъ особенное вниманіе на эти уроки, чья опытность обогащается этими случаями, кто анализируетъ факты, дѣлаетъ изъ нихъ выводы, умозрительныя заключенія?

Кто-то поэтизироваль, — да проститъ насъ читатель, что мы въ счетоводство вводимъ поэзію; но вѣдь и счетоводъ не каменный человѣкъ, и въ его душѣ, среди скучныхъ занятій съ цифрами, бываютъ поэтическія минуты, — да будетъ такая минута занесена здѣсь, въ счетоводную хронику....

И такъ, кто-то сказалъ:

Блаженъ, кто жизни опытомъ не мѣрилъ,
Не волноваль души своей,
Кто съ малолѣтства юныхъ дней
Чужому опыту повѣрилъ.»

Но мы измѣряемъ жизнь собственнымъ опытомъ. Становимся-ли мы опытнѣе? Пользуемся-ли уроками жизни,

умнѣемъ-ли отъ нихъ, или же эти уроки улетучиваются, не произведши впечатлѣнія, не научивши ни чему?

Но перейдемъ отъ общихъ впечатлѣній къ случаю.

Дѣло Кушакевича и Заверзаева захватываетъ двѣ отрасли знанія: съ одной стороны, товаровѣденіе, съ другой—счетоводство. Мы говоримъ товаровѣденіе, потому что на русскомъ языкѣ не приходитъ намъ на память болѣе мѣткое названіе недоброкачественныхъ росписокъ, подъ которыя выдавались $\frac{1}{10}$ по несуществующимъ выкупнымъ свидѣтельствамъ. Недоброкачественная росписка, въ при-мѣненіи къ разсматриваемому случаю, своего рода недоброкачественный товаръ. Выдать деньги подъ негодную росписку, не то же ли самое, что выдать ихъ подъ негодный товаръ? Изъ этого слѣдуетъ, что урокъ, который намъ даетъ приведенное сейчасъ дѣло, наводитъ на два различныя размышленія: какимъ образомъ отличить негодную росписку отъ хорошей, что все равно — хорошій товаръ отъ худого? и какимъ образомъ устроить счетоводство въ такомъ порядкѣ, чтобы подобныя росписки всплывали наружу не съ такою медленностью, какъ это выяснилось въ настоящемъ дѣлѣ?

Разсматривая первый вопросъ, надо прежде всего сказать, что счетоводство не можетъ разрѣшить его; оно не можетъ входить и разсматривать недоброкачественныя росписки: это выходитъ изъ его области. Счетоводство заносить только въ свои мемуары совершившійся фактъ, совершившееся дѣло, не разбирая того, принять-ли товаръ негодный за хорошій, росписка или вексель фальшивый за настоящій? Отличать первыхъ отъ послѣднихъ учить товаровѣденіе, а не счетоводство.

Для распознаванія росписки фальшивой отъ хорошей, можно было-бы замѣнить ихъ купонами; но вѣдь и купоны могутъ быть, какъ и росписки, поддѣльные. Разница лишь выразится въ томъ, что поддѣлка купоновъ требуетъ болѣе искусства, и, слѣдовательно, затрудняется, между тѣмъ

какъ въ роспискахъ искусства этого требуется меньше и такимъ образомъ поддѣлка послѣдней становится болѣе легкимъ дѣломъ. Для устраненія поддѣлки подобныхъ росписокъ можно было-бы назначить выдачу процентовъ по подобнымъ $\%$ бумагамъ, какими являлись выкупныя свидѣтельства, изъ одного извѣстнаго казначейства, подобно тому, какъ это было уже сдѣлано по отношенію къ выдачѣ $5\frac{1}{2}\%$ ренты, замѣнявшей выкупныя свидѣтельства въ западныхъ губерніяхъ, или же, какъ это дѣлается теперь по выдачѣ пенсіоновъ. Въ обоихъ случаяхъ каждому казначейству сообщается списокъ, по которому дѣлается выдача ренты и пенсіона. Списокъ служитъ для повѣрки, и въ разсматриваемомъ случаѣ проценты никакъ не могли быть выданы по выкупнымъ свидѣтельствамъ Ковалевскаго, такъ какъ этихъ выкупныхъ свидѣтельствъ не оказалось-бы въ списокѣ с.-петербургскаго губернскаго казначейства.

Въ томъ случаѣ, когда владѣлецъ выкупныхъ свидѣтельствъ или лицо, которому слѣдуетъ пенсіонъ, желаетъ получить проценты или пенсіонъ изъ другого казначейства, списки измѣняются и дѣлается, такъ сказать, переводъ кредита изъ одного казначейства на другое, т. е. въ одномъ казначействѣ изъ списка исключается кредитъ, а въ другомъ онъ открывается. Если-бы задаться желаніемъ не затруднять лицо, получающее проценты, переводомъ кредита, то въ этомъ случаѣ списки могли-бы быть печатаемы общіе для всѣхъ казначействъ, съ тѣмъ, чтобы казначейство, выдавая проценты по подобнымъ бумагамъ, повѣряло дѣйствительно существующія $\%$ бумаги съ подобнаго рода списками и потому опять же не могла производиться выдача $\%$ по такимъ выкупнымъ свидѣтельствамъ, какъ напр. Ковалевскаго, которыхъ не существовало и не находилось бы въ общихъ спискахъ.

Правда, что общіе списки, по сравненію со списками особыми на каждое казначейство, представляли-бы просторъ

выбора изъ массы свидѣтельствъ, включенной въ общій списокъ, но, во 1-хъ — во всякомъ случаѣ, въ этой массѣ не было-бы свидѣтельствъ Ковалевскаго, — слѣдовательно и разсматриваемая въ дѣлѣ выдача не могла быть произведена; во 2-хъ, выборъ одного изъ дѣйствительно существующихъ лицъ представляетъ болѣе затрудненій и риска, нежели взять свидѣтельство вымышленное, потому-что здѣсь надо угадать почеркъ лица, которому принадлежитъ свидѣтельство и, наконецъ, дѣйствительное, существующее лицо можетъ являться лично въ то же казначейство, и обнаружить злоупотребленіе.

Переходя за тѣмъ въ область счетоводства, нельзя сказать, чтобы настоящее дѣло совсѣмъ не затронуло счетоводства. Напротивъ того, изъ него выясняется неудовлетворительная сторона послѣдняго, состоящая въ томъ, что счетъ слѣдующихъ къ выдачѣ процентовъ разлученъ со счетомъ дѣйствительно выдаваемыхъ процентовъ. Счетъ первыхъ, т. е. процентовъ, слѣдующихъ къ выдачѣ, имѣется въ государственномъ банкѣ; между тѣмъ, вторые счета, дѣйствительно выданные $\%$, ведутся по казначействамъ. Для того, чтобы устранить расхищенія, выясняемыя въ настоящемъ дѣлѣ, слѣдовало-бы сосредоточить счетъ слѣдующихъ и выдаваемыхъ процентовъ въ рукахъ одного и того же государственнаго банка. Для этого, необходимо было вмѣнить казначействамъ въ обязанность: немедленно, по выдачѣ процентовъ, пересылать документы объ этой выдачѣ въ государственный банкъ, такимъ напр. порядкомъ, какъ пересылаются теперь уѣздными казначействами въ губернскія расходные документы или ассигновки, по выдачамъ, произведеннымъ первыми за счетъ послѣднихъ. Такіе документы уѣздныя казначейства записываютъ на расходъ, а губернскія на приходъ, какъ-бы наличныя деньги, и затѣмъ послѣднія уже, т. е. губернскія, вводятъ ихъ, какъ-бы собственный расходъ, въ расходную свою отчетность. Подобно этому и казначейства

могли-бы отсчитываться съ государственнымъ банкомъ. Казначейства, выдавая $\frac{0}{100}$ за счетъ государственнаго банка, должны были-бы представлять документы объ этой выдачѣ въ банкъ. Государственный банкъ, получая такіе документы о выданныхъ процентахъ, долженъ былъ-бы записать прежде всего въ текущій счетъ государственнаго казначейства полученными отъ него, а затѣмъ уже ввести въ свою расходную отчетность, какъ-бы эти проценты были выданы самимъ государственнымъ банкомъ, что все равно сказать, — его факторами—казначействами. При этомъ порядкѣ счетъ слѣдующихъ процентовъ былъ-бы сближенъ со счетомъ процентовъ, дѣйствительно выдаваемыхъ, и при этомъ сближеніи для государственнаго банка выяснялись-бы невѣрныя выдачи. Послѣдній, имѣя у себя все свѣденія о выданныхъ выкупныхъ свидѣтельствахъ и о слѣдующихъ по нимъ процентахъ, могъ-бы вывѣрять дѣйствительныя выдачи прежде внесенія ихъ въ свои расходныя книги, и, такимъ образомъ, злоупотребленія раскрывались-бы не по прошествіи многихъ лѣтъ, какъ это обнаружилось въ дѣлѣ Кушакевича и Заверзаева, а немедленно по полученіи отъ казначейства свѣденій о выданныхъ процентахъ, и въ моментъ занесенія ихъ по расходнымъ книгамъ.

Точно такой же порядокъ весьма полезенъ былъ-бы и въ примѣненіи выдаваемыхъ процентовъ по отрѣзываемымъ и оплачиваемымъ казначействами купонамъ отъ $\frac{5}{100}$ государственныхъ билетовъ, серій и т. п.

Если-бы все купоны были сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, въ банкѣ, гдѣ имѣются и эксперты для распознаванія настоящихъ купоновъ отъ фальшивыхъ и книги о выданныхъ свидѣтельствахъ и слѣдующихъ къ выдачѣ процентовъ, то въ этомъ случаѣ можетъ быть открылись-бы купоны такого-же самаго достоинства, какъ и росписки въ дѣлѣ Кушакевича и Заверзаева въ полученіи процентовъ по выкупнымъ свидѣтельствамъ, т. е. купоны фальшивые.

Въ томъ же самомъ значеніи является и другая, выясненная въ настоящемъ дѣлѣ передача самимъ государственнымъ банкомъ 7300 р. Передача эта является отъ того, что цифры расхода разлучены съ цифрою прихода. Подобный недостатокъ требуетъ самаго серьезнаго вниманія.

Мысль о сближеніи цифръ расходныхъ съ приходными занимала пишущаго эти строки много лѣтъ, была долго анализирована при обдумываніи изобрѣтенія русской тройной системы счетоводства. Изъ выясняющихся по дѣлу Кушакевича и Заверзаева фактовъ можно видѣть, почему именно въ русской тройной системѣ счетоводства цифры расходныя сближены въ капитальной книгѣ, т. е. въ хронологической записи, съ цифрами приходными, и почему именно требуется отмѣтка о поставленной на приходѣ цифрѣ, рядомъ съ тою цифрою, которая была выпущена въ расходѣ. Въ данномъ случаѣ, послѣ двойной выдачи въ государственномъ банкѣ 7300 р. наличными деньгами и 7300 р. выкупными свидѣтельствами, въ тройной системѣ не получился-бы пятый признакъ вѣрности счетоводства, т. е. въ расходѣ оказалось-бы 7300 р. больше, нежели ихъ поставлено было-бы въ приходѣ. Подобно тому, какъ всѣ счета слѣдующихъ къ выдачѣ процентовъ слѣдуетъ сближать со счетомъ дѣйствительно выдаваемыхъ процентовъ. а при отсутствіи этого сближенія невозможно слѣдить своевременно за невѣрными выдачами и преслѣдовать во время злоупотребленія по этимъ выдачамъ, подобно тому и въ хронологической записи цифры расходныя слѣдовало-бы сбить съ цифрами приходными, какъ это требуется въ тройной системѣ. При отсутствіи какъ тѣхъ, такъ и другихъ правилъ, двойныя выдачи не могутъ быть замѣчены, не говоря уже своевременно, но даже никогда, если къ этому не подвернется какой нибудь случай, подобно тому случаю, который далъ возможность открыть злоупотребленія въ дѣлѣ Кушакевича и Заверзаева. Злоупотребленія открылись чисто случайно, не вслѣдствіе организаціи сче-

товодства, а только вслѣдствіе вниманія, обращеннаго на это казначеемъ Матовкинымъ. Ни какими другими правилами невозможно раскрыть подобнаго рода злоупотребленія, какъ только сказаннымъ сближеніемъ цифръ расходныхъ и приходныхъ въ одномъ мѣстѣ. Если-бы въ государственномъ банкѣ и открылась подобная передача 7300 р, то такое открытіе опять же имѣло-бы характеръ чистаго случая. Въ государственномъ, какъ и въ каждомъ другомъ банкѣ балансъ составляется ежедневно, и если только вечеромъ, въ тотъ день, въ который передача эта случилась, балансъ по двойной системѣ сошелся, то стало быть этотъ балансъ передачи намъ не открылъ, а значитъ счетоводствомъ двойной системы она не открылась. А разъ она пропущена уже въ дневномъ балансѣ, разъ уже она скрылась въ немъ и ускользнула изъ подъ мнимо-вѣрнаго баланса двойной системы, то при открытіи ошибки балансъ уже не играетъ ни малѣйшей роли, такъ какъ открытіе это обязано было-бы уже дѣлу чистаго случая, а вовсе не бухгалтерскому дневному балансу банка по двойной системѣ.

Библиографія.

Которая система счетоводства лучше — двойная или тройная? Составилъ *П. Рейнботъ* С.-Петербургъ, 1875 г.

Никогда, ни въ одной литературѣ, не являлось такого сочиненія, въ которомъ авторъ скомпрометировалъ-бы самого себя, выставивъ на показъ свое незнаніе законовъ по своему же предмету, свое незнаніе предмета своего же преподаванія и свое неуваженіе къ нему въ такой высокой степени, какъ это сдѣлалъ г. Рейнботъ въ названной сей часъ брошюрѣ.

Если-бы была задана конкурсная задача о составленіи такого сочиненія, гдѣ авторъ компрометировалъ-бы самого себя, то г. Рейнботъ могъ-бы смѣло представить настоящую свою книгу на подобный конкурсъ и рассчитывать удостоиться на немъ первой преміи.

Въ этой брошюрѣ, г. Рейнботъ, въ качествѣ старшаго преподавателя двойной системы въ с.-петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, съ неподражаемой простотою изобличаетъ самого себя въ томъ, что онъ не знаетъ законовъ, по предмету своего преподаванія, хотя въ 12 лѣтъ учительскаго званія, казалось-бы, можно уже было про-

слышать о нихъ, не знаетъ сущности того изобрѣтенія двойной системы, которое онъ преподаетъ, не знаетъ признака вѣрности ея, не знаетъ, что можетъ быть названо признакомъ вѣрности, уличаетъ самого себя въ сдачѣ издателю учебника съ ошибками, въ неприличной сдѣлкѣ съ нимъ, и въ продажѣ своимъ ученикамъ, въ теченіи болѣе 10 лѣтъ, такого учебника, съ полнымъ сознаніемъ, что этотъ учебникъ ошибоченъ, и, наконецъ, въ потерѣ своего авторитета въ органахъ печати.

Все это г. Рейнботъ доказываетъ съ такою наивностью, какъ-бы не понимая, что подобными вещами хвалятся совсѣмъ нечего, и что, если уже онѣ и случились, то лучше о нихъ не рассказывать, тѣмъ болѣе, когда объ этомъ никто не спрашиваетъ и когда это не представляетъ особаго для кого нибудь интереса.

Разсмотримъ все это по порядку.

На первой страницѣ, подъ рубрикою — «которая система даетъ болѣе правильные выводы—тройная или двойная», г. Рейнботъ говоритъ, что: «по двойной системѣ принято: всѣ состоящія въ наличности бумаги, ко дню заключенія счетовъ, оцѣнивать по биржевому курсу;» «по тройной-же системѣ—подобная оцѣнка производится по покупной цѣнѣ». Правило это г. Рейнботъ, на стр. 2-й и 3-й, объясняетъ примѣромъ.

Положимъ, говоритъ онъ, что куплено 1000 акцій, по 60 р. за штуку, и что, «при заключеніи счета 31-го декабря, курсъ на эти акціи будетъ 130 р. При подобныхъ условіяхъ упомянутыя акціи войдутъ въ инвентарь, по двойной системѣ, по биржевой цѣнѣ, по 130 р., въ суммѣ 130000 р., а по тройной, по покупной цѣнѣ, по 60 р., въ суммѣ 60000 руб.».

«Приведенные примѣры», восклицаетъ г. Рейнботъ, «неопровержимо доказываютъ, что способъ оцѣнки бумагъ, состоящихъ въ наличности къ концу года, принятый по двойной системѣ, есть *единственно правильный*».

Слова «единственно правильный» г. Рейнботъ напечаталъ въ своей брошюрѣ курсивомъ.

Мы приглашаемъ читателя заглянуть въ уставы нашихъ банковъ, гдѣ онъ найдетъ такой законъ, который предписываетъ показывать процентныя бумаги въ годовыхъ балансахъ, не свыше той цѣны, по которой онѣ приобрѣтены.

Изъ этого закона оказывается, наперекоръ ученію г. Рейнбота, что «единственно правильный», по его мнѣнію, способъ оцѣнки процентныхъ бумагъ для инвентаря-баланса, есть способъ, запрещенный закономъ. Очевидно, что г. Рейнботу законъ этотъ не извѣстенъ; иначе, онъ не сталъ-бы, на своихъ лекціяхъ, читать по своему учебнику правила противозаконныя и, мало того, не сталъ-бы еще въ брошюрѣ распространять такое незаконное ученіе, и называть еще его «единственно правильнымъ».

Очевидно, что если-бы г. Рейнботъ зналъ объ этомъ законѣ, то онъ не компрометировалъ-бы самого себя противозаконнымъ ученіемъ.

Ясно, что закона этого онъ не знаетъ, не смотря на то, что такой повторяется въ уставахъ многихъ банковъ, и печатается въ продолженіи многихъ лѣтъ.

Надѣмся, нѣтъ надобности вдаваться въ разсужденіе, на сколько неумѣстно ученіе г. Рейнбота—поступать вопреки закону. Но, обращаясь къ той мысли, которую онъ хотѣлъ доказать, т. е., что способъ оцѣнки процентныхъ бумагъ, по двойной системѣ, «единственно правильный», мы, естественно, выведемъ изъ сказаннаго такое заключеніе, что подобный способъ не только не можетъ называться единственно правильнымъ, но еще долженъ называться противозаконнымъ, и, съ этой стороны, способъ, предлагаемый тройною системою, которая ставитъ правиломъ показывать цѣнности по покупной своей цѣнѣ, а въ случаѣ, если эти цѣнности потеряли прежнюю свою

стоимость, то выставлять ихъ въ убытокъ *), можетъ считаться вполне законнымъ и заслуживаетъ болѣе уваженія и кредита, нежели такой по двойной системѣ.

Изобличивши самого себя въ незнаніи законовъ, г. Рейнботъ, на страницѣ 19-й, переходитъ къ изобличенію себя въ незнаніи сущности двойной системы.

«По двойной бухгалтеріи» (системѣ), говоритъ г. Рейнботъ, на стр. 19, «для повѣрки дѣлаемыхъ» «въ книгахъ выводовъ, ведется такъ называемая главная книга, въ которой всѣ операціи распредѣляются по счетамъ, соотвѣтствующимъ различнымъ отдѣльнымъ книгамъ, для повѣрки которыхъ они открываются; такъ, напримѣръ, счетъ кассы, открываемый въ главной книгѣ, повѣряетъ кассовую книгу, счетъ товаровъ — товарную книгу, счетъ фондовъ — книгу фондовъ и т. д.».

Все это отъ слова до слова невѣрно. Самъ изобрѣтатель двойной системы, монахъ Пачіоло, испугался-бы, если-бы могъ услышать такую нелѣпицу, приписываемую его изобрѣтенію.

Монахъ Пачіоло создалъ признакъ вѣрности, являющійся (въслѣдствіе предложенной имъ двойной записи каждаго оборота дѣла — одинъ разъ въ дебетъ, другой разъ въ кредитъ), — въ итогахъ пробнаго баланса, въ видѣ двухъ равныхъ величинъ, т. е. итогъ дебета равенъ итогу кредита.

Это-то и составляетъ единственный признакъ вѣрности счетоводства, отъ котораго и система эта получила названіе двойной, такъ какъ здѣсь двѣ величины равны между собою, и такъ какъ неравенство ихъ служитъ признакомъ существованія ошибки.

*) Примѣры списыванія въ убытокъ со стоимости цѣнностей приведены въ «полной наглядной практикѣ торговаго счетоводства по новой русской системѣ счетоводства» въ задачахъ: 138, 143, 158, 188, 203, 210, 430, 431, 443, 493, 508, 512, 538, 548, 549, 588, 592, 593, 596 и 633.

Но чтобы счетъ главной книги назначался для повѣрки книгъ: кассовой, товарной и т. д., этого никто еще отъ монаха Пачіоло не слыхалъ, не исключая и самого г. Рейнбота.

Доказательствомъ этому можетъ служить его учебникъ, въ которомъ, напримѣръ, по счету товаровъ главной книги, значатся итоги, за іюль мѣсяцъ:

Въ дебетѣ—72084 р. 27 к. (стр. 160) и въ кредитѣ — 78730 р. 61 к. (стр. 161), а въ товарной книгѣ итогъ за этотъ мѣсяцъ всѣхъ счетовъ составляетъ:

въ приходѣ . . .	61116 р. 33 к.
» расходѣ . . .	67762 » 67 »

Такимъ образомъ, очевидно, что итогъ счета товаровъ главной книги не сходится, у самого же г. Рейнбота, съ итогами товарной книги, слѣдовательно, первая не назначается для повѣрки послѣдней.

Г. Рейнботъ объясняетъ, будто «контроль подробныхъ счетовъ слѣдуетъ производить не черезъ сличеніе итоговъ дебета и кредита главной книги съ приходомъ и расходомъ подробныхъ счетовъ, а путемъ сравненія суммъ прибылей». Но, и въ этомъ случаѣ, его же учебникъ доказываетъ противное.

Такъ, напримѣръ, по одному и тому же счету товаровъ, на коммисію въ Москвѣ, въ этомъ учебникѣ выведено прибыли:

По главной книгѣ, на стр. 170,—973 р. 86 к., а по товарной книгѣ, на стр. 40,—988 р. 86 к.

Изъ этого ясно, что прибыль по одной книгѣ не сходится съ прибылью по другой, слѣдовательно, счетомъ товаровъ главной книги не повѣряется товарная книга.

То же самое доказывается и разсматриваемымъ, г. Рейнботомъ, въ названной брошюрѣ, утаечнымъ сводомъ, приведеннымъ въ сочиненіи г. Кзерскаго: «простая, двойная, англійская и другія системы счетоводства».

Въ этомъ утаечномъ сводѣ показано, за сентябрь мѣсяцъ, по счету кассы главной книги (стр. 110 и 111):

въ приходѣ . . .	198433	р. 34	к.
» расходѣ . . .	187828	» 90	»
и въ остаткѣ . . .	10604	» 44	»

и тѣ же цифры значатся и въ кассовой книгѣ (стр. 26 и 27), именно:

въ приходѣ . . .	198433	р. 34	к.
» расходѣ . . .	187828	» 90	»
и въ остаткѣ . . .	10604	» 44	«

Въ этихъ цифрахъ утаечнаго свода скрыты довольно важныя ошибки и ущербы, въ доказательство того, что счетомъ кассы, въ главной книгѣ, не повѣряется кассовая книга, такъ какъ, очевидно, нельзя-же называть повѣркою, если и въ той и въ другой получается согласіе невѣрныхъ цифръ.

Точно также, въ утаечномъ сводѣ, выставлено согласіе невѣрныхъ цифръ и по отношенію къ выводамъ прибылей. Такъ, напримѣръ, по одному и тому-же текущему счету Гирша, въ Берлинѣ, значится, какъ въ главной книгѣ, такъ и въ книгѣ текущихъ счетовъ, одна и та же цифра прибыли, 65 р. 83 к., между тѣмъ, какъ эта прибыль нарочно выставлена невѣрною, для того, чтобы доказать, что счетомъ главной книги не могутъ быть повѣряемы текущіе счета.

И такъ, мы убѣждаемся, что главною книгою не повѣряются книги: кассовая, товарная, текущихъ счетовъ и т. п., такъ какъ счетъ товаровъ, ни въ итогѣ, ни въ прибыли не сходится въ учебникѣ г. Рейнбота, и сходится въ утаечномъ сводѣ, тамъ, гдѣ цифры выставлены нарочно невѣрными. Очевидно, что г. Рейнботъ говоритъ это, не зная сущности двойной системы, иначе онъ не сталъ-бы утверждать о существованіи такихъ сличеній и повѣрки, которыхъ на самомъ дѣлѣ, въ его-же даже учебникѣ, не существуетъ.

Но этого еще мало. Г. Рейнботъ изобличаетъ себя еще въ незнаніи того, что можетъ быть названо признакомъ вѣрности двойной системы. Это онъ дѣлаетъ, на стр. 30, говоря, что «для открытія ошибокъ въ товарной книгѣ» «служить» «умноженіе количества на цѣну», и что «путемъ умноженія количества на цѣну — обнаруживаются ошибки въ количествахъ».

Прежде всего надо сказать, что въ его-же учебникѣ, въ товарной книгѣ, не требуется выставленія цѣнъ и ихъ тамъ не выставлено.

Стало быть, если-бы кто и хотѣлъ повѣрить цифры, путемъ повторенія дѣйствія умноженія, то ему нельзя было-бы этого сдѣлать по двойной системѣ, такъ какъ помноженіе сдѣлать не съ чѣмъ. Цѣнъ въ товарной книгѣ нѣтъ, значитъ нѣтъ множителя, множить нельзя. Затѣмъ, собственно говоря, умноженіе никакъ не можетъ быть названо признакомъ вѣрности *цѣной* системы, такъ какъ оно относится только, каждый разъ, къ какой-нибудь *частной* статьѣ. Кромѣ того, повтореніе того-же дѣйствія умноженія не исключаетъ возможности новой ошибки, тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, что въ силу психологическаго закона, человѣкъ склоненъ повторять разъ уже сдѣланную ошибку. Помноженіе это можетъ быть возведено въ признакъ вѣрности только тогда, когда мы постановимъ обязательное правило — вписывать въ товарную книгу количество, цѣну и сумму денегъ, такъ, чтобы всѣ три цифры: множимое, множитель и произведеніе находились на лицо, какъ это сдѣлано въ тройной системѣ. Кромѣ того, надо ввести въ счетоводство правило — отписывать мелкія суммы, являющіяся вслѣдствіе округленія дробей, какъ это, напримѣръ, въ тройной системѣ, представляетъ цифра регулятора. Тогда только мы получимъ возможность — *остатокъ* количества, въ *конечномъ* выводѣ, перемножить на покупную цѣну и сравнить полученное произведеніе съ цифрами отброшенныхъ и отписанныхъ,

въ регуляторѣ, мелкихъ суммъ, при округленіи дробей, тогда только мы, не повторяя помноженія каждый разъ, можемъ видѣть, на помноженіи одного остатка, является-ли здѣсь неточность въ произведеніи, вслѣдствіе отбрасыванія дробей, или-же неточность эта явилась отъ ошибки въ помноженіи въ какой-нибудь частной статьѣ.

Подъ словомъ признака вѣрности счетоводства разумѣется, въ счетоводномъ дѣлѣ, условленное согласіе, получаемое въ *конечныхъ* итогахъ.

Такъ, напримѣръ, въ тройной системѣ помноженіе применяется къ *конечному* послѣднему остатку, и сравнивается съ *конечною* послѣднею цифрою регулятора, т. е. съ цифрою, являющеюся въ *послѣднемъ* итогѣ. Поэтому-то, это послѣднее помноженіе даетъ намъ возможность убѣдиться въ правильности помноженія, не только одной какой-нибудь частной статьи, но всѣхъ вообще статей, т. е. всего вообще счета или всего счетоводства, всѣхъ цифръ, которыя вошли въ послѣдніе итоги, составившіе остатки.

Точно также и въ двойной системѣ итогъ книги пробнаго баланса даетъ въ дебетѣ и въ кредитѣ равныя суммы въ самомъ послѣднемъ *конечномъ* итогѣ, и этотъ-то конечный итогъ даетъ намъ убѣжденіе въ томъ, что здѣсь сложеніе произведено правильно, не въ одномъ какомъ-нибудь счетѣ, не въ одной какой-нибудь статьѣ, а во всемъ счетоводствѣ, взятомъ вмѣстѣ, такъ какъ итогъ пробнаго баланса относится не къ одному чему-нибудь, а ко всему счетоводству вообще. Это равенство итоговъ дебета и кредита въ конечномъ пробномъ балансѣ и можетъ быть названо и называется признакомъ вѣрности всего счетоводства по двойной системѣ.

Послѣ этого, если г. Рейнботъ говоритъ о помноженіяхъ каждой статьи отдѣльно, и о повѣркѣ счетоводства этимъ путемъ, то этимъ самымъ онъ уличаетъ самого себя въ незнаніи того, что можетъ быть названо признакомъ вѣрности *цѣлой* системы счетоводства.

Достойно замѣчанія, что все сказанное приведено г. Рейнботомъ, для того, чтобы доказать, что товарная книга по двойной системѣ, будто-бы, вывѣряется, между тѣмъ, самъ-же г. Рейнботъ, на стр. 30, восклицаетъ: «вѣдь балансовая книга вовсе не касается товарной книги, какимъ-же образомъ она можетъ открыть въ ней, (въ товарной книгѣ), ошибки?»

Этимъ восклицаніемъ онъ зачеркнулъ значеніе всей своей брошюры. Если балансовая книга, какъ онъ совершенно справедливо утверждаетъ, не вывѣряетъ товарную книгу, то, стало быть, эта товарная книга остается по двойной системѣ не вывѣренной, такъ какъ, посредствомъ книги баланса, ошибки въ ней не открываются, а другого признака вѣрности, до всего счетоводства касающагося, въ двойной системѣ нѣтъ.

По поводу ошибокъ, существующихъ въ его учебникѣ, доказывающихъ, кстати сказать, что по двойной системѣ ошибки возможны, г. Рейнботъ говоритъ, на стр. 28: «Я (т. е. Рейнботъ), «спѣша составить свой учебникъ къ назначенному мнѣ сроку, пропустилъ, въ одномъ мѣстѣ, 16 фунтовъ сахара».

Въ другой статьѣ, помѣщенной въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, за октябрь мѣсяць 1875 г., на стр. 118, г. Рейнботъ сознается не въ одной, а въ нѣсколькихъ ошибкахъ, существующихъ въ его учебникѣ, и извиняетъ самого себя тѣмъ, что онъ, «обязавшись составить учебникъ къ извѣстному сроку, по краткости времени, не имѣлъ возможности подвергнуть всѣ сдѣланные мною, (Рейнботомъ), выводы необходимой повѣркѣ».

Изъ этихъ словъ оказывается, что г. Рейнботу было дѣломъ совершенно безразличнымъ, сдать-ли издателю учебникъ съ ошибками, — или сдать его безъ ошибокъ, лишь-бы только доставить его къ сроку.

Онъ заботился не о доброкачественности своего учебника, а о срочной поставкѣ его. Для него срокъ былъ

важнѣе самаго дѣла; разумѣется не для того, чтобы получить отъ издателя въ срокъ деньги.

На слѣдующей, 29 стр., г. Рейнботъ продолжаетъ: «Къ составленію моего учебника» «я приступилъ въ концѣ января 1865 г., и, въ томъ-же году, онъ былъ напечатанъ. На оберткѣ же книги былъ выставленъ, по же анію издателя, 1866 годъ, такъ какъ книга вышла изъ печати въ концѣ 1865 года». И такъ, мы узнаемъ, что г. Рейнботъ приступилъ къ составленію учебника въ началѣ года и выпустилъ его въ свѣтъ въ концѣ года, имѣя его, въ рукописи, въ рукахъ на двухъ курсахъ — въ концѣ 1864—65 и въ началѣ 1865—66, а такое время нельзя назвать слишкомъ краткимъ, для того, чтобы провѣрить выводы въ крошечномъ счетоводствѣ, назначенномъ въ учебникѣ для образца, и состоящемъ, всего на всего, изъ 88 задачъ, считая въ числѣ этихъ задачъ и покушку почтовыхъ марокъ; слѣдовательно, краткаго времени, а тѣмъ болѣе слишкомъ краткаго времени, здѣсь не существовало, и извиняться этимъ въ ошибкахъ г. Рейнботу неумѣстно, тѣмъ болѣе, что, по всей вѣроятности, и для самого издателя его учебника было-бы пріятнѣе получить вывѣренный учебникъ, чѣмъ расходоваться на печатаніе учебника съ ошибками и, значить, никуда негоднаго. Едва-ли самъ издатель не поставилъ-бы г. Рейнботу отсрочку и не вмѣнилъ-бы въ обязанность сдать ему учебникъ вывѣренный, а не съ ошибками. Не признается-ли въ этомъ скорѣе тотъ фактъ, что признакъ вѣрности двойной системы счетоводства — балансъ, не даетъ никакой возможности открыть ошибки въ счетоводныхъ книгахъ, а самъ г. Рейнботъ на столько неряшливо отнесся къ своему труду, что не позаботился, хотя-бы посредствомъ простаго перемноженія или пересложенія итоговъ, или посредствомъ корректурнаго способа провѣрить свой учебникъ

Странно еще, что г. Рейнботъ выставляетъ наружу неприличную сдѣлку свою съ издателемъ о выставленіи

на учебникѣ позднѣйшаго года, съ тѣмъ, чтобы обмануть публику на счетъ того, что онъ моложе и новѣе, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ есть. Если уже учитель пошелъ на подобную сдѣлку съ издателемъ, то не приличнѣе-ли было бы умолчать объ этомъ, тѣмъ болѣе, что г. Рейнбота никто объ этомъ не спрашивалъ, и что онъ, по званію преподавателя, не долженъ былъ-бы служить примѣромъ дурныхъ сдѣлокъ.

На 29-й страницѣ, г. Рейнботъ говоритъ, что «ошибка въ 16 фунт. сахара была обнаружена въ первый же годъ по введеніи моего учебника, какъ руководства».

Учебникъ этотъ изданъ въ концѣ 1865 г., значитъ ошибка открылась въ 1866 г., и съ тѣхъ поръ, въ теченіи 10 лѣтъ, г. Рейнботъ равнодушно продаетъ свой учебникъ съ ошибками своимъ же ученикамъ, какъ будто въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, и не заботится даже ни о перепечаткѣ ошибочныхъ листовъ, ни о второмъ изданіи менѣе неряшливаго учебника.

Въ этомъ фактѣ болѣе всего удивляетъ то обстоятельство, что г. Рейнботъ не понимаетъ, что онъ выставляетъ самого себя въ неблаговидномъ свѣтѣ, если продолжаетъ распространять учебникъ съ ошибками, или—что еще удивительнѣе,—читать по ошибочному учебнику лекціи, да еще хвалиться безъ надобности, что онъ дѣлаетъ это болѣе 10 лѣтъ.

Но г. Рейнботъ изумляетъ своего читателя еще болѣе, похваляясь потерей авторскаго кредита въ органахъ печати. Въ предисловіи своемъ онъ говоритъ, что «редакція Биржевыхъ Вѣдомостей не пожелала помѣщать въ своей газетѣ дальнѣйшую полемику», т. е. статей его.

Чтобы понять всю горечь этихъ словъ, достаточно вспомнить, что г. Рейнботъ, какъ долголѣтній преподаватель двойной системы въ с.-петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, долженъ былъ-бы считаться авторите-

томъ науки и считался такимъ, и если авторитетъ этотъ потерялъ кредитъ на столько, что статьи его уже не принимаются въ редакціи газеты, то этого слѣдовало-бы стыдиться и скрывать. Хвалиться тутъ, опять же, нечѣмъ.

Для разъясненія надо сказать, что Биржевыя Вѣдомости, въ отвѣтной статьѣ г. Езерскаго на статью г. Рейнбота, должны были сами уличить г. Рейнбота въ подставкѣ къ тройной системѣ лишихъ 1000 р. 7 к., въ скрытіи, по двойной системѣ, кассовой книги и т. п. Послѣ этого читателю понятны будутъ причины потери авторитета г. Рейнботомъ. Каждая редакція охотно даетъ мѣсто, на страницахъ своей газеты, высказаться противоположнымъ мнѣніямъ, и въ этомъ никто не увидитъ ничего другого, какъ только желанія служить къ разъясненію дѣла. Но если только одна сторона начинаетъ заниматься подставкою цифръ, скрытіемъ записей и т. п., и когда подобное искаженіе фактовъ вызываетъ опроверженіе, которое не можетъ быть смягчено, такъ какъ рѣзкость отвѣта вытекаетъ не изъ редакціи статей, а изъ самыхъ фактовъ, изъ дѣйствія подставокъ, скрытій, подмѣны формъ и т. п., то, очевидно, какая-же редакція согласится продолжать печатать статьи съ подставками и т. п.?

Если авторитетъ злоупотребляетъ оказаннымъ ему довѣріемъ редакціи, то ясно, что послѣдней не остается ничего другого, какъ только отказать ему въ этомъ довѣрїи.

Но намъ пора кончить.

Всѣхъ курьезовъ, встрѣчаемыхъ въ книгѣ г. Рейнбота, не перечтешь. Уже достаточно и того, что обнаружено выше.

Изъ этого видно, что г. Рейнботъ не знаетъ ни законовъ своего государства о предметѣ своего преподаванія, ни признака вѣрности преподаваемой имъ двойной системы счетоводства, не знаетъ, что можетъ быть названо признакомъ вѣрности въ счетоводствѣ, изобличаетъ самого

себя въ сдачѣ издателю учебника съ ошибками, въ неприличной сдѣлкѣ съ нимъ, съ цѣлью обмануть публику, что учебникъ годомъ моложе и новѣе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, въ распространеніи учебника съ ошибками и, наконецъ, въ потерѣ кредита со стороны редакцій газетъ.

Всего этого совершенно достаточно, для того, чтобы нарисовать себѣ личность г. Рейнбота, скомпрометированнаго самого себя въ собственной книгѣ, тогда какъ никто его не просилъ говорить то, о чемъ слѣдовало-бы человѣку молчать.

Мы чуть не позабыли сказать, что г. Рейнботъ, на поставленный, въ заголовкѣ книги, вопросъ о томъ, «какая система лучше, двойная или тройная», отвѣчаетъ, само собою разумѣется, что изложенная имъ, въ его ошибочномъ учебникѣ, двойная система несравненно лучше тройной.

Понятно, что безъ такого вывода онъ не можетъ распространять учебника, тѣмъ болѣе, что этотъ учебникъ ничего не стоитъ, такъ какъ онъ, по словамъ самого автора, съ ошибками.

Само собою разумѣется, что вопросъ о томъ, которая система лучше — двойная или тройная, не можетъ быть выясненъ никакими спорами и многоглагольствованіями. Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только путемъ одной практики. Между тѣмъ, г. Рейнботъ, какъ видно изъ его брошюры, тройной системы нигдѣ на практикѣ не примѣнялъ и даже не видѣлъ ея примѣненія, а, слѣдовательно, и не можетъ дать о ней такого сужденія, которое вытекало-бы уже изъ практическихъ опытовъ.

Въ заключеніе нельзя не сдѣлать слѣдующаго замѣчанія. Въ обществѣ существуетъ убѣжденіе, что ученики с.-петербургскаго коммерческаго училища, окончивши курсъ, оказываются нерѣдко незнающими счетоводства и

выучиваются ему уже на практикѣ, на мѣстахъ въ торговыхъ конторахъ.

Обстоятельство это приписывается тому, будто счетоводство нельзя изучить на школьной скамьѣ; между тѣмъ, какъ не вѣрнѣе-ли предположить, что незнаніе учениковъ находится въ зависимости чисто отъ незнанія своего предмета ихъ учителемъ и отъ неуваженія къ нему на столько, чтобы позволить себѣ читать лекціи по ошибочному учебнику и противузаконнымъ правиламъ въ немъ.

Вкравшіяся опечатки и выпавшія при сверсткѣ буквы:

<i>На страницѣ;</i>	<i>строки:</i>	<i>напечатано:</i>	<i>слѣдуетъ читать:</i>
7	3 снизу	на обширности	по обширности
8	2 и 1 снизу	не успѣхи	успѣхи
17	17 сверху	налягая	налегая
27	10 »	но затронутому	по затронутому
44	8 »	проишдшихъ	происшедшихъ
45	16 »	бньшую	меньшую

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ФИРМА СЧЕТОВОДЪ

С.-Петербургъ, Литейный просп., № 33.

А. Зала и контора фирмы.

Счетоводная литература: всѣ руководства и сочиненія о счетоводствѣ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ; складъ соч. Э. Езерскаго.

Практическія занятія счетоводствомъ по простой, двойной, англійской и тройной системамъ, подъ наблюдениемъ опытныхъ счетоводовъ, имѣющихъ цѣлю основательнаго на практикѣ подготовленія кандидатовъ для занятія мѣстъ счетоводовъ.

Лекціи о торговомъ счетоводствѣ Э. Езерскаго, читаемыя съ разрѣшенія министер. народн. проsv. въ залѣ фирмы.

Рекомендація хозяевамъ счетоводовъ, практически подготовленныхъ на такія мѣста въ конторѣ фирмы, съ принятіемъ ручательства въ знаніи рекомендуемыми лицами счетоводства.

Передоженіе, по желанію хозяевъ, ихъ счетоводства, веденнаго по простой или двойной системамъ, на новую русскую или тройную систему въ конторѣ фирмы, или-же, командированіе кандидатовъ-счетоводовъ для такихъ занятій на дому въ Петербургѣ и въ провинцію.

Повѣрка стараго счетоводства тѣмъ-же порядкомъ и составленіе изъ него отчетовъ и т. п.

Введеніе русской-тройной, или-же другой системы, на практикѣ и командированіе для этого опытныхъ счетоводовъ въ дома въ С.-Петербургѣ и въ провинцію.

Б. Изданіе: «Бесѣды торговаго и счетоводнаго міра».

Сборникъ статей, изданія и редакціи Федора Езерскаго, съ приложеніемъ разныхъ руководствъ.

В. Магазины фирмы.

Счетоводныя книги и бланки: совершенно готовы конторскія книги по итальянской (двойной), русской (тройной), англійской и простой системамъ; заготовленіе всевозможныхъ счетоводныхъ формъ и бланковъ.

Вспомогательныя таблицы: готовое умноженіе и дѣленіе на всякую желаемую величину, сост. Э. Езерскимъ и одобренное Учен. Ком. Мин. Народн. Просв. для старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ; разныя таблицы и т. д.

Механическія счетоводныя пособія: счеты Э. Езерскаго съ машинкою умноженія и дѣленія, привилегиров. въ Америкѣ, Россіи и т. д.

Счетоводныя принадлежности: всѣ новѣйшія усовершенствованныя конторскія принадлежности.

Письменныя принадлежности: бумага, конверты, карандаши, перья, копірныя чернила и т. д.

Примѣчаніе. Иногородные могутъ выписывать всевозможныя книги по всѣмъ отраслямъ русской и иностранной литературы.

Г. Агентства фирмы Счетоводъ.

Въ СЕВАСТОПОЛѢ, при книжномъ магазинѣ Э. А. Старка.

Въ ПЕРМИ, у счетовода Григорія Григорьевича Вутримовича:

Въ МОГИЛЕВѢ ГУБЕРНСКОМЪ. у Степана Венедиктовича Езерскаго.

ФИРМА СЧЕТОВОДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ЛИТЕЙНЫЙ ПРОСП., № 33.

СЧЕТОВОДНЫЯ КОНТОРСКІЯ КНИГИ, ЗАГОТОВЛЕННЫЯ ФИРМОЮ.

А. Русская тройная система Езерекаго.

Форма 1. Капитальная книга въ томъ видѣ, какъ се слѣдуетъ вести на основаніи полной и краткой наглядной практики Θ . Езерекаго.

- № 1. Та-же капитальная книга, въ форматѣ $\frac{1}{4}$ доли листа.
- № 2. Та-же капитальная книга карманная, въ форматѣ $\frac{1}{8}$.
- № 3. Капитальная книга съ чеками.
- № 4. Капитальная книга съ чеками карманная.
- № 6. Книга кассовая.
- № 7. Книга памятная.

Обѣ послѣднія книги изданы въ видахъ облегченія перехода отъ двойной системы къ новой русской-тройной. Въ кассовой книгѣ имѣются графы двойной системы: для текста, страницы журнала, дебета или прихода, и кредита или расхода денегъ. Тоже самое и въ памятной книгѣ. Но къ то-же время, въ обѣихъ этихъ книгахъ, сверхъ графы двойной системы, имѣются еще графы и русской-тройной системы, именно, для цѣнностей и издержекъ. Такимъ образомъ, обѣ книги могутъ быть удобно употребляемы при двойной и при тройной системахъ и переходъ отъ одной системы къ другой становится незамѣтнымъ.

№ 8. Кассовая книга. Та-же самая кассовая книга въ $\frac{1}{4}$ доли листа. Книга эта весьма полезна во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ хозяинъ живетъ въ другомъ мѣстѣ и ему доставляется копія кассовой книги. Въ этихъ видахъ бланки этой книги отпечатаны на нетяжеловѣсной почтовой бумагѣ и продаются тетрадами и листами. Тетрадь (6 листовъ), отпечатанная и разлинованная, съ титульнымъ листомъ — 15 копеекъ. 12 тетрадей на цѣлый годъ 1 р. 50 к., а съ пересылкою 1 р. 75 к.

- № 9. Сводная книга, какъ она представлена въ сочин. Θ . Езерекаго.
- № 10. Книга акцій.
- № 11. > билетовъ и облигацій.
- № 12. > векселей.
- № 13. > предметовъ обзаведенія
- № 14. < товарная.
- № 15. > издержекъ.
- № 16. > текущихъ счетовъ.

Съ печатнымъ заготовками, имѣются всегда готовыми.

№ 17. Вексельная книга—она-же срочная. Бланки этой книги отпечатаны такимъ образомъ, что на одной и той-же страницѣ могутъ быть записываемы векселя, выданные на одинъ и тотъ-же день платежа, какъ къ получению, такъ и къ платежу (каждый въ особомъ счетѣ). Такимъ образомъ, открывши страницу требуемаго дня, недѣли, мѣсяца и т. п., сразу наглядно видно, сколько предстоить получить и сколько предстоить заплатить въ данный день и т. д.

Б. Простая и двойная-итальянская система.

- № 23. Главная.
- № 24. Меморіаль.
- № 25. Дневная книга.
- № 26. > Памятная.
- № 27. > Кассовая.
- № 28. Книга журналъ.
- № 29. Инвентарная.

Имѣются
всегда
готовыми.

№ 30. Расчетная, ресконтро.

Все эти книги имются готовыми въ Фирмѣ Счетоводъ во всякое время.

№ 31. Книга акцій, билетовъ и облигацій.

№ 32. > векселей къ полученію.

№ 33. > > платежу.

№ 34. > предметовъ обзаведенія.

№ 35. > товаровъ.

№ 36. > издержекъ.

} Заготавливаются только по заказамъ.

Только по русской-тройной системѣ Езерскаго книги этого рода приведены къ однообразной формѣ. По простой и двойной системамъ, онѣ ведутся по самымъ разнообразнымъ формамъ. Эти формы, какъ онѣ предлагаются въ Америкѣ, Англии, Австріи, Бельгии, Германіи, Россіи, Франціи, Швейцаріи можно видѣть въ сочиненіи Езерскаго: «Простая, двойная, англійская и др. системы счетоводства» стр. 1—93. Велѣдствіе разнообразія формъ этихъ книгъ, Фирма Счетоводъ заготавливаетъ ихъ только по особымъ заказамъ.

В. Книги для сельскихъ хозяевъ по русской-тройной системѣ.

№ 18. Книга работъ и рабочихъ. Книга эта необходима для всѣхъ безъ исключенія хозяевъ, какъ большихъ такъ и малыхъ. Въ одной книгѣ сосредоточивается свиденіе какъ о всѣхъ выдачахъ рабочимъ, такъ о всѣхъ произведенныхъ работахъ, о разрядѣ и количествѣ рабочихъ силъ, употребленныхъ на каждую работу и, наконецъ, стоимость каждой работы. Книга эта сама по себѣ доступна наглядной повѣркѣ, посредствомъ сличенія количества исполненныхъ работъ, съ количествомъ рабочей силы и стоимостью послѣдней. Цена по 2 р., 3 р. и дороже, смотря по толщинѣ книги.

№ 19. Книга приходная-кассовая въ чекахъ.

№ 20. > расходная-кассовая въ чекахъ.

№ 21. > памятная (мемориаль) въ чекахъ.

} Ц. по 1 р.
50 к., а съ
пер. вѣст 3-5р.

Въ каждой изъ этихъ трехъ книгъ устроены двойные чеки — одни приходные, другіе расходные, въ первомъ пишется на какой счетъ сумма подлежитъ въ приходъ (дебеть), въ другомъ тоже въ расходъ (кредитъ). Чеки эти, по истеченіи мѣсяца, или когда угодно, отряжаются и сортируются такимъ образомъ, что чеки, относящіеся къ одному и тому же счету, группируются въ одно мѣсто, такъ что сумма всѣхъ чековъ, напр. о продажѣ ржи, покажетъ количество проданной ржи и т. п. Кромѣ этихъ чековъ суммы записываются къ корешкѣ этихъ трехъ книгъ противу каждаго чека и вверху и внизу страницъ выводятся страничные итоги и общіе транспорты, такъ что общая сумма въ графѣ въ корешкѣ книги должна быть равна общей суммѣ всѣхъ чековъ.

№ 22. Недѣльная-памятная книга сельскихъ хозяевъ. Книга эта можетъ быть съ пользою примѣнена въ сельско-хозяйствахъ, на заводахъ и на фабрикахъ.

№ 23. Книга матеріаловъ, товаровъ и припасовъ и т. д. Книга эта принаровлена къ потребностямъ сельскаго хозяйства, фабрикъ и заводовъ въ томъ смыслѣ, что въ ней счета могутъ быть открываемы по группамъ, напр. счетъ гвоздей, счетъ досокъ; внутри этихъ счетовъ въ особо назначенныхъ графахъ записываются отдѣльно сорта гвоздей, досокъ и т. д.

Примѣчаніе 1. Вышепомянутыя книги, съ № 1—17 включительно, служатъ какъ для торговыхъ, такъ и для сельско-хозяйственныхъ дѣлъ.

Примѣчаніе 2. Лица, желающія имѣть образцы веденія книгъ, въ примѣненіи къ данному дѣлу, могутъ обращаться въ Фирму

Счетоводъ, которая принимаетъ на себя за условленное, смотри по обширности дѣла, вознагражденіе — составлять требуемые образцы и отправлять ихъ посылками по почтѣ.

№ 37. Книга заборщиковъ.

№ 38. Книга заказовъ.

№ 39. Карманные чеки — нумерованные: по 50-ти чековъ въ тетрадь въ $\frac{4}{10}$ долю листа. Цѣна 15 к., въ переплетѣ 30 к.

№ 40. Книги для ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществъ. Счетныя книги и формы по образцамъ правилъ счетоводства и отчетности, въ переплетѣхъ.

Счетоводство аккуратной хозяйки по 2 к., по 5 к., по 10 к. и по 15 к. за тетрадь. Дюжина тетрадей (на годъ) на 10% дешевле. Пересылка по 1 ф. за 1 до 12 экземпляровъ. Выписывающіе 100 экземпляровъ получаютъ уступки 25% и, кромѣ того, за пересылку ничего не платятъ.

УСЛОВІЯ ВЫПИСКИ КНИГЪ.

Цѣна бумаги. Обыкновенно для конторскихъ книгъ употребляется прѣсная бумага, въ виду того, что книги эти находятся въ употребленіи часто болѣе года и служатъ для справокъ въ теченіи десятковъ лѣтъ, а слѣдовательно тонкіе сорта бумаги при частомъ перелистываніи и обращеніи съ книгою разрываются и книги становятся негодными. По этому, Фирма Счетоводъ употребляетъ для заготавливаемыхъ ею книгъ бумагу большого конторскаго формата, цѣною по 3 р., по 2 р. 50 к., по 2 р., по 1 р. и по 75 к. за дѣсть и низшаго сорта большого формата, по 50 к. за дѣсть, считая въ этой цѣнѣ линовку и печатаніе заголовковъ. Обыкновенныя-же книги безъ печатныхъ заголовковъ имѣются отъ 25 коп. за книгу и дороже. Иногородные при требованіи благоволятъ увѣдомлять Фирму — изъ какого сорта вышеупомянутой бумаги должны быть высланы имъ книги.

Цѣна переплетовъ. Переплеты счетоводныхъ книгъ составляютъ особое искусство, извѣстное только немногимъ переплетчикамъ, специально занимающимся только переплетаніемъ такихъ книгъ. Отъ такихъ переплетовъ требуется, чтобы книга раскрывалась совершенно ровно и чтобы переплетъ имѣлъ долговѣчную прочность, несмотря на частое обращеніе съ книгою. По этому переплеты собственно конторскихъ книгъ отличаются по цѣнѣ отъ простыхъ переплетовъ. Цѣна имъ, смотря по толщинѣ и формату книги и по изящности отдѣлки, изменяется отъ 50 к. до 15 р. Простые бумажные переплеты исполняются отъ 5 к. и до 1 р.

Иногородные благоволятъ въ требованіяхъ своихъ назначать, въ какихъ переплетѣхъ должна Фирма выслать имъ книги.

Цѣна пересылки. По почтѣ — по вѣсу и разстоянію (приблизительно около 20% цѣны). Значительныя требованія могутъ быть отправлены по желѣзной дорогѣ и чрезъ транспортныя конторы, причемъ отправки обходятся значительно дешевле и при этомъ часть слѣдующихъ за книги денегъ, за исключеніемъ высланныхъ задатковъ, а равно какъ и за пересылку, можетъ быть заложено на мѣстѣ, при полученіи посылки.

При каждомъ отправленіи Фирма Счетоводъ присылаетъ подробный счетъ стоимости книгъ, равно и пересылки.

Всѣ требованія должны быть адресованы только:

Фирмѣ Счетоводъ, Литейный пр., № 33.

БЕСЪДЫ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ИЗЪ

ТОРГОВАГО И СЧЕТОВОДНАГО МІРА

ИЗДАВІЯ И РЕДАКЦІИ

ФЕДОРА ЕЗЕРСКАГО.

ВЫПУСКЪ ВТОРЫЙ.

Главный складъ всехъ сочиненій Ф. Езерскаго:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Литейный проспектъ, домъ № 33.
Фирма Счетоводъ.

LEIPZIG.
In Commission bei
F. A. Brockhaus.

1876.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 5 Марта 1876 года.

Жертва неправильнаго счетоводства.

(Разсказъ частнаго слѣдователя).

(Окончаніе).

IV.

Мое рѣшеніе, высказанное въ предъидущей главѣ, можетъ показаться многимъ невѣроятнымъ при тогдашнихъ моихъ обстоятельствахъ. Чтобы повѣрить мнѣ, нужно знать складъ моего ума и характера. Я принадлежу къ категоріи странныхъ людей. Боже сохрани меня отъ такой должности, но по характеру моему изъ меня могъ-бы выйдти геніальнѣйшій сыщикъ. Въ моемъ характерѣ, кромѣ природнаго анализа, есть что-то подозрительное, недовѣрчивое, къ сообщаемымъ мнѣ фактамъ, соединенное съ пытливою страстью доискаться истины: ошибаюсь я, или нѣтъ?... Если при мнѣ говорятъ даже о моемъ другѣ, что онъ безусловно добрый человѣкъ, голова моя работаетъ найти въ немъ дурныя черты, и на оборотъ: при брани врага—я ищу силлогизмовъ оправдать его.

Заинтересовавшись бѣдуновскимъ дѣломъ, я составилъ себѣ по необходимости планъ, несмотря на пламенное желаніе начать свои поиски съ слѣдующаго дня, сначала обезпечить себя, и для этого я засѣлъ за разную работу. Я спалъ въ сутки часа три-четыре не болѣе и безъ усталости трочилъ повѣсти, рассказы, біографіи, лишь-бы заручиться

деньгами и предаться интересному дѣлу. Работа моя была спѣшная и я, какъ водится, получилъ самый grand m'isereп'ый гонораръ; но все же онъ помогъ мнѣ уплатить часть долга своему товарищу и перебраться на квартиру.

V.

Само собою разумѣется, ближе всего къ цѣли, мнѣ было-бы ознакомиться съ торговыми книгами Бѣдунова, узнать его семейный бытъ и нѣкоторыя предшествовавшія обстоятельства при бѣгствѣ. Но, въ торговыхъ книгахъ я ничего не понималъ, съ семействомъ Бѣдунова, при настоящемъ положеніи дѣлъ, познакомиться было трудно, а черезъ это и развѣдать о томъ, въ какомъ финансовомъ и моральномъ положеніи находился Бѣдуновъ наканунѣ своего поступка? Ломая голову поэтому случаю, я неожиданно вспомнилъ, что однажды, годъ или два тому назадъ, въ одномъ кафе-ресторанѣ близъ Казанскаго собора, я познакомился съ двумя молодыми людьми—купчиками, которые оказались прикащиками изъ книжнаго магазина Бѣдунова. Они первые замѣтивъ меня, подошли ко мнѣ, заговорили и отрекомендовались; послѣ чего мы провели почти весь вечеръ вмѣстѣ и, при прощаніи, прикащики просили меня о продолженіи моего знакомства, говоря, что ихъ каждый вечеръ постоянно можно встрѣтить, послѣ запора магазина, въ этомъ самомъ кафе-ресторанѣ. Я далъ слово бывать, видѣться, но не могъ сдержать своего слова, сначала вслѣдствіе занятій и отдаленности мѣстожителства, а далѣе совершенно забылъ о своемъ обѣщаніи, точно такъ же, какъ позабылъ фамиліи обоихъ прикащиковъ. Слѣдовательно, розыскать ихъ въ адресномъ столѣ было нельзя. Однакоже, я надѣялся возобновить знакомство, распросивъ о ихъ фамиліяхъ содержателя и прислугу кафе-ресторана; кромѣ того, я зналъ купческую

привычку «насиживать мѣсто», то есть, бывать въ известныя часы постоянно въ одномъ и томъ же трактирѣ для чая или пивопитія. Трактиръ замѣняетъ имъ клубъ и они ходятъ такимъ образомъ по нѣсколько лѣтъ сряду. Ожиданія меня не обманули. Вошедши вечеромъ въ обычное время, когда всѣ книжные магазины запирались, въ кафе-ресторанъ у Казанскаго собора, я увидѣлъ, въ числѣ прочихъ посѣтителей, двухъ своихъ знакомыхъ прикащиковъ за чаемъ. Физиономіи ихъ я помнилъ: одинъ изъ нихъ русявый, приземистый, съ курчавою головою, въ сѣрой трековой парѣ и съ неизбѣжною цѣпью на жилетѣ; другой, высокій, худощавый брюнетъ, тоже съ курчавою головою и съ цѣпью на жилетѣ, но въ черной парѣ.

Прикащики встрѣтили меня очень любезно, пригласили садиться за одинъ столъ, подставили стулъ и приказали подать третій приборъ. да подсыпать «маненько» чайку, съ прибавкою порціи сахара.

Они очень удивлялись, что такъ долго не встрѣчались со мною въ Петербургѣ. Я рассказалъ имъ, что былъ въ провинціи на службѣ, и замѣтилъ, что и меня нѣсколько удивляетъ, что они не знаютъ этого, такъ какъ я писалъ на книжный магазинъ къ Александру Федоровичу и получалъ на бланкахъ изъ магазина отвѣты.

— Это ничего не значить, отвѣчалъ приземистый, по фамиліи, оказавшійся Будаковъ.

— Потому, — объяснилъ за него худощавый, носившій фамилію Березкинъ, — что у насъ каждый занимается своимъ дѣломъ особо. Корреспонденцію ведетъ Федоръ Дмитричъ, такъ онъ навѣрное знаетъ.

— Скажите, пожалуйста, прямо спросилъ я Березкина, что это такое случилось съ вашимъ хозяиномъ? .. Я когда пріѣхалъ и узналъ, вѣрить не хотѣлъ даже....

— Да, по истинѣ, оказія, можно сказать самый пассажъ.

— Но, все таки, какъ это произошло? допрашивалъ

я, придвигая къ прикащикамъ стулъ ближе, чтобы нашего разговора не слышали посторонніе.

— Такъ-съ, какъ обыкновенно водится, — отвѣчалъ Будаковъ, вздвигивая плечами и нѣсколько разставляя въ сторону ладони рукъ, — пришлось, значить, платить по векселямъ, сдавать деньги въ редакціи съ подписчиковъ, въ магазины и другимъ лицамъ, ну, и пришлось круто...

— Но, и вѣдь вы же сами имѣли въ это время огромную получку, хоть, напимѣрь, съ тѣхъ же самыхъ подписчиковъ? замѣтилъ я.

— Это точно, такъ-съ... А хватились, въ кассѣ мало-вато, — скорчивъ гримасу, проговорилъ Березкинъ.

— Почему же?... обворована, что-ли касса была?

— Помилуйте, какъ-съ можно, — возразили съ жаромъ прикащики, — никто объ этомъ и не говоритъ. Кассой завѣдываютъ Прасковья Ѳедоровна, женщина, можно сказать, примѣрной честности и аккуратности. А окромѣ ихъ и Александра Ѳедоровича другіе даже и не дотрогивались, такъ сказать, до кассы.

— Значить, домашніе расходы превышали доходы съ книжной торговли магазина?

— Нѣтъ-съ, и этого нельзя сказать-съ.... Александра Ѳедоровича корить грѣхъ. Даже умѣренно жили.... Въ карты онъ не играетъ, виномъ — не занимается... Принцессы тоже никакой нѣтъ....

— Что же, рискованные обороты и афѣры стубили его?...

— И этого не было, — отвѣчалъ Будаковъ, — мы торговлю вели, какъ и прочіе книгопродавцы, да еще и почище другихъ....

— О торговлѣ вообще я не говорю, — возразилъ я, и полагаю, что такая старая фирма, какъ Бѣдунова, должна имѣть массу иногороднихъ и городскихъ подписчиковъ. Но нѣкоторыя ваши изданія были пренелѣпы и очевидно убыточные. Главной причиной къ этому было тупоуміе Бѣдунова и желаніе показать себя передъ редакторами

толстыхъ журналовъ за знатока и такого издателя, который всякую дрянъ не издаетъ. А между тѣмъ, онъ именно съ этой-то стороны и рекомендуетъ себя. Стоитъ только помѣстить какому нибудь совершенно неизвѣстному и въ публикѣ и въ литературѣ N или M, повѣстунку или рассказъ въ одномъ изъ толстыхъ журналовъ и явиться къ Бѣдунову съ предложеніемъ изданія, — Бѣдуновъ всегда согласится на изданіе, тогда какъ и сама редакція признаетъ, что произведеніе этого N или M слабо, невыдержано и въ другой разъ отъ такого писателя она не приметъ ни единой статейки, и публика отнеслась къ нему не только равнодушно, но даже не имѣла терпѣнія прочесть его до конца. Такое изданіе, само собою разумѣется, терпитъ фiasco и надъ Бѣдуновымъ изъ-подтишка смѣются.

— Положимъ, это правда, прервалъ меня Будаковъ, но эфтакія изданія не составляютъ еще суть важное.... Авторамъ платятся деньги не большія, печатаются книги изподволь, по дешевой цѣнѣ, и за бумагу и за типографію, къ тому же эти книги пошли на обмѣнъ, и на нихъ убытка не было.

— Ну, наконецъ,—сказалъ я, выведенный изъ терпѣнія, если не то, не другое, ни третіе не могло разстроить его дѣль, то объясните мнѣ, что же именно?..

— Богъ вѣсть, — отвѣчали прикащики со вздохомъ.

— Однако, вы же все таки знали въ магазинѣ о готовящейся катастрофѣ?

— Ни—Боже мой, — отрицательно качая головою, возразилъ Березкинъ.

— Я уже докладывалъ вамъ, прибавилъ Будаковъ, у насъ такіе порядки, что каждый занятъ своимъ дѣломъ: онъ, напримѣръ, — Будаковъ указалъ на Березкина, — записываетъ на приходъ поступающіе отъ издателей и книгопродавцевъ книги; я—оныя рассылаю и веду счета....

— Куда рассылаете?..

— Разно, и здѣсь и въ Харьковъ, Казань, Кіевъ....

— Въ Кіевъ?... Не къ Д—скому-ли? спросилъ я, озаренный внезапною мыслию: не могу-ли я получить деньги по векселю Бѣдунова съ кіевскаго книгопродавца Д—скаго, съ которымъ я хорошо знакомъ. Въ Петербургѣ же мои попытки продать, даже за безцѣнокъ, вексель Бѣдунова не удались.

— Такъ точно,— отвѣчалъ Будаковъ.

— Не долженъ-ли Д—скій Александру Ѳеодоровичу?

— Долженъ.

— Сколько же?

— Этого я не могу сказать....

— Я у васъ спрашиваю не точную цифру суммы долга, такъ какъ у васъ подъ рукою нѣтъ книгъ, а приблизительную...

— Я понимаю,— подтвердилъ Будаковъ, по книгамъ сразу нельзя сказать, сколько именно состоитъ за Д—скимъ долга... Значить и онъ намъ высылаетъ и мы ему....

— Но, вѣдь вы же писали и посылали ему счетъ?

— Я.

— Какже вы умудрялись составить его, не зная въ кредитъ-ли идетъ посылаемый матеріаль, или въ очистку собственнаго долга?...

Будаковъ и Березкинъ засмѣялись. Ясно, что они считали меня за полнѣйшаго профана въ дѣлѣ торговыхъ счетовъ.

— Это изъ требованій видно, — снисходительно объяснилъ первый изъ нихъ.

— Однако, вамъ самимъ нужно это знать утвердительно.

— Зачѣмъ же? А послѣ всѣхъ счета сольются: приходъ съ расходомъ вѣренъ и шабашъ....

— Какъ такъ?... А активъ и пассивъ?

— Чево-съ?...

— Я говорю, активъ и пассивъ....

— Что вы хотите спросить?

— Я хочу сказать, что Д—скій долженъ Бѣдунову — это активъ, а что Бѣдуновъ долженъ Д—скому — это пассивъ. Неужели же вамъ эти слова неизвѣстны? Вѣдь вы же читаете газеты?

— Нѣкогда этимъ дѣломъ заниматься.... Такъ, ради шутокъ, либо васъ, либо, вотъ, Дмитрія Платоновича прочтешь. Презанятно писать.... При томъ, въ нашей коммерціи эти слова не употребляются, а потому и знать ихъ намъ не нашего ума дѣло.

— А все таки вамъ должно-бы знать, кто кому долженъ?

— Нѣтъ.... То есть узнать можно, когда соберемъ всё счета.

— А въ данную минуту вы таки не знаете?

— Всё такъ большею частію торгуютъ и ведутъ счета, — сказали, обидѣвшись. Будаковъ, не желая далѣе продолжать разговора, — я вотъ въ столькихъ магазинахъ перебывалъ — все одно и то же. Счета у насъ ведетъ человѣкъ знающій, окончилъ курсъ въ коммерческомъ училищѣ.

Я пожалъ плечами и тоже прекратилъ разговоръ, видя, что отъ прикащиковъ Бѣдунова мнѣ не добиться никакого толку.

Въ кафе-ресторанъ вошло новое лицо, нѣкто Францъ Романовичъ Гофманъ, молодой человѣкъ, нѣмецъ, съ которымъ я познакомился въ редакціи одного журнала.

— Чаекъ попиваете, обратился онъ ко мнѣ, пивца не хотите-ли...

Прикащики между тѣмъ встали изъ-за стола, понадѣвали пальто и распрощались со мною. Мы съ Гофманомъ остались одни.

— Что подѣлываете, чѣмъ занимаетесь? — спросилъ меня Гофманъ.

— Откровенно говоря, я занятъ одною мыслию. Меня въ высшей степени интересуетъ узнать причину бѣгства

книгопродавца Бѣдунова. Дюмая голову, ищю, докапываюся и — безуспѣшно

— Съ этою цѣлью вы вѣроятно и бесѣдовали съ бѣдуновскими прикащиками.

— Да.

— Узнали что?

— Ровно ничего.

Гофманъ засмѣялся.

— Согласитесь сами, — сказалъ я серьезно, что бѣгство это очень странное дѣло. Бѣдуновъ былъ человѣкъ честный, нерасточительный, ни пьяница, ни игрокъ, ни аферистъ ни спекулянтъ, который могъ-бы раззориться на разныя предпріятыя, напротивъ, онъ велъ, повидимому, свои дѣла осторожно. . Что же заставило его бѣжать? Вотъ вопросъ, который преслѣдуетъ меня безотвязно. Нельзя же предположить въ самомъ дѣлѣ, что честный человѣкъ, съ твердою почвою подъ собою, такъ-таки себѣ, схватилъ въ кассѣ чужія деньги и не особо громаднѣй кушъ для него, и драго за границу!..

Гофманъ опять засмѣялся. Я подмѣтилъ, что у него есть какое-то возраженіе.

— Такія деньги, — продолжалъ я, — какія Бѣдуновъ, по общей молвѣ, захватилъ съ собою за границу, онъ могъ-бы достать и здѣсь, въ Петербургѣ, безъ всякаго воровства и побѣга. Ну, неудачный былъ ходъ торговли въ минувшемъ году, можно было-бы покредитоваться и уллучить въ текущемъ .. Фирма старая, почтенная, пользующаяся общимъ уваженіемъ, довѣриемъ и кредитомъ. И какъ онъ могъ раззориться, рассуждалъ я въ недоумѣніи, о томъ, что такъ твердо засѣло у меня въ головѣ, — онъ постоянно бывалъ въ магазинѣ, у кассы безотлучно находилась какая-то родственница его, много прикащиковъ, главный окончилъ курсъ въ коммерческомъ училищѣ... Былъ порядокъ!..

— Порядокъ!.. — воскликнулъ Гофманъ, захохо-

тавъ, — ну, вы шутникъ большой руки. Какой же тамъ былъ порядокъ?.. Въ томъ-то и дѣло, что порядка не было никакого... И тотъ пишетъ и считаетъ, и другой пишетъ и считаетъ, и третій пишетъ и считаетъ... А спросите у каждаго изъ нихъ: что вы пишете и считаете? а главное, для чего?.. Онъ самъ не понимаетъ, для чего онъ это дѣлаетъ. Вспомните русскую поговорку: «у семи нянекъ дитя всегда безъ глазу...» Неужели же вы думаете, что въ массѣ загнанныхъ въ магазинъ людей, безъ толку что-то пишущихъ и считающихъ, и будетъ заключаться порядокъ? Не угодно ли, я сведу васъ завтра въ другой книжный магазинъ на.., въ которомъ обороты даже болѣе книжнаго магазина Бѣдунова, и вы увидите, что тамъ, вмѣсто этой массы прикащиковъ, управляетъ одинъ человѣкъ... И истиннаго порядка больше...

— Отчего же это? — спросилъ я.

— Другая система счетоводства, — отвѣчалъ утвердительно Гофманъ.

— Знаете что, — продолжалъ онъ, о бѣгствѣ Бѣдунова я, можетъ быть, думалъ столько же, сколько и вы... И кажется, я пришелъ къ открытію... *Бѣдуновъ пошлъ*, по моему мнѣнію, *отъ незнанія счетоводства*, разумѣется въ обширномъ значеніи этого слова. На первыхъ порахъ мнѣніе мое можетъ показаться парадоксомъ, но, углубясь въ него, вы придете къ заключенію, что я едва-ли не правъ. Замѣтите, во-первыхъ, что я выразился «*въ обширномъ смыслѣ*,» во-вторыхъ, вспомните, что Бѣдуновъ, хотя и сынъ книгопродавца, но принялся за эту профессію безъ надлежащей подготовки, слѣдовательно, по всей справедливости, можно допустить гипотезу, что онъ не зналъ счетоводства.

— Но, — возразилъ я, — кто же мѣшалъ ему узнать это?

— Такъ, если бы порядокъ веденія денежныхъ книгъ былъ удобопонятенъ, легокъ и ясенъ, — замѣтилъ Гоф-

манъ, — но, я обращаюсь, — сказать онъ, — къ своей гипотезѣ II такъ. предположимъ, что Бѣдуновъ счетоводства не зналъ; узнать ему помѣшала крайняя сложность и запутанность этого дѣла; книги обыкновенно такъ ведутся, что ясно и опредѣленно не видно ни суммы капитала, ни суммы убытковъ и прибылей по каждой отрасли данной торговли. Теперь можете же себѣ представить, какой, при такихъ условіяхъ, долженъ непременно выйти сумбуръ и ерунда!.. Торговецъ находится просто въ состояніи кретина... Повторяю, можетъ быть уже извѣстное вамъ, что, не зная опредѣленной цифры капитала, нельзя дѣлать и разумныхъ оборотовъ.. Нечего толковать о томъ, что торговля должна пойти, по простонародному выраженію, *зри*, на авось. Отсылается то, что нужно придержать; оставляется — что слѣдуетъ сбыть... Бѣдуновъ купилъ для изданія газету, тогда какъ ему ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало-бы покупать ее.. Могъ-бы выгодно и перепродать, я самъ нашелъ-бы ему покупателя денежнаго и солиднаго человѣка, — онъ не перепродалъ. А отчего?.. Не зная хода своихъ дѣлъ. Словомъ сказать, слѣдуетъ безконечный рядъ торговыхъ ошибокъ, подъ часъ и маловажныхъ, но въ массѣ составляющихъ цифры съ нѣсколькими нулями и результатомъ — банкротство... Какъ вы объ этомъ думаете?..

— Очень легко можетъ быть, отвѣчалъ я, внутренно соглашаясь съ Гофманомъ, но у меня въ головѣ промелькнулъ другой вопросъ: если Бѣдуновъ дошелъ до извѣстнаго состоянія, то отчего же онъ не поступилъ такъ, какъ Прохоръ Елизаровичъ Скоробогатовъ?

Между тѣмъ, было уже поздно и содержатель кафе-ресторана объявилъ намъ, что заведеніе его закрывается. — Мы вышли.

Гофману пришлось идти на право, мнѣ на лѣво. Волею судебъ, намъ пришлось разстаться, не окончивши вполне разговоръ.

VI.

То, что говорилъ Гофманъ по поводу Бѣдунова, мнѣ и самому неоднократно приходило въ голову, но смутно; теперь же мысли мои сосредоточились и сформировались. Но, допуская предположеніе, чрезъ что Бѣдуновъ раззорился, все таки оставался не разрѣшеннымъ вопросъ: Зачѣмъ же именно бѣжалъ онъ за границу? Отчего не остался въ Петербургѣ, не ликвидировалъ своихъ дѣлъ и не поступилъ точно такъ же, какъ Прохоръ Елизаровичъ Скоробогатовъ на Васильевскомъ островѣ?..

Вопросъ этотъ разрѣшился для меня совершенно неожиданно и въ то же время подтвердились предположенія Гофмана.

Однажды утромъ, послѣ чая, я сидѣлъ въ своей квартирѣ въ грустномъ раздумьѣ о злополучномъ векселѣ въ шестьсотъ рублей. Вдругъ въ передней раздался звонокъ и черезъ минуту въ мою комнату вошла горничная, подавая визитную карточку.

— Васъ спрашиваютъ, — сказала она.

Я взглянулъ: на карточкѣ было отлитографировано: «Иванъ Ѳедоровичъ Тайлосовъ.»

Фамилія эта была мнѣ совершенно незнакома.

— Просите, сказалъ я горничной.

Въ комнату вошелъ высокаго роста мужчина, лѣтъ сорока пяти, съ странной формою головы, суженой къ верху, одутловатый, съ крупными чертами лица и въ синнихъ очкахъ на глазахъ. Костюмъ его составляли черный сертукъ, сѣрый жилетъ и такіе же панталоны, засунутые въ сапоги съ длинными голенищами.

— Вы господинъ такой-то? — спросилъ онъ меня.

— Я.

— Иванъ Ѳедоровичъ Тайлосовъ.

— Очень пріятно, — отвѣчалъ машинально я и при-

гласилъ садиться, ожидая объясненія отъ незнакомца причины его визита.

— Вы имѣете, — началъ онъ, — вексель на Бѣдунова въ шестьсотъ рублей?

— Да.

— Не продали еще его?

— Нѣтъ, никто не покупаетъ, — отвѣчалъ я откровенно.

— Я куплю, — сказалъ, успокоительно качнувъ головою Тайлосовъ, — съ этою цѣлю я и пришелъ къ вамъ.

— Вы, вѣроятно, скупаете векселя Бѣдунова въ одни руки? — полюбопытствовалъ я.

Нн...нѣтъ... Собственно говоря, я пришелъ къ вамъ по порученію самого Александра Ѳедоровича Бѣдунова, чтобы возвратить вамъ условіе и право передать изданіе вашихъ сочиненій другому издателю. Александръ Ѳедоровичъ не имѣлъ времени издать ихъ, а теперь положительо не можетъ.

— Благодарю васъ. Признаюсь, меня стѣсняло это условіе; я не имѣлъ права говорить ни съ однимъ издателемъ, теперь я могу передать мои сочиненія другому, и получить отъ него деньги. Въ такомъ случаѣ я возвращу вексель Бѣдунова, — сказалъ я, доставая изъ письменнаго стола вексель. Но я получилъ уже отъ Александра Ѳедоровича 150 р. впередъ и не могу возвратить ихъ. У меня нѣтъ денегъ.

— Александръ Ѳедоровичъ поручилъ мнѣ не настаивать на требованіи этихъ 150 р. съ васъ.

Мы обмѣнялись. Тайлосовъ возвратилъ мнѣ условіе и сочиненія, я вексель.

— Извините меня, — началъ я, — я понимаю, что не имѣю никакихъ правъ на вашу довѣренность, но не одно праздное любопытство заставляетъ меня интересо-

ваться причиной происшедшей съ Бѣдуновымъ катастрофы...

— А сами вы развѣ не знаете? — спросилъ Тайлосовъ, пристально взглянувъ на меня. — Судя по тому, какъ хлопоталъ Александръ Ѳедоровичъ, чтобы вы получили обратно условіе и свои сочиненія, безъ всякаго убытка, я думаю, что вы съ нимъ очень близки.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — я Бѣдунова почти не знаю, хотя и питаю къ нему симпатію. Что же касается до хлопотъ его—возвратить мнѣ условіе и не требовать съ меня 150 р., то полагаю, что онъ это сдѣлалъ, какъ благородный человѣкъ, зная меня за голога бѣдняка. Во время самой катастрофы меня даже не было въ Петербургѣ.

— Вы были въ С.—кѣ. Я писалъ вамъ туда, но вы уже уѣхали.

— Собственно катастрофы, — заговорилъ Тайлосовъ, никакой не было... Дѣло дошло до этого исподволь, шагъ за шагомъ, постепенно, годъ отъ году. Инвентарь лавки не дѣлалось лѣтъ двадцать. Александръ Ѳедоровичъ не зналъ ни итога своего состоянія, ни вѣрности оборота. Вы знаете, какъ ведутся наши торговые книги. Самъ чортъ шею сломаешь. А учиться уже было поздно, да и совѣстно было передъ прикащиками показать свое незнаніе въ дѣлѣ счетоводства и коммерческихъ оборотовъ. Такъ что, хотя Бѣдуновъ и виноватъ, но вовсе не въ такой степени, какъ его обвиняютъ...

— Но, позвольте, — остановилъ я Тайлосова, — зачѣмъ же Бѣдуновъ не поступилъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ другіе?.. Зачѣмъ онъ не ликвидировался со своими кредиторами и не занялъ имъ столько, сколько могъ?..

— То-есть, зачѣмъ не занялъ копейками за рубли?..

— Да. Все же лучше чтонибудь, чѣмъ ничего.

— Бѣдуновъ не могъ рѣшиться на это по своей гордости, — отвѣчалъ Тайлосовъ. Уѣхать за границу посо-

вѣтоваль ему — я. Въ противномъ случаѣ Бѣдуновъ разможилъ-бы себѣ черепъ!.. Прощайте!..

Съ этими словами Тайлосовъ раскланялся со мною.

Проводивъ Тайлосова, я вспомнилъ свою встрѣчу съ Бѣдуновымъ вечеромъ на Васильевскомъ островѣ, разговоръ въ трактирѣ «Малоярославецъ» и то настроеніе, въ которомъ онъ находился по поводу расплаты купца Скоробогатова со своими кредиторами.

А. Шкляревскій.

СЧЕТОВОДНЫЙ СПИРИТИЗМЪ.

Повѣсть изъ счетоводной жизни.

I.

Около семи часовъ вечера, 15 декабря 1875 года, на видѣ еще молодой человѣкъ, блондинъ, съ правильными чертами лица, съ бородкою, окаймленной пухомъ, шелъ быстрыми, но ровными шагами черезъ Цѣпной мостъ у Лѣтняго сада, по направленію отъ инженернаго замка къ Солянному городку. По походкѣ, по особому способу держать себя, по внѣшнему впечатлѣнію, такъ и казалось, что онъ счетоводъ, которыхъ на Руси народилось какъ будто больше, со времени изобрѣтенія русской тройной системы. Онъ уже ступилъ на Цѣпной мостъ. Въ этомъ мѣстѣ, какъ извѣстно петербургскимъ жителямъ, для пѣшеходовъ отведена довольно узкая дорожка: справа цѣпная перегородка, слѣва рѣшетка,—мудрено, на кого нибудь не наткнуться, а тѣмъ болѣе мудрено разойтись со знакомымъ. Незнакомецъ, торопясь перейти мостъ, видимо старался не задѣть кого нибудь въ этомъ узкомъ проходѣ. На его лицѣ, въ его походкѣ можно было прочесть, что эта мысль мелькнула у него. Но въ это же мгновеніе, онъ былъ остановленъ старымъ пріателемъ.

— Ва! Ты куда?

— Какъ куда? Въ Соляной городокъ, на лекцію Менделѣева.

— Ты! Счетоводъ... изумленно спросилъ пріятель,.... не хочешь-ли ты сдѣлаться Менделѣевымъ?

— А ты! бухгалтеръ, ужъ не Аксаковъ ли ты?

При фамилии Аксаковъ, встрѣтившійся пріятель видимо смутился.

Отъ незнакомца, обозваннаго Менделѣевымъ, не могло скрыться смущеніе пріятеля.

«Ужъ не спирить-ли», подумалъ онъ.

Встрѣтившіеся пріатели воспитывались вмѣстѣ въ петербургскомъ комерческомъ училищѣ. Еще въ дѣтствѣ они поступили въ одинъ и тотъ же классъ. Мѣста ихъ пришлись рядомъ. Дѣти, сами не отдавая себѣ отчета почему, не задаваясь желаніемъ подружиться, жили согласно, дружно. Они вмѣстѣ переходили изъ класса въ классъ, и вмѣстѣ окончили ученіе. Дружба между ними была какая то особенная, странная. Если бы кто нибудь спросилъ: есть ли у нихъ друзья, оба отвѣтили бы—нѣтъ. Если бы, какъ дѣлаютъ пансіонерки, спросить у каждаго изъ нихъ, кого онъ особенно любитъ въ классѣ, оба отвѣтили бы—никого. Несмотря однако на это, оба пріятеля прошли весь курсъ ученія, какъ говорится, рука въ руку. Они глубоко понимали и уважали другъ друга, а главное, вѣровали въ искренность, правдивость и честность природы товарища. Каждый изъ нихъ слово своего пріятеля принималъ за слово искреннее, правдивое, и ни у одного изъ нихъ не мелькнуло тѣни подозрѣнія на счетъ искренности и правдивости другого.

Въ первый разъ рознь между ними родилась по появленіи въ свѣтъ русской тройной системы счетоводства. Одинъ изъ товарищей скоро сталъ на сторону тройной системы, тогда какъ другой остался приверженцемъ двойной. На этомъ они не могли сойтись. Рознь ихъ во взгля-

дахъ на эти системы была такъ неизмѣримо глубока, что они впервые въ жизни дали другъ другу враждебныя прозвища.

— Бухгалтеръ! говорилъ одинъ, понимая это слово въ смыслѣ того, что онъ стоитъ за двойную итальянскую *заграничную* систему.

— Счетоводъ! возразилъ другой, придавая это названіе тому, кто стоитъ за *русскую* тройную систему.

При встрѣчѣ между собою, пріятели не преминули также обмѣняться прозваніями бухгалтеръ и счетоводъ. Но эта рознь нисколько не нарушала добрыхъ отношеній товарищей, а, казалось, еще больше соединяла ихъ.

— Какъ-бы мнѣ хотѣлось сдѣлать своего пріятеля поклонникомъ тройной системы, думалъ счетоводъ.

— Какъ-бы мнѣ хотѣлось воротить своего пріятеля на путь двойной системы, думалъ бухгалтеръ.

А теперъ, когда у перваго мелькнула мысль, не спирить-ли его пріятель бухгалтеръ, когда послѣдній, при разговорѣ съ своимъ товарищемъ о спиритизмѣ, нечаянно выдалъ себя, послѣ этого сердце счетовода сильно жалось. Тутъ только сказалась его дружба къ пріятелю. Ему захотѣлось, во что-бы то ни стало, воротить его на путь истины, доказать ему нелѣпость спиритизма, которымъ видимо тотъ заразился.

— Не хочешь-ли и ты со мной? произнесъ первый, подъ влияніемъ такой мысли.

— Нѣтъ, проговорилъ сконфузясь бухгалтеръ.

— Что-же, ты куда нибудь торопишься?

— Нѣтъ, никуда; я свободенъ.

— Въ такомъ случаѣ, пойдешь.

— Нѣтъ, я не буду слушать Менделѣва.

— Признавайся, ты Аксаковичъ?

— А ты Менделѣвичъ?

— Мало сказать, Менделѣвичъ; это не выражаетъ вполне моего отвращенія отъ спиритизма.

— А меня, если бы ты назвал Аксаковичемъ, это было-бы величайшей честью, такъ глубоко уважаю я этого человѣка, такъ глубоко вѣрю въ спиритизмъ.

Пріятели на минуту смолкли. Для обоихъ сущность ихъ убѣжденій открылась впервые. О спиритизмѣ, какъ-то, у нихъ не заходило до сихъ поръ никакого разговора. Мы оставимъ за ними данныя ими другъ другу имена: Менделѣвичъ и Аксаковичъ; такъ какъ ими лучше всего окрещиваются понятія и сила убѣжденій обоихъ пріятелей.

Они нѣсколько мгновений смотрѣли другъ на друга и у каждаго изъ нихъ шевелилась одна и та же мысль — обратить пріятеля на путь истинный, а истиннымъ путемъ каждому казались только его личныя убѣжденія.

— Я этимъ самымъ сдѣлаю для пріятели доброе дѣло, думалъ каждый изъ нихъ.

— Послушай, Аксаковичъ — сказалъ Менделѣвичъ, пойдѣмъ слушать лекцію, я тебя не пущу. Первый разъ въ жизни обращаюсь къ тебѣ съ просьбою. Вотъ уже сколько лѣтъ мы знаемъ другъ друга, вмѣстѣ учились, вмѣстѣ окончили курсъ, не откажи же мнѣ въ этомъ. Вѣдь ты же сказалъ, что свободенъ.

— Жаль мнѣ тратить время и деньги. Я твердо знаю, что тамъ о спиритизмѣ не будетъ ни малѣйшей рѣчи.

— Какъ это о спиритизмѣ не будетъ рѣчи? возразилъ Менделѣвичъ, да вѣдь сегодня лекція о спиритизмѣ. Прошу тебя, пойдѣмъ вмѣстѣ. При тебѣ нѣтъ денегъ, я возьму тебѣ билетъ, — послѣ разсчитаемся. Я думаю, что ты не изъ за того отказываешься, что не хочешь потерять какой нибудь рубль за билетъ?

— Нѣтъ, я во всякомъ случаѣ хочу идти въ театръ.

— Ну и прекрасно, пойдѣмъ. Вообрази, что ты въ театрѣ. Сдѣлай для меня это удовольствіе!

— Пожалуй, согласился Аксаковичъ, но ты не собьешь меня съ пути спиритизма, какъ не сбиль до сихъ поръ съ двойной системы, сказалъ Аксаковичъ, угадывая мысль

пріятеля по искренности тона, съ которымъ Менделѣвичъ просилъ его на лекцію.

Оба пріятеля направились въ соляной городокъ.

II.

Менделѣвичъ запасся билетомъ уже заранѣе. У Аксаковича билета еще не было. Народу собралось много. Достать билетъ было трудно: въ кассѣ уже всѣ билеты распроданы. Желаніе Менделѣвича провести товарища на лекцію казалось несбыточнымъ. Но желаніе это было такъ сильно, такъ глубоко, что онъ отдалъ свой билетъ пріятелю, заявивъ, что самъ, во всякомъ случаѣ, попадетъ на лекцію, въ послѣдніе ряды, хоть-бы ему пришлось стоять. Стоять, однакожь, ему не пришлось, и Аксаковичу отказываться отъ билета оказалось лишнимъ. Въ кассу кто то прислалъ обратно, взятый заранѣе билетъ. Менделѣвичъ, какъ стоявшій ближе къ кассѣ, сейчасъ же воспользовался этимъ билетомъ. Менделѣвичъ упросилъ Аксаковича повѣсить свое пальто подъ одинъ нумеръ и взялъ къ себѣ нумеръ, опасаясь, чтобы пріятель какъ нибудь не ушелъ съ лекціи. Какъ ни крѣпка была вѣра его въ пріятеля, но желаніе, чтобы тотъ выслушалъ лекцію, было такъ глубоко, что онъ боялся за сбывчивость своего желанія, и подъ впечатлѣніемъ такой боязни взялъ къ себѣ нумеръ отъ его пальто. Аксаковичъ подмѣтилъ это и улыбнулся. Пріятели пошли на лекцію. Имъ пришлось сидѣть порознь: билеты ихъ не были не только рядомъ, но даже и не на одной скамейкѣ.

Лекція кончилась, какъ всѣ лекціи. Пріятели долго должны были поджидать, пока публика расходилась, тѣмъ болѣе, что оба они не торопились. Обоимъ имъ хотѣлось поговорить другъ съ другомъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Когда публики осталось меньше, они взяли пальто, молча вышли на улицу и остановились другъ предъ дру-гомъ: одному надо было идти на лѣво, другому на право, но они минуту стояли неподвижно. Никто изъ нихъ не хотѣлъ начать разговоръ.

— Я тебя провожу, сказала Аксаковичъ, если ты только пойдешь не по Большой Садовой, а съ этой сто-роны—по Фонтанкѣ. Ты пойдешь черезъ Пантелеймонов-скій мостъ, а я къ себѣ.

Пріятели перешли улицу и прошли уже домъ Безо-бразова, все молча. Никому изъ нихъ не хотѣлось на-чать разговоръ первымъ. У обоихъ шевелилось на сердцѣ не то сожалѣніе, не то скорбь о погибающемъ товарищѣ.

— Что, спросилъ Аксаковичъ, подходя уже къ Пан-телеймоновскому мосту, на которомъ они должны были разстаться, прикажешь называть тебя теперь Менделѣ-вичемъ?

— А ты теперь уже будешь просить меня называть тебя Аксаковичемъ?

— И эта вторая просьба горше первой. Я тебя прошу, ты можешь меня считать и называть Аксаковичемъ, только, понятно, не при чужихъ. Я не люблю рисоваться своими убѣжденіями, а тѣмъ болѣе, когда эти убѣжденія составляютъ самую глубь моей души.

— А я тебя попрошу называть меня Менделѣвичемъ при всѣхъ торжественно. Я ни предъ кѣмъ не буду скрывать, что не принадлежу къ спиритамъ.

Они дошли до моста, остановились и долго смотрѣли другъ на друга. Тутъ только поняли они, что между ними существуетъ какая то связь, въ которой они не отдавали себѣ отчета, въ теченіе всей своей юношеской жизни. Тутъ то у обоихъ проявилось чувство дружбы и участіе къ другому. Тутъ они почували, что рознь во взглядахъ ихъ на самыя близкія къ нимъ дѣла: на счето-водное дѣло и на спиритизмъ, — не только не отталкивала

ихъ другъ отъ друга, а напротивъ, скрѣпляла ихъ дружбу. Должно быть, что то болѣе глубокое, чѣмъ взглядъ на спиритизмъ и на дѣло своего труда, связывало этихъ двухъ друзей.

Они простились, не сказавъ другъ другу ни слова. Какъ то нервно пожали они другъ другу руку и странно взглянули другъ на друга. Во взглядахъ этихъ, казалось, каждый прочелъ у друга: «я сверну его съ ложнаго пути, я сдѣлаю все, чтобы направить его на истинную дорогу».

Они ушли, — одинъ на лѣво, другой на право.

Но первая мысль, которая овладѣла обоими, была — какъ можно скорѣе опять встрѣтиться. Мысль эта пришла въ сознание каждому изъ нихъ, когда они были уже далеко другъ отъ друга. Они не успѣли условиться, гдѣ встрѣтятся. Другъ у друга они не бывали и надо было ожидать случая, который свелъ бы ихъ вновь.

III.

Лѣтъ за шесть до описанной встрѣчи оба пріятеля окончили курсъ въ петербургскомъ комерческомъ училищѣ. По выходѣ изъ училища, Аксаковича взялъ къ себѣ одинъ крупный комерсантъ, не для того, чтобы ему требовался въ конторѣ еще лишній бухгалтеръ, а ради только того, чтобы въ качествѣ, покровителя училища, пристроить молодого человѣка и дать ему занятія. Черезъ нѣсколько дней Аксаковичъ явился на службу и началъ работать. Но у него, какъ то, все выходило не ладно. Возьметъ въ руки перо, оно точно вываливается изъ рукъ, напишетъ счетъ, — управляющій посмотритъ, посмотритъ на этотъ счетъ, да и отдастъ его переписать другому. Сидитъ онъ за конторкою на высокомъ стулѣ, и стулъ

изъ-подъ него выскальзываетъ. Во всемъ былъ замѣтенъ новичокъ. Черезъ нѣсколько дней управляющій наметнулъ ему, что онъ взять въ контору только до присканія какого-нибудь мѣста, и на большое содержаніе рассчитывать не можетъ; такъ, можетъ, рублей 15 — 20, и то, не для того, чтобы это назвать содержаніемъ, а чтобы сдѣлать какое-нибудь поощреніе молодому человѣку. Далѣе, ему дали понять, въ высшей степени въ мягкихъ выраженіяхъ, что если только онъ имѣетъ въ виду какое-нибудь лучшее мѣсто, то можетъ рассчитывать, что контора, въ случаѣ справокъ о немъ, сдѣлаетъ весьма одобрительный отзывъ, какъ о лучшемъ воспитанникѣ петербургскаго комерческаго училища. Нельзя сказать, чтобы при этихъ словахъ Аксаковичъ почувствовалъ себя совершенно чужимъ въ конторѣ. Ему этого не замѣтили, а были съ нимъ въ высшей степени радушны и любезны, но онъ чувствовалъ изъ всего и самъ хорошо понималъ, что въ дѣлѣ онъ еще новичокъ, что такъ на него и смотреть, поэтому и не обижался. Одинъ разъ онъ попросилъ управляющаго дать ему какую-нибудь серьезную работу. Управляющій сказалъ, что теперь наступаетъ лѣто, что лѣтомъ особенной работы не будетъ, что онъ придумаетъ и дастъ работу къ осени, а между тѣмъ предложилъ Аксаковичу, если онъ хочетъ, послѣ окончанія училища, на нѣсколько недѣль и даже мѣсяцовъ взять отпускъ, то ему въ этомъ не откажутъ и, по возвращеніи, съ удовольствіемъ дадутъ другую, болѣе солидную работу. Въ этомъ предложеніи было такъ много натурального, что Аксаковичъ нисколько не былъ обиженъ, а напротивъ того, принялъ это даже за особое расположеніе къ нему.

Какъ разъ, въ это время, одинъ инженеръ, отправившійся на югъ, въ войско донское, на съѣмки для какой то желѣзной дороги, искалъ молодого человѣка, для того, чтобы тотъ дѣлалъ нѣкоторыя мелкія вычисленія,

помноженія, чертежи и т. п. Аксаковичъ ухватился за мысль поѣхать съ инженеромъ. Тотъ предложилъ весьма мизерное жалованье, чуть ли не 5 р. въ мѣсяцъ, на полномъ однакожь содержаніи инженера, и затѣмъ, если дѣло кончится скоро, или самъ инженеръ получитъ какую-нибудь премію, то изъ этой преміи обѣщалъ ему еще какую-нибудь награду. Аксаковичъ не погнался за жалованьемъ. Его влекло одно желанье — пожить на свободѣ въ деревнѣ и, кстати, посмотреть на людей. Такъ дѣло было рѣшено, и черезъ нѣсколько дней Аксаковичъ ѣхалъ уже въ третьемъ классѣ черезъ Москву на Донъ, съ инженеромъ и его семействомъ.

Жизнь на Дону была больше кочевая. Самъ инженеръ, наблюдавшій за партіями работъ, останавливался въ городахъ, ближайшихъ къ пунктамъ работъ, гдѣ на мѣсяцъ, гдѣ на два. Аксаковичъ ходилъ иногда на работы съ партіями, но такъ какъ для него тамъ не оказывалось особенно много дѣла, то его скоро засадили за черченіе, вычисленіе, умноженіе и т. п. работы.

Инженеръ былъ женатый человекъ. Онъ и жена его были завязаны спириты.

Аксаковичъ о спиритизмѣ ничего не зналъ, да никогда о немъ и не слыхалъ и познакомился съ спиритизмомъ впервые. У жены инженера былъ столикъ о трехъ ножкахъ, которымъ зачастую по вечерамъ занимался и инженеръ, и жена его, и Аксаковичъ. Тутъ онъ самъ задавалъ кое-какіе вопросы, самъ прикладывалъ руки къ столу, самъ получалъ отвѣты и увѣровалъ въ спиритизмъ. Собственно, онъ не сдѣлался яркимъ спиритомъ, не сталъ заниматься столописаніемъ одинъ, но просто былъ изъ числа сторонниковъ спиритизма, которому, на самомъ дѣлѣ удалось видѣть его, но который, не даль себѣ серьезнаго труда объяснить себѣ явленіе.

Наступала осень. Партія съѣмокъ окончила свои работы.

Инженеръ, его жена и Аксаковичъ собрались въ Петербургъ.

Они на этотъ разъ жили въ станицѣ.

Аксаковичъ уложилъ свои вещи и послѣ обѣда пошелъ проститься со степью.

Вышелъ онъ въ поле и задумчиво, шагаль довольно быстро. Ему было не то жаль разставаться съ тою природою, съ которою онъ началъ уже свыкаться, не то грустно. Аксаковичъ самъ этого не замѣчая, зашелъ довольно далеко. Станица скрылась у него изъ глазъ. Но онъ все еще не замѣчалъ и все шагаль дальше. День клонился къ вечеру. Наконецъ, Аксаковичъ опомнился, остановился: «куда же я иду? пора вернуться домой». Онъ оглядѣлся во всѣ стороны: передъ нимъ были широкая необъятная степь, да открытое небо. «Ужъ поздно», подумаль Аксаковичъ: пойду я прямо степью, тамъ можно будетъ пройти черезъ одинъ оврагъ и попасть въ станицу ближайшею дорогою, чѣмъ по большой». Онъ повернулъ въ степь. Солнце опустилось. Начинало темнѣть.

Аксаковичъ все еще не видѣлъ передъ собою знакомой станицы.

Вотъ уже стемнѣло.

Аксаковичъ не замѣтилъ, какъ въ задумчивости онъ принялъ совершенно другую дорогу и не сообразилъ, что поворачивая въ степь, какъ разъ пошелъ въ противоположную сторону. Онъ заблудился. Долго шелъ онъ еще по степи. Все было одинаково сѣровато. Ночь темная. Вдали ничего не видно.

Аксаковичъ потерялъ уже надежду воротиться домой къ ночи. У него начинало являться сознание, что онъ дѣйствительно заблудился.

Вдругъ передъ нимъ мелькнулъ огонекъ. Идя по направленію къ огоньку, онъ занятъ былъ мыслью, какъ бы не потерять его изъ виду, какъ вдругъ подъ нимъ осыпалась земля. Онъ слетѣлъ съ обрыва и упалъ въ воду.

Переплывъ на другую сторону рѣки, первую мыслью его было отыскать огонекъ, но огня уже не было.

Аксаковичъ былъ внизу оврага и возвышеніе затемняло ему огонь. Онъ началъ подыматься по отлогому возвышенію и скоро увидѣлъ предъ собою огонь. Огонь этотъ былъ совсѣмъ близко, передъ нимъ былъ хуторъ.

Аксаковичъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ и постучался на хуторъ. Когда онъ вошелъ въ комнату, его встрѣтила высокая, стройная казачка, съ правильными чертами лица, одѣтая, не то въ блузѣ, не то въ платьѣ.

Аксаковичъ извинился.

Хозяйка попросила его войти въ комнату.

Аксаковичъ спросилъ, какъ ему попасть въ станицу такую то.

— Боже мой, сказала хозяйка, да вѣдь это версть 20 отсюда. Теперь вы не достанете лошадей. Вамъ придется ночевать у меня. Какимъ образомъ вы попали сюда. Вы кажется пришли не со стороны большой дороги?

Аксаковичъ рассказалъ, что случилось съ нимъ.

— Какимъ же образомъ вы не убились? воскликнула хозяйка.

— Подо мною осыпалась земля и я по землѣ съѣхалъ въ воду.

— Виновата, я не разглядѣла, на васъ мокрое платье, перемѣните бѣлье.

Тутъ хозяйка вынула мужское бѣлье, халатъ, и подала ихъ Аксаковичу, сказавъ, что она пойдетъ поставить самоваръ.

— Мнѣ бы хотѣлось сегодня попасть въ станицу, потому что завтра я долженъ съ знакомыми выѣхать въ Петербургъ.

— Я уже сказала, что это невозможно, у насъ на хуторѣ нѣтъ лошадей и вы здѣсь въ степи нигдѣ ихъ не достанете и поневолѣ должны ночевать у меня, а зав-

тра, какъ только мы добудемъ лошадей, вы поѣдете, хотите въ станицу, хотите въ Петербургъ. Пожалуй и я съ вами поѣду. Я давно ищу случая попасть съ кѣмъ нибудь въ Петербургъ.

Аксаковичъ видимо былъ озадаченъ вольностию послѣдней рѣчи хозяйки.

— Вы можете, продолжала она, располагаться здѣсь свободно. Кромѣ меня на хуторѣ нѣтъ ни души. Была работница, но я ее уже отпустила спать, ей рано надо отправляться въ степь на работу.

«Можете располагаться свободно, кромѣ меня на хуторѣ ни души», прозвучало въ ушахъ Аксакова. У него явилось желаніе узнать ближе — кто эта безцеремонная хозяйка.

— Виноватъ—я забылъ вамъ отрекомендоваться, сказалъ онъ съ намѣреніемъ, что и хозяйка въ свою очередь сообщить ему о себѣ.

— Нисколько не виноваты; перебила хозяйка. Вы сбились съ дороги, и этого достаточно, чтобы имѣть право ночевать у меня.

— Я находился при инженерѣ на съемкахъ подъ желѣзную дорогу.

— Для меня совершенно достаточно того, что вы сбились съ дороги и нуждаетесь въ ночлегѣ, перебила опять хозяйка.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Со мною... Мои предки, быть можетъ, Римъ спасли, а я вотъ должна вамъ чай наливать, отвѣтила хозяйка, подавая Аксаковичу стаканъ чая.

— Какъ прикажете называть васъ?

— Екатерина Алексѣевна.

— Madame ou mademoiselle?

— Вы французъ?

— Барыня или барышня?

— У насъ этими словами бранять лѣнтяекъ.

— Дѣвица или дама? поправился Аксаковичъ.

Екатерина Алексѣевна улыбнулась.

— А вамъ на что? спросила она. Узнайте!

У Аксаковича вкружилась голова при послѣднемъ словѣ.

— Извольте, узнаю, сказалъ онъ, дѣлая движеніе, чтобы обнять ее.

Полновѣсная пощечина остановила его.

Аксаковичъ осовѣлъ. Онъ долго не могъ оправиться. Екатерина Алексѣевна сидѣла противъ него на прежнемъ мѣстѣ.

— Вамъ время спать, сказала она вставая.

— Екатерина Алексѣевна! вырвалось у него изъ груди. Бога ради, одно слово.

Она остановилась.

— Какія рѣчи вы говорите, — «вы будете почевать у меня», «я поѣду съ вами въ Петербургъ», «я давно ищу случая уѣхать», «вы можете располагаться здѣсь свободно», «кромѣ меня на хуторѣ ни души», «узнайте, дѣвица я или дама», — согласитесь, что я долженъ былъ вывести изъ всей вашей свободной рѣчи? Если я и сдѣлалъ невольное движеніе — то право же ваши рѣчи этому виною. Сознаться внутренно, хоть и не признавайтесь на словахъ, что это такъ. Не дѣлайте обо мнѣ ошибочнаго вывода. Не судите по моему движенію, невольному, электрическому, не будьте несправедливы, недумайте обо мнѣ дурно, мнѣ гадко самому это движеніе, простите меня.

Рѣчь его была произнесена голосомъ, полнымъ искренности и внутренняго волненія.

— Если я что сознаю внутренно, въ томъ признаюсь откровенно. Но вы не можете понимать меня.

— Я постараюсь.

— Вы баринъ.

— Я не Обломовъ.

— О, много чести! Обломовъ былъ человѣкъ натуральный, а вы искусственный, дѣланый.

— Изъ чего вы это заключаете?

— Да хоть бы изъ этой вывѣски. И Екатерина Алексѣевна указала на стеклышко, висѣвшее у Аксаковича поверхъ халата.

Аксаковъ судорожно разорвалъ шнуры, сломалъ стеклышко и бросилъ его съ такою силою, что стекло разлетѣлось въ дребезги.

— Я не баринъ, сказалъ онъ, я прикащикъ, купеческій сынъ.

— Все равно, мы не поймемъ другъ друга. Вы человѣкъ искусственный, дѣланый, а мы здѣсь люди степные, природные.

— Я не понимаю, что вы хотите этимъ сказать.

— Вотъ я и права. Мы не можемъ понять другъ друга!

— Ради Бога объясните.

— Долго ли вашего брата сдѣлать, начала Екатерина Алексѣевна. Нацѣпилъ на языкъ нѣсколько французскихъ фразъ, надѣлъ на носъ стеклышко, вотъ и готовъ искусственный человѣкъ, хоть куда, хоть на выставку. А сбейте съ языка выученныя фразы, снимите съ носа стеклышко, и вашъ братъ осовѣтетъ и не найдетя. Развалился сдѣланый человѣкъ, ну и не найдетя самъ, какъ ему сложится, чѣмъ быть. У васъ все навязано вамъ. Вы рапортуетесь о себѣ, точно васъ за человѣка не считаютъ, пока не узнаютъ, подъ какой вывѣской васъ надо величать. Вамъ надо знать предковъ, точно вы сами безъ нихъ не составляете ничего. Мы здѣсь люди вольной степи, люди природы; какъ насъ степь вскормила, такъ мы и остались. Какъ на насъ ни навязывай брелоки и фразы, съ насъ все это сейчасъ сваливается; намъ это нейдетъ, оно намъ смѣшно. Какъ мы родились, такими и остаемся. Ну гдѣ же вамъ ночевать, какъ не у меня. Надо бы-

ло бы даже сказать: со мной, такъ какъ этотъ и хуторъ и халатъ не мои, а моего брата; его теперь нѣтъ, онъ въ степи на работѣ, тамъ и ночуетъ! Какъ же не предупредить васъ не стѣсняться, отчего же мнѣ и не сказать, что я поѣду съ вами, что собираюсь съ кѣмъ-нибудь добратся до Петербурга, когда это правда. Ну какъ же не посмѣяться надъ вопросомъ: мадамъ или мадмуазель, барыня, барышня, дѣвица, дама—зачѣмъ вамъ знать все это?

Аксаковичъ былъ уничтоженъ. Онъ въ первый разъ слышалъ такія рѣчи и не нашелся что отвѣтить.

— Признайтесь, продолжала Екатерина Алексѣевна. Вы сами не отдали себѣ отчета: идутъ ли къ прикащику, къ русскому купеческому сыну, на степномъ казачьемъ хуторѣ французскія фразы. Вы никогда не подумали, зачѣмъ вамъ стекло, которое надѣло на васъ одно обезьянство, зачѣмъ вамъ знать, кто я, что я, когда вамъ надо только напиться чаю да лечь спать.

При послѣднихъ словахъ она встала.

— Екатерина Алексѣевна, вырвалось у Аксаковича. Вы не оставите меня не простивши. Я не въ силахъ сказать, какъ мнѣ самому гадко мое поведеніе передъ вами. Вы правы. Бога ради простите. Я униженъ, оскорбленъ въ собственныхъ своихъ глазахъ, признайте же во мнѣ хоть чувство достоинства природнаго человѣка. Все навязанное мнѣ, чему я обязанъ сегодняшнимъ униженіемъ, я сброшу съ себя, какъ бросилъ это проклятое стеклышко, которое дѣйствительно надѣлъ безъ дѣла, безъ надобности, потому только, что надѣваютъ другіе, но только Бога ради не презирайте меня.

— Презирать! зачѣмъ, я вижу теперь, что въ васъ есть искренность, а это уже не навязывается, будьте же человѣкомъ и я буду уважать васъ. А теперь прощайте. Съ этими словами она пожала ему руку, пожелала покойной ночи, указала на диванъ и вышла.

IV.

Оставшись одинъ, Аксаковичъ долго еще сидѣлъ неподвижно на своемъ мѣстѣ. Онъ никогда не слышалъ подобныхъ рѣчей, никогда не сдѣлалъ подобнаго шага и теперь находился въ какомъ-то томительно-тяжеломъ положеніи. Всѣ чувства, угнетавшія его, отражались на его лицѣ. На немъ, какъ будто, можно было прочесть: я сыгралъ роль и дурака и пошляка, хотя достоинъ лучшей роли! Ему не хотѣлось даже пошевелиться. Такъ, кажется онъ и замеръ. Казалось, онъ пугался движенія собственнаго тѣла, какъ будто отъ него ожидалъ укора самому себѣ.

— Что же вы не ложитесь, кликнула ему черезъ дверь Екатерина Алексѣевна, не забудьте огонь погасить.

Аксаковичъ почувствовалъ новую неловкость, перешелъ на диванъ, легъ и погасилъ свѣчу. Но онъ не заснулъ. Впечатлѣнія этого дня подѣйствовали на его натуру. Утомленіе отъ долгаго странствованія по степи, мучительная тревога заблудившагося человѣка, испуганнаго при паденіи въ оврагъ, ознобъ промокшаго человѣка, наконецъ, тяжелое душевное впечатлѣніе, которое онъ впервые почувствовалъ въ этотъ вечеръ, все перемѣшивалось въ головѣ, къ которой начала приливать кровь.

Онъ заболѣлъ. Часа черезъ два онъ началъ бредить и къ утру былъ въ сильномъ жару.

Когда настало утро, Екатерина Алексѣевна довольно долго поджидала, давая своему гостю время выспаться. Но когда работница привела телегу, чтобы отвести гостя въ станицу, Екатерина Алексѣевна вошла въ комнату.

— Уже поздно, сказала она: надо вамъ... Она недоговорила, увидя мутныя глаза и какое то странное лицо

своего гостя. Она подошла къ нему, взяла за голову. Голова горѣла. Онъ былъ въ горячкѣ.

— Вы не можете ѣхать въ этомъ состояніи, сказала она, вы больны.

— Куда ѣхать?

— Да куда вы вчера хотѣли?

Онъ смотрѣлъ на нее, какъ бы смутно припоминая вчерашнее. — Ахъ да, въ Петербургъ мы собрались.

Екатерина Алексѣевна замѣтивъ, что гость въ самомъ дѣлѣ серьезно заболѣлъ, послала сказать объ этомъ инженеру.

Посланный не засталъ его. Онъ съ женою уѣхалъ уже въ Петербургъ, оставивъ въ станицѣ вещи Аксаковича, которыя и привезены были на хуторъ. Гость оказался такимъ образомъ, со всѣми своими небольшими пожитками, на жительство въ хуторъ. Недѣли двѣ здоровье не позволяло ему выѣхать въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что приходилось ѣхать довольно долго на простой телегѣ, сначала до почтоваго тракта, потомъ до желѣзной дороги. Между тѣмъ, къ этому времени Екатерина Алексѣевна, давно уже собиравшаяся въ Петербургъ, рѣшила воспользоваться случаемъ проводить больного до столицы. Кстати ей приходилось ѣхать не одной.

Они поѣхали вмѣстѣ.

V.

По возвращеніи въ Петербургъ, Аксаковичъ первымъ дѣломъ отправился на службу въ контору.

— Вы не можете рассчитывать, хотѣлъ было сказать управляющій, на лучшее мѣсто и остановился. Онъ не узнавалъ его. Вмѣсто прежняго суетливаго новичка, онъ видѣлъ предъ собою спокойнаго, тихаго. Желая сказать, что онъ не можетъ рассчитывать на вознагражденіе болѣе

15—20 р., управляющій кончилъ: словами «я вамъ дамъ занятіе» и сейчасъ же привелъ его на прежнее мѣсто за конторку, поручивъ бухгалтеру дать ему работу. Бухгалтеръ далъ ему написать изъ расчетной книги нѣсколько счетовъ, чтобы разослать ихъ по адресамъ.

Аксаковичъ началъ работать но потомъ остановился.

— Не можете ли вы, обратился онъ къ бухгалтеру, сдѣлать мнѣ одолженіе сказать откровенно: отчего въ прошлый разъ, ни одинъ счетъ, писанный моею рукою, не былъ отправленъ. Всѣ они еще разъ переписывались. Вѣдь я кажется ихъ составлялъ, какъ слѣдуетъ.

— Если вы просите быть съ вами откровеннымъ, то не разсердитесь за откровенность.

— Ахъ Боже мой, я буду вамъ за нее очень благодаренъ.

— Вотъ видите ли, вы счета составляете вѣрно, это правда, но они выходятъ у васъ неровными: однѣ цифры къ верху, другія къ низу. У насъ контора большая, намъ нельзя отправлять счета, написанные дѣтскою рукою, дѣтскимъ почеркомъ. Вы не торопитесь, а пишите ровнымъ почеркомъ и тогда счета будутъ отправляться.

Аксаковичъ поблагодарилъ. Онъ до сихъ поръ не придавалъ большого значенія почерку. Теперь онъ только увидѣлъ, какъ это важно въ его дѣлѣ. Онъ вспомнилъ въ числѣ объявленій, которыя ему приходилось читать въ газетахъ, предложеніе каллиграфа объ исправленіи почерка; отыскалъ адресъ и отправился заниматься у каллиграфа. Онъ писалъ цѣлыя ночи и скоро успѣлъ. Въ конторѣ тоже онъ принялся за дѣло горячо. Онъ понялъ, что единственная его атестація—это аккуратно выполненная работа и, поэтому, прежде чѣмъ подать ее, провѣрялъ и просматривалъ по нѣскольку разъ, и скоро заслужилъ репутацію человѣка, послѣ котораго провѣрять работу нечего. Она уже сдѣлана вѣрно.

Молчаливый характеръ, отсутствіе прежней суетливо-

сти расположили къ нему бухгалтера и управляющаго. Въ первый мѣсяцъ, правда, ему выдали 15 рублей съ оговоркою, впрочемъ, что новичкамъ всегда выдается столько, но что на слѣдующій мѣсяцъ онъ получитъ другую работу.

Дѣйствительно, онъ получилъ на слѣдующій мѣсяцъ 50 рублей, на третій—80 руб., затѣмъ ему предложенъ былъ постоянный окладъ въ 150 р., и квартира въ хозяйскомъ домѣ.

— Вы, спросилъ его при этомъ управляющій, не мечтаете куданибудь переходить, или, быть можетъ, ѣхать за границу, переселиться въ какойнибудь другой городъ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, а для чего вамъ нужны эти свѣдѣнія?

— Вотъ видите ли, хозяинъ намѣривается оставить васъ у себя постояннымъ бухгалтеромъ; онъ разсчитываетъ, главнымъ образомъ, на вашу скромность и пунктуальность. Какъ вамъ извѣстно, торговому человѣку перемѣнять часто бухгалтера неудобно, и если хозяинъ предлагаетъ это мѣсто, то въ надеждѣ, что вы останетесь здѣсь десятки лѣтъ.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ, за ваше любезное довѣріе ко мнѣ, я постараюсь его оправдать. Личныя мои стремленія таковы, чтобы оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ десятки лѣтъ и, лучше всего, въ Петербургѣ.

— Такимъ образомъ ваши желанія совершенно сходятся съ желаніями хозяина. Я такъ и передамъ ему. Онъ лично самъ будетъ еще говорить съ вами объ этомъ.

Постоянное мѣсто за Аксаковичемъ было упрочено. Это-то мѣсто и занималъ онъ въ то время, когда встрѣтился съ Менделѣвичемъ на цѣпномъ мосту у Лѣтняго сада.

VI.

Простившись съ Менделѣвичемъ у Пантелеймоновскаго моста, Аксаковичъ пошелъ домой.

— Достань-ка ты мнѣ, сказалъ онъ, обратившись къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, гдѣ нибудь доску отъ стараго сигарнаго ящика.

— Это что за новость, отвѣчала та: откуда, такая повелительность, я тебѣ повторяю, я не раба?

— Ахъ, оставь, какая повелительность, какая раба! Ты знаешь меня уже шесть лѣтъ, я тебя столько же; дружба наша должна исключать всѣ сомнѣнія на счетъ обоюднаго уваженія; не каждое же лыко брать въ строку. Близость нашихъ отношеній вызываетъ на то, чтобы наконецъ говорить нѣсколько свободнѣе, не задумываясь, какъ дипломатъ, надъ каждымъ словомъ.

— Я тебѣ сто разъ буду говорить и повторять, брось ты, какъ бросилъ стеклышко, понятіе, что я твой слуга. Выкинь ты изъ головы эти рабскія понятія, или я уйду отъ тебя, если хочешь, даже сегодня.

— Не повторяй мнѣ одного и того же. Вѣдь ты мнѣ это говорила не сто, а тысячу разъ. Я питаю къ тебѣ самое глубокое уваженіе и говорю тебѣ, чтобъ доказать, что ты не слуга моя, не рабыня, а другъ, пользующійся глубокимъ моимъ уваженіемъ и довѣріемъ, другъ, совершенно равный мнѣ: прошу тебя въ сотый, тысячный, миллионный разъ, обвѣнчаемся и тогда мы будемъ равны. Ты не будешь имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что я считаю тебя не иначе, какъ равнымъ себѣ, своею женою, но не слугою.

— Ты сначала выкинь изъ головы эту повелительность, а потомъ я соглашусь быть твоею женою. Теперь мы дружны только потому, что отношенія наши скрѣплены не обязательствами, а личнымъ угожденіемъ другъ

другу. Попробуй съ тобою обвѣнчаться, ты сейчасъ скажешь: жена вышла изъ повиновенія. А это рабство. Теперь я могу уйти отъ тебя, тогда ты имѣлъ бы право потребовать меня съ полиціею.

— Ты опять свое. Это не женская философія. Женщина создана для любви, а ты...»

— Ты напрашиваешься, чтобы я начала говорить о любви къ тебѣ, такъ вотъ не дождешься же. Зачѣмъ ты сегодня рано возвратился изъ театра? Чай не готовъ, потому что ты сказалъ, что идешь въ театръ, я и отложила пить чай до окончанія спектакля. На что тебѣ дощечка отъ сигарнаго ящика? сказала она.

— А вотъ увидишь сама послѣ, я сейчасъ пойду достану ее.

— Подожди, остановила его Екатерина Алексѣевна, я пойду.

Дощечка была найдена в Аксаковичъ началъ дѣлать изъ нея маленькій столикъ о трехъ ножкахъ.

Со времени своего пребыванія у инженера, онъ никогда не занимался спиритизмомъ и не говорилъ больше о немъ. Не будь этой встрѣчи, не будь онъ на лекціи Менделѣева, онъ можетъ быть и не подумалъ бы заняться спиритизмомъ. Но послѣдній разговоръ навелъ его на мысль, которую онъ имѣлъ шесть лѣтъ тому назадъ, когда былъ у инженера, — изслѣдовать этотъ вопросъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ, чѣмъ можно объяснить тѣ явленія, которыя онъ видѣлъ у инженера, въ которыхъ самъ участвовалъ и которыя для него были слишкомъ очевидны, чтобы не вѣрить имъ? Къ этому давнишнему желанію примѣшалась еще новая мысль — показать явленіе это когда нибудь Менделѣвичу, для того, чтобы онъ не думалъ объ Аксаковичѣ, какъ о заблудившейся овцѣ.

Сдѣлавъ столъ, онъ попросилъ Екатерину Алексѣевну положить на него руки и самъ положилъ свои. Столъ

долго не двигался. Екатерина Алексѣвна трунила надъ этимъ, но не въ силахъ была отказать ему въ удовольствіи сдѣлать то, что онъ хочетъ, т. е. держать руки на столикѣ. Черезъ полчаса столъ началъ двигаться. Екатерина Алексѣевна сначала предположила, что его двигаетъ Аксаковичъ, но когда тотъ отвѣтилъ на это предположеніе отрицательно, у нея не мелькнуло и тѣни недовѣрія. Она всегда вѣрила его слову, и теперь смотрѣла на движеніе столика, какъ на что-то необыкновенное, до сихъ поръ ею невиданное, непонятное. Столъ началъ двигаться шибче и, наконецъ, началъ выводить сначала каракули, потомъ слова, изъ которыхъ послѣ сложилась рѣчь. «Онъ честный человѣкъ», писалъ столикъ.

Оба они не понимали значенія этихъ словъ.

— Должно быть, сказала Екатерина Алексѣевна, ты съ кѣмъ нибудь видѣлся сейчасъ, ну и вель какой нибудь серьезный разговоръ. Вотъ столъ тебѣ и пишетъ, что онъ честный человѣкъ. Я тебѣ признаюсь, что когда ты въ первый разъ явился на хуторъ, я видѣла во снѣ эти самыя слова «онъ честный человѣкъ», которыя повторялись нѣсколько разъ. Изъ за этого, признаться сказать, я и перемѣнила мнѣніе, которое составила о тебѣ въ первый вечеръ, далеко не въ твою пользу.

— Да, я точно встрѣтилъ человѣка, котораго знаю за честную личность.

Столъ не писалъ ничего, кромѣ тѣхъ же словъ.

Они ограничились на первый разъ этимъ сеансомъ.

VII.

Менделѣевичъ, по выходѣ изъ петербургскаго коммерческаго училища, сейчасъ же отправился съ отцомъ за границу. Отецъ его былъ богатый человѣкъ и хотѣлъ,

чтобы сынъ довершилъ образованіе заграницею. Но образованіе это онъ понималъ по своему.

Что ему читать книги, да слушать лекціи, будетъ съ него; онъ уже много начитался и наслушался въ коммерческомъ училищѣ. Ему надо поучиться практической дѣятельности, чемунибудь на фабрикѣ. Пусть онъ лучше поприсмотрится, какъ люди дѣла ведутъ. Это будетъ пригоднѣе для практическаго человѣка. Разсуждая такимъ образомъ, отецъ отдалъ сына на какую-то фабрику въ Германіи. Директоръ фабрики сказалъ, что для того, чтобы присмотрѣться къ дѣлу, ему надо тамъ, по меньшей мѣрѣ, жить года два, и за то, что директоръ будетъ разъяснять ему дѣло, онъ проситъ 600 талеровъ, по 300 въ годъ. Отецъ вынулъ 600 талеровъ, заплатилъ за оба года впередъ, съ тою мыслью, чтобы нѣмецъ, не сомнѣваясь уже въ полученіи денегъ, займется съ сыномъ прилежнѣе. Менделѣевичъ остался на фабрикѣ, а отецъ воротился въ Петербургъ. Черезъ годъ отецъ посѣтилъ сына и узналъ, что сынокъ его одѣвается въ блузу и работаетъ наравнѣ со всѣми рабочими. Это взорвало его самолюбіе. Какъ директоръ ни объяснялъ отцу, что выучиться практическому дѣлу можно только когда поработаешь самъ, оскорбленный отецъ понялъ это по своему. «Какъ это нѣмецъ, вдругъ, взявши деньги за два года впередъ, заставляетъ его работать. Мой сынъ на нѣмца работать не будетъ», сказалъ онъ сыну и привезъ его обратно въ Петербургъ, гдѣ у него было много знакомыхъ. Такъ какъ торговлею завѣдовали уже старшіе братья, и Менделѣевичъ при торговлѣ не особенно былъ нуженъ, то отецъ помѣстилъ его бухгалтеромъ въ одномъ изъ частныхъ петербургскихъ банковъ.

Здѣсь мы и застаемъ его въ началѣ нашего разсказа.

VIII.

Прошло уже нѣсколько дней со времени встрѣчи Менделѣвича съ Аксаковичемъ. Въ это время послѣдній занимался писаніемъ стола, съ намѣреніемъ показать это явленіе «во очію» Менделѣвичу и убѣдить его въ своей правотѣ, а тотъ съ своей стороны, просматривая полчаса въ банкѣ газеты, отмѣчалъ все, что говорилось въ нихъ противъ спиритизма, съ намѣреніемъ показать все это пріятелю и доказавъ ему всю пустоту спиритизма, спасти, такимъ образомъ, отъ заблужденія, если только онъ, въ самомъ дѣлѣ, рехнулся и вѣритъ въ спиритизмъ. Менделѣвичъ допускалъ уже мысль, что пріятель подшутилъ надъ нимъ, что не можетъ быть, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, такой умный человѣкъ, какимъ всегда зналъ онъ друга, могъ стать на сторону спиритизма. Это казалось ему невѣроятнымъ. Одинъ разъ Менделѣвичъ просматривая газеты прочелъ между прочимъ, прощальное слово бухгалтера Ф. Б. умершему въ общественномъ мнѣніи бухгалтеру Э. Б. Въ словѣ вспоминалось, что «покойный» самъ вызвался принести себя на жертву публичнаго состязанія и, «до самой своей кончины въ общественномъ мнѣніи, не понималъ, какъ мѣтко онъ разрисовалъ свое ближайшее будущее, т. е. какъ ему и «пришлось пасть жертвою на славу грядущей русской тройной системы счетоводства».

Слово оканчивалось такъ:

«Прохожій, остановись! Миръ праху заживо погребеннаго».

У Менделѣвича мелькнула мысль: вотъ бы вызвать духъ бухгалтера заживо погребеннаго? У него шевельнулось желаніе, поскорѣ увидѣться съ пріятелемъ и онъ тщательно спряталъ этотъ номеръ газеты.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, Менделѣвичъ

отправился въ Маріинскій театръ. Аксаковичъ былъ въ этотъ вечеръ тамъ же. Шла «Рогнѣда». Оба пріятели, сидѣвшіе, впрочемъ, въ разныхъ рядахъ, заняты были мыслью другъ о другѣ: одинъ думалъ про столикъ, который уже началъ писать довольно быстро, другой не оставлялъ мысленно находившійся при немъ въ карманѣ номеръ газеты.

— Пойдемъ вмѣстѣ отсюда, сказалъ Менделѣвичъ въ антрактѣ, — намъ по дорогѣ, или ты можетъ быть поѣдешь?

— Нѣтъ, я охотно пройдуся.

По окончаніи театра, пріятели пошли вмѣстѣ. Они перешли Поцѣлуевъ мостъ, миновали уже нѣмецкую кирку, а все еще никто изъ нихъ не хотѣлъ поднимать разговора о спиритизмѣ. Они знали, что не деликатно каждому заговорить о томъ, что можетъ раздражить другого.

Такъ они дошли до угла Гороховой.

— Зайдемъ вмѣстѣ, сказалъ Менделѣвичъ, у котораго шевелилась въ карманѣ газета, закусимъ что нибудь въ ресторанѣ, я проголодался.

— Зайдемъ, сказалъ пріятель. Они вошли въ уединенный ресторанъ въ Кирпичномъ переулкѣ.

— Человѣкъ, сказалъ Менделѣвичъ, дай-ка намъ спиритизму, да столовую карту.

При словѣ «спиритизмъ» Аксаковичъ улыбнулся. «Что-то,» подумалъ онъ, «скажетъ пріятель, когда увидитъ мой столикъ. А надо будетъ пригласить его по-смотрѣть».

— Послушай, сказалъ Менделѣвичъ, вотъ ты занимаешься спиритизмомъ, скажи на милость, тутъ недавно похоронили живого бухгалтера, нельзя ли вызвать его духъ?

— Какъ похоронили живого?

— Да очень просто.

Менделѣвичъ вынулъ газету и прочелъ ее.

Человѣкъ въ это время подаль водку.

— Примемъ-ка мы сначала по порціи спиритизма, сказалъ Менделѣвичъ—наливая рюмку водки.

— Это ужъ черезъ чуръ реально, обидѣлся Аксаковичъ, уже раздражившійся при чтеніи газеты. Это не возможно. Это кощунство.

— Реальный спиритизмъ, сказалъ Менделѣвичъ.

— Это слишкомъ, отвѣчалъ Аксаковичъ окончательно обидѣвшись, я этого отъ тебя не ждалъ! И съ этимъ словомъ онъ взялъ шапку и вышелъ, не дотронувшись до водки.

Менделѣвичъ опомнился уже, когда товарищъ ушелъ. Сначала онъ думалъ, что Аксаковичъ воротится, но прошло нѣсколько минутъ. Онъ вышелъ въ прихожую, спросилъ, гдѣ господинъ, который взшелъ съ нимъ. Ему отвѣтили, что онъ ушелъ. Менделѣвичъ рассчитавшись, надѣлъ пальто и вышелъ.

Онъ хотя и не допускалъ, чтобы Аксаковичъ серьезно разсердился на него, но во всякомъ случаѣ понималъ, что пошутилъ неделикатно. Ему не хотѣлось оставить Аксаковича подъ такимъ непріятнымъ впечатлѣніемъ, не хотѣлось, чтобы тотъ составилъ о немъ мнѣніе, какъ о человѣкѣ, способномъ на одно глумленіе. Подъ такимъ впечатлѣніемъ Менделѣвичъ направился въ сторону, гдѣ жилъ Аксаковичъ. Онъ рассчитывалъ еще догнать его, зная его квартиру, хотя ни разу у него не былъ.

— Воротился Аксаковичъ изъ театра? спросилъ онъ, дворника, подойдя къ дому.

— А вотъ они сію секунду изволили пройти, сказалъ дворникъ. Вы еще ихъ догоните на лѣстницѣ.

Поднявшись на лѣстницу онъ увидѣлъ, что передъ нимъ растворяется дверь.

— Я тебя догоняю, заговорилъ онъ, и съ этими словами вошелъ въ прихожую. Не сердись, пожалуйста, за глупую шутку, я никакъ не предполагалъ, что это можетъ тебя такъ растревожить.

— Пойдемъ въ комнату, пригласилъ Аксаковичъ, обрадовавшись чуть не потерянному было случаю — показать ему столикъ.

Самоваръ стоялъ уже на столѣ. Хозяинъ представилъ гостя Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и они усѣлись за чай.

— Чтобы съ тобою поквитаться, сказалъ Аксаковичъ, ты долженъ посмотрѣть послѣ чая спиритическій столикъ. Вѣдь я просмотрѣлъ твою газету и выслушалъ твой реальный спиритизмъ.

— Посмотримъ классическій спиритизмъ, прибавилъ шутя Менделѣвичъ, и думая про себя: увидимъ, вызоветъ ли столикъ духъ бухгалтера заживо погребеннаго, и что то духъ расскажетъ про свою милую двойную и ненавистную ему тройную систему?

Имѣя эту мысль, Менделѣвичъ началъ съ интересомъ слѣдить за столикомъ, когда Екатерина Алексѣевна и Аксаковичъ послѣ чая усѣлись за него и попросили духа отвѣтить на неизвѣстный имъ вопросъ Менделѣвича. Столикъ началъ двигаться.

(Продолженіе будетъ).

И. З. Залѣсовичъ.

ОБРѢЗАННЫЙ ЯЗЫКЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Я ѣхалъ изъ Сызрани на Моршанскъ, по желѣзной дорогѣ, въ вагонѣ третьяго класса. Ближайшими спутниками моими по вагону было нѣсколько пожилыхъ лѣтъ торговцовъ и между ними одинъ молодой человѣкъ, брюнетъ, лѣтъ двадцати семи, съ открытой красивой русской физіономіей, носившей выраженіе доброты и честности. Симпатичное лицо его было блѣдно и задумчиво, какъ будто молодой человѣкъ недавно перенесъ тяжкую болѣзнь, или сильное горе.

На одной изъ станцій со мною случилось маленькое происшествіе: я потерялъ кошелекъ съ деньгами. Спутники мои тотчасъ приняли во мнѣ живѣйшее участіе, начали обыскивать вагонъ и кошелекъ отыскался около выходной двери. Тѣмъ дѣло и кончилось но по поводу этого происшествія завязался разговоръ о разныхъ желѣзнодорожныхъ приключеніяхъ, а далѣе свернулъ на любимую тему купцовъ о мошенникахъ и жуликахъ. Москва доставила обильный матерьялъ для подобныхъ разсказовъ. Каждый разсказывалъ то тотъ, то другой случай надувательства его въ нашей первопрестольной столицѣ. Одинъ лишь молодой человѣкъ не принималъ участія въ общемъ разговорѣ и хранилъ упорное молчаніе.

Заинтересованный печальнымъ выраженіемъ его наружности, я рѣшился обратиться къ нему съ вопросомъ:

— А вы бывали въ Москвѣ?

— Какже, — отвѣчалъ онъ со вздохомъ.

— Ну, и что же?... Помиловаль Господь?...

— Нѣтъ съ, покараль... возразилъ молодой человѣкъ, — и покараль такъ-съ, что сдѣлался я несчастнымъ на всю жизнь... Всего лишился... Батракомъ теперь состою... Со мною въ Москвѣ случай былъ почище, чѣмъ со всѣми ими, — прибавилъ онъ, кивнувъ головою на другихъ спутниковъ.

— Что же такое?... Расскажите пожалуйста, — попросилъ я.

— Эхъ! и рассказывать-то горько, — замѣтилъ молодой человѣкъ и замолчалъ, но чрезъ нѣсколько минутъ паузы, осмотрѣвъ для чего-то свои сапоги, началъ:

«Вотъ какая со мною случилась оказія.

Два года тому назадъ состоялъ я, значить, не то прикащикомъ, не то бухгалтеромъ по хлѣбной части въ С-нѣ, у купца Птицына. Жалованье я хотя и получалъ махонькое, пятнадцать монеть *) въ мѣсяць, однако, живши на всемъ хозяйскомъ, такъ справлялся, что и маменькѣ помогалъ, и отъ податей завсегда былъ чистъ... Даже маленькій запасецъ былъ. Думалось на этотъ запасецъ поправить домишко, да завести на первыхъ порахъ какую-нибудь лавчонку; потому собственно, что въ это время у меня была на примѣтѣ невѣста, мѣщанская дѣвица. Крѣпко она мнѣ по душѣ приходилась и родители ея были согласны отдать ее за меня и обѣщали сотни полторы приданого. Такъ-то думалось пожить въ свое удовольствіе, какъ живутъ православные христіане, анъ случилось иначе. Справедлива пословица «не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велить». Однажды по осени

*) Рублей.

призываетъ меня Птицынъ къ себѣ и наказываетъ ѣхать по комерціи въ Москву, за разными тамъ покупками и оборотами. При чемъ, какъ на грѣхъ, велитъ мнѣ: «если, говоритъ, Михайло, будетъ тебѣ какое подходящее дѣло, значить на счетъ сала или пеньки, то ты по телеграфу извѣсти, а я отъ себя пошлю тожь депешу къ московскому купцу Жидареву,—живетъ на Арбатѣ въ собственномъ домѣ, — чтобы выдалъ тебѣ сотъ до пяти. Жидаревъ, говоритъ, мнѣ долженъ». Ладно. Въ Москвѣ мнѣ случилось не разъ бывать съ своимъ хозяиномъ, но этого Жидарева я никогда и въ глаза не видывалъ. Ну-съ. Ёду это я по хозяйскому порученію въ Москву. Въ Рязани подсаживается ко мнѣ, такъ себѣ, кто его знаетъ кто такой: не то изъ нашего брата, прикащикъ или бухгалтеръ, не то изъ благородной мелкоты. Одѣтъ бѣдно: въ старомъ пальтишкѣ, въ картузѣ и въ длинныхъ сапогахъ. Шустрый такой и въ рукахъ у него гармонія. Презанятно играетъ, а я эту самую музыку смерть люблю!.. Разговорились. Спрашиваю: куда ѣдетъ?—«Ёду я, говоритъ, изъ далека, изъ Ростова въ Москву хлопотать по бумагамъ получить деньги, да и пристроиться тамъ, но не знаю,—сказываетъ,—какъ мнѣ быть...

— Что такъ? опять его спрашиваю.

— Да несчастье,—говоритъ,—дорогою со мною случилось: обронилъ деньги, а можетъ кто и вытащилъ. Вѣрите, третій день маковой росинки во рту не было... Спасибо, хоть билета не потерялъ. Такъ голодухой и прусь въ Москву, да тамъ еще придется нѣсколько дней ковъ просидѣть голоднымъ, пока получу деньги. Какъ приѣдешь, сейчасъ всего не устроишь... Думалъ гармонію продать, два съ полтиной стоитъ,—никто не покупаетъ...

— А въ Москвѣ, допрежь, бывали?

— Нѣтъ, говоритъ,—не бывалъ. И гдѣ ночевать - не знаю.

Дальше разговорились мы больше. Стало мнѣ жалко

паренька, какъ онъ будетъ маяться. Возьму, думаю, его къ себѣ. Все равно, черезъ хозяйскія вещи мнѣ безпремѣнно нужно нанять какой ни на есть номеръ?... Не помѣшаетъ. Авось не объѣстъ. Будемъ дѣлиться пополамъ, чѣмъ Богъ пошлетъ, пока онъ не пристроится, или пока я проживу въ Москвѣ. И точно, по прїѣздѣ зазвалъ его въ свою квартиру, — у малаго даже отъ радости глаза блеснули. Назвался онъ Василиемъ Ивановымъ. Паспорты мы свои не прописывали, а потому доподлинности, кто онъ такой и какъ его зовутъ, не знаю. Прожилъ у меня Василій Ивановъ дня три, а на четвертый сгинулъ и больше его я уже не видалъ. Да когда онъ и жилъ-то у меня, и тогда онъ, какъ утро, сейчасъ же уйдетъ со двора и возвращается поздненько вечеромъ. Дурного я за нимъ ничего не замѣчалъ, окромя того, что крѣпко онъ былъ любопытенъ, все выспрашиваетъ да выспрашиваетъ, а о себѣ ничего не говоритъ. Послѣ ухода Василя, я еще по хозяйскимъ дѣламъ прожилъ въ Москвѣ сутокъ двое, а затѣмъ отправился назадъ въ С—нъ. У Жидарева я не былъ, такъ какъ подходящей покупки не было, и я къ своему хозяину депеши не посылалъ.

Прїѣзжаю въ С—нъ, являюсь къ Птицыну и докладываю ему о дѣлахъ.

Птицынъ всѣмъ остался доволенъ; какъ, вдругъ, на послѣдокъ, спрашиваетъ меня:

— А что же ты ничего не говоришь про пятьсотъ рублей, что вытребовалъ отъ меня?

— Про какіе, -- говорю, — Матвѣй Петровичъ, пятьсотъ рублей?

— Какъ, — говоритъ, — про какіе?... Что получилъ отъ Жидарева?

— Никакъ нѣтъ-съ. Я не токмо не получалъ отъ Жидарева денегъ, но и не видалъ его въ глаза.

Птицынъ такъ на меня и уставился.

— Что ты?... съ ума сошелъ?... Не ты ли ко мнѣ,

мерзавецъ, говорить, прислалъ телеграму, что есть подходящее дѣло и чтобы я телеграфировалъ къ Жидареву выдать тебѣ деньги?

— Послушайте, — отвѣчаю, — Матвѣй Петровичъ, никакой такой телеграммы я къ вашей милости не посылалъ...

— Какъ же не посылалъ, когда у меня и телеграма твоя цѣла и отъ Жидарева я уже получилъ отвѣтъ о выдачѣ тебѣ денегъ подъ твою росписку?

Я и ротъ разинулъ, и руки у меня опустились. Божусь, клянусь, что знать ничего не знаю и вѣдать не вѣдаю... Куда тебѣ!... Птицынъ и слушать не хочетъ. Разсвирѣпѣлъ весь, грозитъ острогомъ, пошелъ за полиціей. Бѣда, что было!... — Черезъ часъ по своемъ приѣздѣ въ С—нъ я уже сидѣлъ въ части, словно какой нибудь воръ, или мошенникъ...

— Чѣмъ же кончилось дѣло? — спросилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

— Да чѣмъ? грустно отвѣчалъ молодой прикащикъ. — Сижу это въ части и стою на своемъ, что ничего не знаю. Тѣмъ временемъ Птицынъ списался съ Жидаревымъ и вытребовалъ мою росписку. Она оказалась написана не моею рукою и, кромѣ того, самъ Жидаревъ писалъ, что къ нему приходилъ русый малый, а я черноглазый. Думаю, что всѣ эти штуки подстроилъ Василій Ивановъ: больше некому. Сидя въ части, я вспомнилъ, что говорилъ ему объ этихъ проклятыхъ пятистахъ рубляхъ!... Вотъ онъ значитъ, пошелъ да и подаль отъ меня хозяину депешу. Кто его знаетъ, можетъ, и паспортъ мой прихватилъ тогда на время. Я его не остерегался и паспортъ лежалъ себѣ свободно. А далѣе сходилъ и къ Жидареву получить деньги. Изъ телеграфной же депешки не видно, кто именно писалъ ее: я ли Михаила Гуровъ, или первый встрѣчный, потому собственно, что депешу передаютъ значками, а далѣе ее переписываетъ телеграфъ.

— Это точно правда, — замѣтилъ купецъ въ лисьей

шубѣ.—Преопасливое дѣло эти телеграммы. Выдаешь по нимъ деньги такъ себѣ, зря. Теперича, положимъ, два жулика какъ нибудь случайно провѣдаютъ, что у меня, примѣрно,—я живу въ Москвѣ,—есть съ какимъ либо купцемъ въ Петербургѣ кредитъ и комерція. Вотъ они сговорятся между собою, да одинъ изъ нихъ изъ Петербурга и пришлетъ ко мнѣ, въ Москву, телеграму о выдачѣ денегъ такому то Петрову, значитъ своему товарищу, а ему на полученіе съ меня денегъ. Тотъ пожалуй и настоящій документъ представитъ, что онъ подлинно Петровъ. Ищи тогда вѣтра въ полѣ. Въ телеграмѣ же было сказано, чтобы деньги были выданы немедленно по экстренному дѣлу. А въ самомъ дѣлѣ, почему я знаю, писалъ ли депешу собственноручно тотъ купецъ, съ которымъ у меня комерція, или кто съ вѣтру. Да, нашему торговому люду нужно бы объ эфтомъ предметѣ подумать. Впрочемъ, говорятъ, что уже выходятъ такія депеши, что, значитъ, видно, кто оную писалъ. Извини, милый, что я перебилъ тебя,—обратился купецъ къ Михайлѣ и попросилъ его продолжать.

— «Заѣло меня совсѣмъ это дѣло» — началъ вновь Михайла. — «Просидѣлъ я въ части недѣли двѣ. На третью зоветъ меня къ себѣ Птицынъ. Представили меня къ нему за конвоемъ. Дѣла къ судебному слѣдователю еще не передавали. — «Слушай, Михайла,—говоритъ мнѣ Птицынъ. Росписка Жидареву написана не твоею рукою. Это вѣрно. Можетъ быть и не ты подавалъ ко мнѣ телеграму, кто тебя знаетъ. Но ты не радуйся!.. Сибири тебѣ не мновать: я, говорить, говорилъ съ слѣдователями и съ разными адвокатами. Пятьсотъ рублей твоихъ рукъ не минули, не ты самъ, такъ кто нибудь другой получилъ ихъ по твоему наущенію. Самъ ты посуди, ты малый не глупый: кто могъ знать о нашемъ разговорѣ съ тобою, чтобы ты прислалъ мнѣ телеграму, коли этотъ разговоръ происходилъ безъ свидѣтелей?... Кто зналъ,

что ты, Михайла Гуровъ, уѣхалъ въ Москву, и тамъ мнѣ Жидаревъ долженъ деньги?... Вѣдь ты вель у меня расчетныя книги, и счетъ съ Жидаревымъ знаешь только ты. Вѣдь это все улики... Не отвертись ли любезный». Я рассказалъ хозяину о встрѣчѣ на желѣзной дорогѣ съ Василиемъ Ивановымъ и о своемъ подозрѣніи на него.

— Сказки это все, — отвѣчалъ Матвѣй Петровичъ... Гдѣ тебѣ отыскать этого Василия Иванова. Да и кто повѣритъ-то тебѣ?... Не отговаривайся! Вѣрь моему слову, изгнѣешь ты по острогамъ, да на каторгѣ въ Сибири. Жалко мнѣ тебя, вотъ что... Лучше послушай-ка моего совѣта. Такъ и быть, вину твою я прощаю. По моей просьбѣ частный приставъ еще не передавалъ твоего дѣла къ слѣдователю, я упрошу и совсѣмъ не передавать, если ты по совѣсти разочтешься со мною... А то пропадешь...

— Чѣмъ же я, говорю, Матвѣй Петровичъ, разочтусь съ вами?... Денегъ вашихъ я не бралъ, а достатки наши вамъ извѣстны.

— Бралъ ли ты, нѣтъ ли, или задѣлъ куда, а можетъ и прокутилъ въ Москвѣ, я не спрашиваю... Богу дашь отвѣтъ за это. Но мнѣ же не терять напрасно имущества... Какъ разочтемся? Да вотъ какъ: у меня зажитыхъ тобою есть сто рублей, да годика два съ половиною у меня прослужишь, вотъ и будемъ квиты... Сейчасъ денегъ отъ тебя не требую. Дай обязательство и квитъ. Тотчасъ же ты будешь выпущенъ на волю.

— Дайте, Матвѣй Петровичъ,—прошу,—хоть денегъ подумать... Не виноватъ я ни въ чемъ, видитъ Богъ, не виноватъ...

— Думай-то ты, думай, да не раздумывай!... Эй, Михайла! придется раскаяваться горькими...

Въ вечеру ко мнѣ въ часть пришла мать. Обливается вся, голосить; боится, какъ бы я въ Сибирь не угодилъ, и просить покориться хозяйской волѣ.

Дѣлать было нечего, я согласился. Ну и киснулъ въ кабалѣ два съ половиною года... Мѣсяца съ два, какъ только изъ кабалы вышелъ. Все пошло прахомъ. Домъ непоправленный совсѣмъ обвалился, въ городѣ обо мнѣ пошла дурная слава, иной чуть не въ глаза называетъ мошенникомъ и не вѣрить моему несчастію. Невѣсты лишился, отецъ отдалъ ее силою за другого...

— А все, паренекъ, ты самъ виноватъ таки много, — отозвался словоохотливый купецъ въ лисьей шубѣ.

— Чѣмъ же?...

— Тѣмъ... Лиходѣй-то тебѣ встрѣтился, точно лихо-дѣй, и опять на счетъ депешъ, — дѣйствительно не порядокъ; да слѣдовало бы тебѣ объ эфтомъ молчать! Тогда бы и горя никакого не было. Хорошій прикащикъ, а тѣмъ болѣе который ведетъ книги, никогда не станеть про хозяйскія дѣла всякому встрѣчному болтать на дорогѣ. Ну, и пеняй на себя!... Нельзя же, чтобы хозяйскія деньги, да еще пятьсотъ рублей невзначай улизнули... Ну вотъ у тебя твой языкъ и обрѣзали.

А. Шляревскій.

Счетоводство какъ наука и какъ навыкъ.

Говорятъ, что счетоводству учить не школа, а практика, и что не практики научаются въ школѣ, а напротивъ того, ученики, по выходѣ изъ школы, учатся у практиковъ.

Такой упрекъ школѣ заслуживаетъ вниманія, въ особенности въ настоящее время, когда, съ открытiемъ, въ реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, комерческихъ отдѣленій, введено въ курсы преподаваніе и счетоводства, и когда на реальныя училища возложена весьма серьезная задача — готовить будущихъ счетоводовъ.

Въ интересахъ преподавателей реальныхъ училищъ лежитъ — снять подобный упрекъ со школы и поставить преподаваніе счетоводства на такую высокую степень, чтобы не ученики реальныхъ училищъ переучивались у практиковъ, а наоборотъ, чтобы практики учились у учениковъ реальныхъ училищъ.

Ясно уже изъ самаго содержанія упрека о существованіи въ обществѣ понятія о какихъ то различныхъ двухъ счетоводствахъ: о счетоводствѣ *практики*, которому «*навыкаютъ*» на практикѣ, и о счетоводствѣ школы, которому «*научаются*». Практическое счетоводство находится въ рукахъ людей, *навыкшихъ* къ счетоводству, между тѣмъ какъ школьное — въ рукахъ людей *учившихся*.

Очевидно, что если изслѣдовать и отыскать разницу

между счетоводствомъ практики или, такъ сказать, счетоводствомъ *навыка*, и счетоводствомъ школы или счетоводствомъ *науки*, если выяснить эти два вида счетоводства, то, въ этомъ случаѣ, школа можетъ внести въ предметъ преподаванія то, чего не достаетъ ей, и этимъ путемъ пополнить пробѣлъ въ преподаваніи и поставить учениковъ реальныхъ училищъ на такую степень знанія, чтобы не они переучивались у практиковъ, а практики у нихъ *)

Какое же счетоводство можетъ быть названо счетоводствомъ *навыка* и какое—счетоводствомъ *науки*?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо прежде всего изслѣдовать историческое развитіе счетоводства. Затѣмъ, необходимо сличить между собою два руководства, изъ которыхъ въ одномъ преобладаетъ счетоводство *навыка*; въ другомъ, напротивъ того, счетоводство *науки*. Наконецъ, можно сопоставить разныя мнѣнія о счетоводствѣ, изъ которыхъ одно относится къ счетоводству чистаго *навыка*, другое—къ счетоводству чисто научному.

Разсмотримъ все это по порядку.

1) *Историческое развитіе системъ счетоводства.* Въ историческомъ развитіи счетоводства мы встрѣчаемъ прежде всего, что въ первобытномъ состояніи люди ограничивались простымъ пересчетомъ своего имущества. Такъ, еще древніе патріархи, желая знать свои стада, прибѣгали къ пересчету ихъ, и говорили: стадо «умножися», если при пересчетѣ оказывалось болѣе того, сколько было, и наоборотъ, стадо «уменьшися», если при пересчетѣ оказывалось менѣе того, сколько насчитано было прежде. Отъ такого порядка унаслѣдована нами инвентарная книга, которая есть ни болѣе, ни менѣе, какъ опись нашего

*) Авторъ не имѣетъ здѣсь въ виду *навыкъ* къ труду. *Навыкъ* необходимъ не въ одномъ счетоводствѣ, но въ каждомъ дѣлѣ. Можно сдѣлаться трудолюбивымъ и въ школѣ, можно втянуться въ трудъ, во всякомъ дѣлѣ и во всякомъ мѣстѣ; рѣчь идетъ не о привычкѣ трудиться, а о недостаткѣ въ школѣ практичныхъ свѣдѣній.

состоянія, представляющая съ первобытнымъ перечетомъ лишь ту разницу, что въ письменномъ счетоводствѣ, при составленіи инвентаря, дѣйствиности переписываются на бумагу, переоцѣниваются и выражаются въ денежныхъ единицахъ. Впослѣдствіи, съ появленіемъ кредита и съ развитіемъ торговыхъ оборотовъ, начали являться періодическія записи этихъ оборотовъ. Такъ, первоначально явились записи долговъ, которыя велись прежде на двухъ дощечкахъ или на пергаментахъ, изъ коихъ на одной сторонѣ записывалось, сколько намъ должны, а на другой—сколько мы должны. Рядомъ съ этими начали записывать и другія дѣйствиности. Такъ, явились книги: кассовая, товарная; съ появленіемъ же акцій, фондовъ, векселей—книги: акціонная, билетовъ и облигацій, вексельная и другія *).

Въ этомъ первоначальномъ видѣ счетоводства, которое передается и въ наше время подъ названіемъ простой системы, всѣ частныя формы его создаются безъ особыхъ научныхъ приемовъ, чисто по индивидуальнымъ взглядамъ человѣка. Каждый создаетъ здѣсь форму, соотвѣтствующую его личнымъ взглядамъ и воззрѣніямъ. Веденіе счетоводства по этимъ формамъ дается лишь вслѣдствіе *простого навыка, такъ какъ въ этихъ формахъ не вложено еще, какъ мы увидимъ ниже, никакого научнаго правила, которое дало бы имъ опредѣленное разъясненіе и толкованіе.*

Мало по малу количество счетоводныхъ книгъ начало увеличиваться. Для того, чтобы составить изъ этихъ книгъ

*) Первобытный видъ счетоводства можно замѣтить и въ наше время у торговцевъ-разнощиковъ, которые, пересчитывая отъ времени до времени наличныя деньги и остатки товара, судятъ по оказавшейся наличности о прибыльности торга. Первоначальныя же затѣмъ формы счетоводства также можно замѣтить на биржахъ, въ записяхъ на стѣнахъ и. т. п. поселенъ, имѣющихъ то же назначеніе—знать расчеты съ должниками, займодавцами, заказчиками, рабочими, и видѣть наличные остатки долговъ и разныхъ дѣйствиностей.

какіе нибудь выводы, создавались каждый разъ новыя формы, въ которыя выбирались изъ остальныхъ книгъ требуемыя для извѣстныхъ соображеній цифры. Съ накопленіемъ такимъ образомъ разнородныхъ формъ, начали чувствовать необходимость въ повѣркѣ ихъ. Между тѣмъ повѣрка такого счетоводства могла быть сдѣлана только посредствомъ сличенія одной книги съ другою, т. е. способомъ, которому можно дать названіе: «*корректирный способъ повѣрки*». Ясно, что при корректирномъ способѣ повѣрки открытіе ошибокъ въ счетоводныхъ книгахъ стало въ зависимость отъ сосредоточенности вниманія, отъ силы зрѣнія, отъ знанія, способности и добросовѣстности лицъ, дѣлающихъ такимъ путемъ повѣрку. Но, если только вниманіе будетъ развлечено, зрѣніе утомлено, незамѣтно для насъ самихъ, или если человѣкъ не имѣетъ знанія или способности, то въ этомъ случаѣ, ошибки могутъ оставаться неоткрытыми. Недостаточность корректирнаго способа повѣрки можно видѣть и на печаткахъ, встрѣчаемыхъ въ печатныхъ сочиненіяхъ, и являющихся чисто вслѣдствіе того, что у корректора вниманіе и зрѣніе, можетъ бы незамѣтно для него самого, утомлены, или же, что онъ, въ силу своей разсѣянности, не можетъ сосредоточить свое вниманіе на каждой печатной буквѣ. Недостаточность такого способа повѣрки признана была еще четыре вѣка тому назадъ, и особенно она сдѣлалась чувствительною въ то время, когда торговля въ XV вѣкѣ начала развиваться и принимать широкіе размѣры. Въ это то время одинъ изъ ученыхъ, именно монахъ Пачіоло, занимался переводомъ съ арабскаго языка математическихъ наукъ. Къ нему то, какъ къ ученому, обратились купцы за рѣшеніемъ затрудненій, встрѣчаемыхъ ими при веденіи и въ особенности при повѣркѣ ихъ счетоводства.

Чтобы объяснить себѣ, какимъ образомъ Пачіоло нашелся рѣшить эту задачу, необходимо сказать, что при

всемъ разнообразіи формъ счетоводныхъ, выработалось уже понятіе, замѣчаемое нами еще на первоначальныхъ дощечкахъ — группировать суммы — особо приходныя и особо расходныя, и располагать ихъ въ видѣ двухстороннихъ счетовъ — на одной сторонѣ приходъ, на другой — расходъ. Монахъ Пачіоло, подмѣтивъ существовавшее уже понятіе о двухстороннемъ расположеніи счетовъ и занимаясь уравненіями, задался такою мыслью, что если записывать *всѣ*, безъ исключенія, дѣла по два раза, то они дадутъ въ сложеніи два равныхъ итога, — по одному на каждой страницѣ, и по нимъ то и можно будетъ судить о вѣрности счетоводства, т. е. въ случаѣ, если этихъ двухъ равныхъ величинъ не получилось бы, это указывало на несомнѣнное существованіе ошибки: на одну изъ страницъ попала не та сумма, которая слѣдовала. Но такъ какъ часто въ самыхъ дѣлахъ не достаетъ другой стороны, напр. при внесеніи въ книги остатковъ, процентовъ и т. п., то ради полученія этого признака вѣрности пришлось дѣлать подставные счета. Такъ явились подставные счета баланса, капитала, прибыли и убытка и т. д. Такъ Пачіоло внесъ въ счетоводство впервые правило двойной записи ради признака вѣрности — равенства дебета и кредита. Тутъ не практика научила разумъ, а ученый научилъ практику; не онъ, Пачіоло, поучился у практиковъ, а напротивъ того, практики поучились у Пачіоло какъ путемъ выдуманныхъ подставныхъ счетовъ дойти до полученія изъ всего внутренняго содержанія своихъ книгъ двухъ равныхъ итоговъ — признака вѣрности всего труда.

Мы видимъ, что всѣ практики, желавшіе устроить свое счетоводство по двойному способу Пачіоло, должны были подчиниться этому его правилу, и въ формахъ такъ названной двойной системы замѣчается однообразіе въ расположеніи счетовъ такого рода, которое даетъ возможность получить эти двѣ равныя величины. Строй счето-

водныхъ формъ приобретаетъ уже научный характеръ, которому не школа учится у практиковъ, а на оборотъ практики у школы.

Но при выполненіи двойной записи счетоводы принуждены были примѣнить это правило только къ общимъ итогамъ, или такъ сказать къ сокращеннымъ счетамъ. Сокращеніе это явилось, въ однихъ случаяхъ, опущеніемъ въ книгахъ собственно относящихся до двойной системы (книги: главная и пробнаго баланса) — *количества* цѣнностей: въ другихъ случаяхъ — группированіемъ цифръ въ общіе счета (напримѣръ: въ одинъ общій счетъ товаровъ—всѣ товары, въ общій счетъ акцій—всѣ акціи, въ общій счетъ векселей—всѣ векселя и. т. п.). Въ третьихъ же случаяхъ, сокращеніе это проявляется еще въ томъ, что и въ эти общіе счета начали вносить суммы лишь общими мѣсячными итогами. Между тѣмъ нельзя было устранить необходимости дѣлать учетъ каждой отрасли товара особо и, вслѣдствіе этого, нельзя было обойтись безъ книгъ подробныхъ счетовъ, образовавшихся еще до Пачіоло, каковы: товарная, текущіе счета, позднѣе книга акцій, фондовъ, векселей и. т. п.

Такъ явилось два порядка счетоводства: одинъ — подробный, представляющій характеръ первоначальнаго счетоводства, къ нему относятся побочныя книги: акцій, фондовъ, товарная, вексельная, текущихъ счетовъ и т. д.; другой — сокращенный, представляющій видъ двойной системы, — выборки, журналъ, главная и балансовая книги. Первый изъ нихъ составляетъ до сихъ поръ, какъ и прежде, счетоводство, такъ сказать, навыка, гдѣ каждый счетоводъ создавалъ для себя форму по-своему взгляду, между тѣмъ, какъ другой порядокъ, сокращенный, подчинился научному правилу двойной записи.

Къ концу прошлаго столѣтія выяснилась и укрѣпилась мысль о необходимости вести двѣ различнаго рода записи — одну хронологическую, другую систематическую.

Это вытекало изъ того, что при развитіи торговыхъ оборотовъ не было времени записывать сдѣлку въ моментъ ея совершенія, прямо въ тѣ счета, до которыхъ дѣло коснулось. Гораздо легче, въ моментъ совершенія, записать ихъ сначала на память или, какъ-бы, на-скоро, на-черно, чисто механическимъ путемъ, съ тѣмъ, чтобы уже въ свободное время перенести эти обороты въ подлежащія счета.

Эти два различные вида записей дали англійскому счетоводу Джонесу мысль создать новыя научныя правила и новые признаки вѣрности счетоводства, состоящія въ томъ, что всѣ суммы записываются—одинъ разъ въ хронологическомъ видѣ (дневная книга), какъ-бы на память, а другой разъ въ счета (главная книга), и затѣмъ въ общихъ итогахъ сличаются: приходный итогъ съ приходнымъ, а расходный итогъ съ расходнымъ. Тутъ мы встрѣчаемся съ новыми признаками вѣрности счетоводства ¹⁾. Приходный итогъ въ системѣ Джонеса не равенъ расходному и двѣ стороны счетовъ не равны между собою, какъ это мы видѣли въ двойной системѣ. Но равенство это проявляется при сравненіи хронологической книги (дневной) съ систематическими счетами (главная книга), въ томъ смыслѣ, что итогъ въ дневной книгѣ равенъ итогу въ главной, приходный — приходному, расходный — расходному. Здѣсь опять внесено въ счетоводство новое научное правило, и не практика предписывала школѣ, а напротивъ, сама она должна была подчиниться, если хотѣла примѣнить у себя признаки вѣрности Джонеса, его научнымъ приѣмамъ и выполнить ихъ. Въ противномъ случаѣ, они не могли бы пользоваться выгодами его научнаго указанія.

¹⁾ Изобрѣтеніе Эдуарда Джонеса и его мысли оцѣне всего изложены на русскомъ языкѣ, въ книгѣ: англійская система торговаго счетоводства, подлинное сочиненіе изобрѣтателя этой системы Эд. Джонеса. Переводъ Ив. Юрина и И. Турченинова. Дрезденъ 1871 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Въ позднѣйшее время, съ дальнѣйшимъ развитіемъ торговыхъ оборотовъ, съ образованіемъ компаній, товариществъ, обществъ, съ цѣлью промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, внесена въ счетоводство новая потребность, потребность отчета. Отчетъ этотъ является необходимымъ, какъ въ отношеніи приказчиковъ и счетоводовъ къ своимъ хозяевамъ, такъ, въ особенности, въ отношеніи товариществъ и акціонерныхъ компаній предъ своими компаньонами, акціонерами, а въ случаяхъ банкротства, отчетность становится необходимою со стороны хозяина передъ массою своихъ кредиторовъ. Это-то новое понятіе и нѣкоторыя другія подробности, выработанныя уже позднѣйшею практикою, подали мысль, пишущему эти строки, ввести въ систему счетоводства, сверхъ бывшихъ еще во времена Джонеса хронологической и систематической записи, также и отчетную параллель, и предложить новое научное правило: три равныя величины (хронологическая, систематическая и отчетная), отъ которыхъ новая система получаетъ названіе тройной системы счетоводства.

На ряду съ этимъ возникаетъ потребность упраздненія допущенныхъ по мысли Пачіоло подставныхъ или выдуманныхъ счетовъ.

Правило монаха Пачіоло создать во чтобы то ни стало двѣ стороны—дебитора и кредитора (приходъ и расходъ), и подставлять выдуманные, гдѣ недостаетъ натуральныхъ, не можетъ быть допущено. Необходимо признать еще третью сторону, именно результатъ или уменьшенія или увеличенія капитала хозяина,—эту-то третью сторону и вводитъ въ счетоводство впервые во всей ея цѣльности тройная система.

Итакъ, путемъ историческаго изслѣдованія развитія счетоводства, мы дошли до позднѣйшаго времени и видѣли что формы, создаваемыя первоначально путемъ простаго навыка, подчинялись съ теченіемъ вѣковъ научнымъ пра-

виламъ, предложеннымъ въ XV вѣкѣ ученымъ монахомъ, въ XVIII вѣкѣ англичаниномъ Джонесомъ и т. д.

Поищемъ теперь разницу между счетоводствомъ навыка и науки въ болѣе яркомъ видѣ, въ существующихъ учебникахъ.

2) *Сопоставленіе учебника о счетоводствѣ навыка съ учебникомъ о счетоводствѣ науки.* Для такого сопоставленія всего лучше можетъ служить учебникъ г. Рейнбота, старшаго преподавателя двойной системы счетоводства въ петербургскомъ комерческомъ училищѣ, въ которомъ преобладаетъ счетоводство навыка, съ русскою тройною системою, въ которой преобладаетъ счетоводство науки.

Само собою разумѣется, что здѣсь не мѣсто разсматривать различіе между двойною и тройною системами счетоводства. Для того, кто желаетъ уяснить себѣ это различіе, служатъ самыя сочиненія пишущаго эти строки: съ одной стороны—простая, двойная, англійская и другія старыя системы счетоводства, въ двухъ сводахъ—вѣрномъ и утаечномъ, одобренныя ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, для фундаментальныхъ библиотекъ реальныхъ училищъ, съ другой—о новой тройной системѣ счетоводства. Въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ проведено одно и то же счетоводство, на однѣхъ и тѣхъ же задачахъ, въ одномъ и томъ же порядкѣ, подъ одними и тѣми же нумерами счетовъ, такъ что, открывъ любой счетъ или любую задачу, сейчасъ же можно видѣть и разницу записей по простой, двойной, англійской и другимъ системамъ, съ одной стороны, и по тройной—съ другой. Сводъ утаечный помогаетъ изученію счетоводства нагляднымъ указаніемъ на слабыя мѣста, открытыя для ошибокъ и т. д.

Такое сопоставленіе различныхъ системъ между собою въ полномъ наглядномъ практическомъ счетоводствѣ, (какъ бы веденномъ на самомъ дѣлѣ въ торговомъ домѣ)

достаточно уже служить къ тому, чтобы сдѣлать излишнимъ дальнѣйшія разъясненія его въ журнальной статьѣ. Здѣсь мы коснемся только поставленнаго вопроса, и постараемся отличить счетоводство навыка отъ счетоводства науки. Такое разъясненіе можно сдѣлать на частныхъ примѣрахъ. Возьмемъ для такого примѣра хоть форму товарной книги въ учебникѣ г. Рейнбота и сопоставимъ ее съ формою той же самой товарной книги въ русской тройной системѣ счетоводства. Вглядитесь, читатель, въ обѣ эти формы, въ ихъ строй, въ ихъ разлировку. Вы, напримѣръ, замѣтите въ учебникѣ Рейнбота отсутствіе цѣнъ на купленные товары, присутствіе отдѣльныхъ графъ для марокъ и т. п. Можно ли объяснить учащемуся какимъ-нибудь разумнымъ основаніемъ отсутствіе въ товарной книгѣ, хотя напр., цѣнъ?

Возьмемъ теперь форму товарной книги тройной системы. Объясняется ли въ ней научнымъ образомъ потребность особыхъ графъ для суммы денегъ, для цѣнъ и для количества предметовъ? Да, оно объясняется (теорія § 24). Объясняется ли, почему графы количества предметовъ сближены между собою; почему графа цѣнъ поставлена рядомъ съ количествомъ предметовъ, почему для графы суммы денегъ отводится ближайшее къ тексту мѣсто и т. п.? На всѣ эти вопросы преподаватель можетъ найти самыя подробныя объясненія въ теоріи русской тройной системы счетоводства (§§ 24, 25 и 26). Очевидно, что при составленіи формъ, встрѣчаемыхъ въ учебникѣ Рейнбота, критическій анализъ не участвовалъ. Формы эти къмъ-то, когда-то, составлены путемъ навыка и такъ перепечатаны въ учебникъ. При перепечаткѣ этихъ формъ упущены были изъ виду тѣ требованія, которыя заявляетъ практика.

Въ позднѣйшее время, самъ г. Рейнботъ, въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, за октябрь мѣсяцъ, между прочимъ заявляетъ, что «въ счетоводствѣ ошибки

могутъ быть открыты путемъ перемноженія количества купленнаго товара на цѣну». Но какъ же сдѣлать это перемноженіе, когда въ товарной книгѣ нѣтъ цѣнъ? Какъ же выполнить это практическое требованіе — повѣрки путемъ перемноженія, когда въ товарной книгѣ нѣтъ одного изъ множителей, именно — цѣнъ? Если мы желаемъ внести въ счетоводство правило — дѣлать повѣрку посредствомъ перемноженія, то для этого, прежде всего, мы должны внести въ учебникъ правило—выставлять въ товарныхъ счетахъ: во-первыхъ, множимое (количество предметовъ); во-вторыхъ, множитель (цѣны имъ); въ-третьихъ, произведеніе (сумму въ рубляхъ и копейкахъ), и, наконецъ, сумму отбрасываемыхъ или прибавляемыхъ мелкихъ цифръ для округленія дробей, такъ какъ съ одной стороны не возможно же вводить въ счетоводство дроби, съ другой — не урегулированное отбрасываніе ихъ устранило бы возможность повѣрки и оказалось бы неизвѣстнымъ, происходитъ ли неточность вслѣдствіе отбрасываемыхъ въ цѣнахъ дробей, которыя на крупныхъ количествахъ дѣлаютъ большую разницу, или же неточность является отъ ошибки въ помноженіяхъ. Только тогда, когда мы поставимъ такое правило, мы можемъ примѣнить къ нему способъ перемноженія и даже возвести его на степень признака вѣрности счета. Только въ этомъ случаѣ, школа можетъ разъяснить ученикамъ, для чего именно вводится въ формахъ товарныхъ счетовъ и множимое и множитель и произведеніе, т. е. и количество и цѣна и сумма и отбрасываемая или прибавляемая для округленія дроби, и только въ этомъ случаѣ, формы могутъ быть разъяснены учащимся научнымъ образомъ, и ученики отнесутся къ нимъ съ полнымъ сознаніемъ значенія и пользы такихъ формъ. Подобныя, выясненныя уже разумомъ, требованія счетоводства заставятъ практиковъ подчиниться этимъ требованіямъ, и тогда не ученики будутъ учиться у практиковъ такой формѣ, ко-

торая не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ и составлена когда то, какимъ-то, можетъ быть счетоводнымъ знахаремъ, а наоборотъ практики, услыша разумныя основанія учениковъ о строгихъ формахъ, волей-неволею должны будутъ поучиться у нихъ, у учениковъ реальныхъ училищъ.

Мы ограничимся этимъ примѣромъ. Совершенно достаточно выясняется изъ него два различные способа счетоводства, именно формы счетоводства навыка и формы счетоводства науки. Намъ становится понятнымъ, что ученики, выходящіе изъ школы, встрѣчаясь на практикѣ съ формами, созданными путемъ навыка, и необъяснимыми никакими логическими доказательствами, не могутъ разумно относиться къ нимъ, и должны, въ силу создаваемаго уваженія къ практикѣ, привыкать къ этимъ формамъ, значенія и пользы которыхъ они не понимаютъ, потому что ихъ тутъ не вложено, не существуетъ.

Совершенно въ другомъ родѣ можетъ представиться дѣло, если только ученики усваиваютъ себѣ въ школѣ правило—объяснять себѣ формы разумными основаніями. Въ этомъ случаѣ, встрѣчая на практикѣ формы, не имѣющія разумнаго основанія, и привыкнуши анализировать ихъ, они сразу стѣмѣются указать въ любой формѣ недостатокъ, объяснить, доказать его практикамъ, и такимъ образомъ не подчинятся нелѣпымъ формамъ, а наоборотъ другихъ подчинятъ своимъ научнымъ требованіямъ.

Изъ сказаннаго намъ уже выясняются два совершенно различныхъ способа созданія счетоводныхъ формъ. Однѣ счетоводныя формы создаются въ силу чистаго навыка къ нимъ, и при этомъ самъ составитель формы часто не можетъ отдать себѣ отчета, для чего онъ упустилъ цѣны въ товарной книгѣ, для чего, напримѣръ, другіе упускаютъ количество предметовъ въ тѣхъ же товарныхъ книгахъ ¹⁾, для чего, наконецъ, третьи упускаютъ изъ

¹⁾ См. простая, двойная, англійская и др. старыя системы счетоводства, счета №№ 31, 62, 63 и 70.

этой формы произведеніе или сумму денегъ, ограничиваясь только однимъ количествомъ ¹⁾?

Напротивъ того, формы, которыя можно назвать формами науки, представляются совершенно въ другомъ видѣ. Здѣсь, цѣлымъ рядомъ наблюденій, пришли къ открытію той истины, что если только одно изъ чиселъ: дѣлимое, дѣлитель, частное или отбрасываемая дробь будутъ изъ формы устранены, или если эти цифры будутъ разлучены между собою, напр., множимое (дѣлимое) въ одной книгѣ, произведеніе въ другой и т. п., то такой порядокъ можетъ повести къ ошибкамъ въ счетоводствѣ, отъ которыхъ до злоупотребленія—одинъ шагъ. Эти-то наблюденія навели на мысль внести въ счетоводство такое правило, чтобы всѣ эти четыре числа (дѣлимое, дѣлитель, частное и отбрасываемая дробь) были сближены между собою и поставлены рядомъ. Только при этихъ условіяхъ устраняется возможность ошибокъ въ счетоводствѣ, и достигается вмѣстѣ съ тѣмъ возможность объяснить ученику тѣ основанія, которыми руководствовался человѣкъ, составившій подобную форму, и ту опасность, которая можетъ происходить въ счетоводствѣ отъ несоблюденія этого правила. А разъ уже такое правило является какъ законъ выведенный изъ цѣлаго ряда наблюденій и анализа, то оно можетъ назваться научнымъ.

3) *Сопоставленіе двухъ разныхъ мнѣній, относящихся—одно къ счетоводству навыка, другое—къ счетоводству науки.* Послѣ сказаннаго выше, становятся совершенно понятны встрѣчаемые въ одномъ и томъ же журналѣ министерства народнаго просвѣщенія два противоположныя мнѣнія, съ одной стороны высказанныя въ августовской книжкѣ г. В. Т.—ргъ, съ другой — г. А. Б., въ октябрьской книжкѣ. Оба эти мнѣнія совершенно правдивы; обѣ стороны правы. Разница въ мнѣніяхъ за-

¹⁾ Тамъ же, счеты №№ 66 и 69.

ключается лишь въ томъ, что г. А. Б. имѣеть въ виду счетоводство навыка и формы учебника Рейнбота, которыя не могутъ быть объяснены никакимъ научнымъ образомъ; между тѣмъ какъ г. В. Т—ръ говоритъ о счетоводствѣ научномъ. Ясно изъ статьи г. А. Б. что онъ, получивъ навыкъ къ счетоводству, не познакомившись нигдѣ съ тѣми правилами, которыя выведены изъ ряда научныхъ наблюдений и не подозрѣвая даже, что они имѣютъ научныя объясненія, совершенно правъ въ своемъ кругѣ воззрѣній, ограниченныхъ узкою рамкою счетоводнаго значарства, навыка. Напротивъ того, г. В. Т—ръ выучилъ и усвоилъ себѣ научныя начала счетоводства и, съ своей стороны, совершенно правъ, имѣя въ виду счетоводство науки.

Тутъ намъ выясняется, что счетоводство можно разсматривать не только какъ *навыкъ*, но и какъ *науку*, мы открываемъ, что нѣкоторыя правила его имѣютъ чисто научный характеръ. Мы выяснимъ себѣ это понятіе, заглянувъ, напр., въ академическій словарь, или въ толковый словарь живого великорусскаго языка В. И. Даля. «Наукою», толкуютъ словари, «зовутъ не одинъ только навыкъ, а разумное и связанное знаніе: полное и порядочное собраніе опытныхъ и умозрительныхъ истинъ, какой-либо части знанія; стройное, послѣдовательное изложеніе особой отрасли, вѣтви свѣдѣній. Математическая наука обширная, сама распадающаяся на многія частныя науки. Научный, до науки относящійся. Научное образованіе, на наукѣ основанное» и т. п. «Научи, какъ тутъ быть, дай ума»... спрашивали купцы у Пачіоло, изобрѣтателя двойной системы.

Толкованія эти сами по себѣ такъ ясны, что не требуютъ особыхъ поясненій.

Въ счетоводномъ дѣлѣ рядъ умозрительныхъ наблюдений приводитъ къ открытію такихъ напр. истинъ, что въ книгахъ и счетахъ могутъ остаться скрытыми обманы,

утайки, ошибки, если напр. исключить изъ товарной книги цѣны, если эту товарную и другія книги оставить сбоку баланса, неподчиненнаго научнымъ признакамъ вѣрности, и. т. д. А все то, что выведено изъ ряда наблюдений умозрительныхъ, всѣ правила, законы, являющіеся какъ послѣдствія раскрытыхъ истинъ, скорѣе могутъ назваться наукою, научными, нежели навыкомъ, искусствомъ, ремесломъ.

Отъ будущихъ учителей реальныхъ училищъ конечно будетъ зависѣть разъясненіе ученикамъ пользы, значенія и научныхъ началъ, внесенныхъ въ каждую систему и форму, и такіе-то ученики, относящіеся къ дѣлу съ полнымъ сознаниемъ счетоводнаго строя формъ, найдутся въ каждомъ дѣлѣ и примѣнять эти научные приемы къ дѣлу, и отсюда—не ученики реальныхъ училищъ будутъ учиться у практики, а напротивъ того, практика должна будетъ обратиться къ знанію ученика. Но устраните изъ школы научныя начала системъ и формъ, какъ это сдѣлано, напр., въ учебникѣ г. Рейнбота и въ статьѣ г. А. Ю., и вы отнимете отъ ученика знаніе.

«Обманы, утайки» и. т. п., говоритъ А. Б. «относятся къ предмету уголовного правосудія, а не школы». Не говоря уже о томъ, что мнѣніе это, по меньшей мѣрѣ, не согласно съ званіемъ учителей реальныхъ училищъ, такъ какъ каждому изъ нихъ должно быть присуще желаніе—не видѣть на скамьѣ подсудимыхъ своихъ учениковъ, надо спросить: откуда же уголовное правосудіе получить настоящихъ экспертовъ для рѣшенія счетоводныхъ вопросовъ? Счетоводству предстоитъ занять такое же мѣсто въ дѣлахъ правосудія, какое въ настоящее время занимаетъ судебная медицина. Если, по мѣрѣ успѣховъ судебной медицины, знахарство теряетъ свое прежнее значеніе, то и по мѣрѣ успѣховъ научнаго счетоводства, счетоводные знахари станутъ играть точно такую же роль, какая отводится теперь въ общественномъ мнѣніи, быв-

шимъ въ старыя времена во всеобщемъ почтеніи знахарямъ, лечившимъ по деревьямъ. Если судебная медицина, на основаніи научныхъ данныхъ, можетъ дать уголовному правосудію болѣе или менѣе точный и вѣрный экспертизъ, то и счетоводная наука, точно также должна представить уголовному же правосудію вѣрныхъ и, по возможности, точныхъ экспертовъ не изъ счетоводныхъ знахарей, а изъ счетоводовъ ученыхъ.

Монахъ Пачіоло, изобрѣтатель двойной системы счетоводства, менѣе всѣхъ былъ практикомъ — счетоводомъ, менѣе всѣхъ имѣлъ навыкъ къ нему, и нѣсколько странно, что напр. г. А. Б. и другіе защитники двойной системы, указывая на то, что тройная система изобрѣтена больше теоретикомъ, чѣмъ практикомъ, напоминаютъ пословицу: «въ чужомъ глазу сучокъ мы видимъ, въ своемъ бревна не замѣчаемъ». Они не хотятъ замѣтить того, что ихъ изобрѣтатель былъ ученый монахъ, а не практикъ — счетоводъ, и что они сами, становясь на сторону монаха, доказываютъ, что поклоняются не практикѣ, а ученому монаху.

Простая система не имѣетъ никакой научной обработки, никакихъ научныхъ данныхъ. Это ясно изъ сказаннаго выше. Это же ясно изъ мнѣній всѣхъ вообще пишущихъ и писавшихъ о простой системѣ. Этого не будетъ оспаривать никто. Такъ какъ здѣсь не участвуетъ еще научное правило Пачіоло, то за простую систему особенно никто и не стоитъ. Но вѣдь побочныя книги двойной системы тѣ же, что и книги простой системы. Въ учебникѣ самаго г. Рейнбота и всѣхъ остальныхъ мы находимъ, что побочныя книги ведутся одинаково, какъ по простой, такъ и по двойной системамъ счетоводства. Читатель, заглянувши лишь бѣгло въ учебникъ Рейнбота, убѣдится въ этомъ. И такъ, вспомогательныя книги двойной системы точно также, какъ и всѣ книги простой системы, не имѣютъ ни какой научной обработки.

Эти-то книги и получают ее теперь въ новой тройной системѣ. Внесеніемъ въ школу научной обработки именно тѣхъ книгъ, которыя до сихъ поръ составляютъ область счетоводнаго знахарства, ремесла, навыка, именно можно пополнить тотъ недостатокъ въ реальныхъ училищахъ, который ведетъ за собою непониманіе со стороны ученика такихъ сочиненныхъ навыкомъ книгъ, которыхъ непонималъ напр. и самъ учитель г. Рейнботъ, исключившій невѣсть для чего даже цѣны изъ товарной книги, пондобившіяся самому же ему, г. Рейнботу, когда коснулась рѣчь объ ошибкахъ въ подобныхъ ремесленныхъ формахъ его учебника. Только послѣ того, какъ перестануть сочинять и линовать формы, чисто по знахарски, не отдавая самому себѣ отчета и не понимая даже, для чего человѣкъ сочинилъ ту или другую форму, для чего исключилъ изъ товарной формы цѣны, только когда начнутъ объяснять ученикамъ смыслъ и пользу той или другой линовки формы, только тогда изъ реальныхъ училищъ выйдутъ люди съ сознаниемъ пользы и значенія счетоводныхъ формъ, и съ такимъ сознаниемъ имъ незачѣмъ будетъ добывать у практиковъ навыкомъ того, что самъ практикъ не понимаетъ. Тутъ роли должны безспорно перемѣниться: не ученикъ реальныхъ училищъ станетъ привыкать къ неразумнымъ формамъ практика, а практикъ подчинится логикѣ и доказательной силѣ научныхъ взглядовъ ученика.

Отношенія проекта о торговой несостоятельности къ вопросу о торговомъ счетоводствѣ.¹⁾

Въ первой статьѣ (1-ый выпускъ), мы указали на важное значеніе торговыхъ книгъ въ дѣлахъ о торговой несостоятельности и познакомили читателя со взглядомъ на это купечества и лицъ, подававшихъ по этому предмету замѣчанія. Но мы не коснулись другой стороны проекта, именно, въ какой связи между собою находятся два вопроса о торговыхъ книгахъ и о торговой несостоятельности. Въ замѣчаніяхъ на проектъ о послѣдней, одесское купечество выражаетъ ту мысль, что «формы веденія книгъ, предписываемыя закономъ, слѣдовало бы отмѣнить». Московское купечество въ такихъ же замѣчаніяхъ на тотъ же проектъ идетъ еще дальше. «Порядокъ веденія конторскихъ книгъ — пишетъ оно — указанный въ 507 — 539 статьяхъ уст. торговаго, совершенно неудобенъ въ примѣненіи къ дѣлу и представляется необходимымъ «подвергнуть ихъ должному разсмотрѣнію». Мы всецѣло становимся на сторону предложенія одесскаго и московскаго купечества — правила счетоводства требуютъ

¹⁾ Статья эта была помѣщена въ «Голосѣ» 8 іюля 1872 г., № 69, но такъ какъ поднятый въ ней вопросъ еще не разсмотрѣнъ и интересъ этого вопроса еще не утраченъ, то мы напоминаемъ о ней, давая ей мѣсто въ настоящемъ, специальномъ по счетоводству сборникѣ.

пересмотра. Но московское купечество, въ своихъ замѣчаніяхъ, входитъ тутъ же въ разсмотрѣніе этихъ правилъ, предлагаетъ взаимно ихъ новыя и, тѣмъ самымъ, ставитъ два различные вопроса, какъ бы слитно, недѣлимыми одинъ отъ другого. Съ этимъ едва ли можно согласиться. По нашему убѣжденію, вопросъ о торговой несостоятельности относится къ счетному вопросу, точь въ точь, какъ вопросъ о гражданскомъ судопроизводствѣ относится къ вопросу о нотаріальныхъ актахъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ нотаріальные акты и другія доказательства составляютъ такую же почву, какъ для судовъ и конкурсныхъ собраній кредиторовъ торговля книги. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ вопросъ о торговой несостоятельности слѣдовало бы разсматривать слитно съ вопросомъ о торговомъ счетоводствѣ, Первый самъ по себѣ, а второй самъ по себѣ, подобно тому, какъ и приведенныя для сравненія вопросы о судопроизводствѣ и о нотаріальныхъ актахъ разсматривались и утверждены отдѣльно одинъ отъ другого, первый 20-го ноября 1864 года, а второй 14-го апрѣля 1866 года. Слитное разсмотрѣніе обоихъ названныхъ вопросовъ прямо повредило бы дѣлу. Вниманіе разсматривающихъ было бы развлекаемо двумя предметами, правда, тѣсно связанными между собою, тѣмъ не менѣе, касающимися двухъ различныхъ спеціальностей. Уставу о торговой несостоятельности служить основаніемъ юридическія права, между тѣмъ, какъ для вопроса о счетоводствѣ, главнѣе необходима счетная практика, наука счетоводства. Еслибъ еще послѣдняя давала уже намъ выработанныя, ясныя правила, тогда... но тогда не было бы вопроса о неясностяхъ.

Правильная постановка счетнаго вопроса всецѣло зависитъ отъ взгляда на состояніе счетной науки въ наше время. Если послѣдняя удовлетворительна, тогда и говорить не о чомъ; если же въ ней усматриваются, на примѣръ, противорѣчія и недостатки, дающіе доступъ

разнаго рода самообманамъ, тогда это будетъ значить, что счетоводство требуетъ коренного внимательнаго пересмотра. Въ виду такой чрезвычайной важности, какое имѣеть наука счетоводства на рѣшеніе постановки счетнаго вопроса, въ болѣе или менѣе глубокомъ и обширномъ значеніи, мы попросимъ читателей заглянуть вмѣстѣ съ нами въ нѣсколько извѣстнѣйшихъ учебниковъ счетоводства и, на основаніи данныхъ, которыя мы найдемъ въ нихъ, построятъ взглядъ на разсматриваемый вопросъ о счетоводствѣ. Мы не позволимъ себѣ утомлять читателя, а будемъ говорить коротко.

Прежде всего возьмемъ «Руководство конторскаго знанія», составленное старшимъ учителемъ санктпетербургскаго комерческаго училища, К. М. Клинге. На стр. 168-й, говоря о составленіи инвентарной книги, г. К. М. Клинге говоритъ, что при этомъ купцы *«новѣряютъ товарный амбаръ въ натурѣ и сравниваютъ съ товарною и амбарною книгами»*. На страницѣ же 358-й, гдѣ представлена товарная книга, Клинге записываетъ товары, слово въ слово, такъ: «1853 года апрѣля 1-го дня, осталось товаровъ въ кладовой на 55,543 рубля 15 коп.». Какъ видите, читатель, ни количества, ни названія товаровъ тутъ не записано. Какъ же «повѣрить» и «сравнить» наличный товаръ въ амбарѣ съ «товарною» книгой, если въ послѣдней всѣ товары записываются общемою массой, безъ означенія не только количества, но и названія ихъ. Очевидно, что первое правило о составленіи инвентаря исключается вторымъ, практическимъ веденіемъ товарной книги.

Возьмемъ теперь «полный курсъ коммерческой бухгалтеріи», П. И. Рейнбота, поступившаго на мѣсто г. Клинге въ то же училище старшимъ учителемъ. Въ этомъ курсѣ, по счету товаровъ на комисіи у Марка и комп. въ Москвѣ, въ четырехъ главныхъ книгахъ (на русскомъ языкѣ стр. 170, французск. 68, англійск. 58 и нѣмец. 76), пока-

зано барыша 973 руб. 86 к., а въ четырехъ товарныхъ книгахъ (на русск. языкѣ стр. 40, француз. 124, англійскомъ 116, нѣмец. 106) показано такого же барыша 988 руб. 86 к. Показанія первыхъ четырехъ счетовъ опровергаютъ показанія вторыхъ четырехъ счетовъ. Но если провѣрить эти счета, то окажется, что отъ оборота, записаннаго въ немъ, получено чистаго барыша не 973 р. 86 к. и не 988 р. 86 к., а 1,166 р. 1 к.

Въ учебникѣ «Наука счетоводства» (Die Lehre von der Buchhaltung), составленномъ бывшимъ директоромъ лейпцигскаго торговаго учебнаго института Шибе, исправляемомъ и издаваемомъ нынѣшнимъ директоромъ того же института Одерманомъ, есть противорѣчія такого рода: На стр. 331-й, подъ числомъ 12-го января, въ задачѣ сказано: «мы посылаемъ Филиппу Бацу, во Франкфуртѣ на Майнѣ, два векселя, въ томъ числѣ одинъ, подъ № 12-мъ, на Майнцъ на 256 гульденовъ 15 крейц.» Въ объясненіи подъ этою задачей Шибе и Одерманъ говорятъ: «Сумму (256 гул. 15 крейц.) мы должны выставить только тогда, когда получимъ увѣдомленіе, что вексель заплаченъ». Увѣдомленіе это, написанное 3 го февраля, получено 4-го февраля (стр. 346), то-есть, не въ январѣ а въ февралѣ. Въ увѣдомленіи вычтены издержки при полученіи 1 гульд. 15 крейц. Дѣйствительно, въ текущемъ счетѣ Филиппа Баца, въ книгѣ контокорента, на стр. 454-й и въ главной книгѣ на стр. 436-й, сумма векселя 256 гульд. 15 крейцеровъ показана за вычетомъ издержекъ 1 гульд. 56 крейц., значитъ *послѣ* полученія письма. Но за такимъ же вычетомъ сумма эта вошла и въ мѣсячный балансъ за январь, который, по правиламъ, долженъ составляться не позже 1-го февраля, т. е. не только *раньше* полученія увѣдомленія, но и *раньше* его написанія; раньше, чѣмъ издержки опредѣлились и произведены во Франкфуртѣ, онѣ уже показаны въ балансѣ въ Лейпцигѣ. Тутъ надо выбирать одно изъ двухъ. Если

хотите держаться правила о выводѣ баланса 1-го числа каждаго мѣсяца, то нельзя задерживать его ожиданіемъ увѣдомленія; если же выждать послѣдняго, то надо исключить правило о выводѣ баланса 1-го числа и замѣнить его тѣмъ временемъ, когда выдастся такой день, что все увѣдомленія пришли, если такіе дни могутъ встрѣчаться. Нельзя же дѣлать балансъ, вынувши вексель изъ портфеля и не выставивши его нигдѣ въ приходѣ. Мы не говоримъ уже о величайшей опасности для торговаго дома оставлять такимъ образомъ невыставленными въ приходѣ въ извѣстныхъ счетахъ высланные векселя до полученія увѣдомленія о платежѣ по нимъ, которые, въ случаѣ, конкурса, могутъ быть задержаны на цѣлые годы.

Въ томъ же самомъ учебникѣ Шибе и Одермана, есть и другое не менѣе важное противорѣчіе. Въ книгѣ текущихъ счетовъ имѣются для одного лица Юсифа Китчина въ Лондонѣ два счета: одинъ на страницѣ 460-й подъ названіемъ «нашъ счетъ», а на другой страницѣ 466-й, подъ названіемъ «ихъ счетъ». Поводомъ послѣднему онъ выставляетъ на страницѣ 353-й, подъ числомъ 19-го февраля, задачу, что Китчинъ въ Лондонѣ выдалъ на насъ путешественнику Георгу Вилькинсу изъ Филадельфіи кредитивъ на 200 *фунтовъ стерлинговъ*. Просимъ замѣтить *фунтовъ стерлинговъ*, и это у Шибе и Одермана не опечатка, на нихъ ведется и дальнѣйшій расчетъ на страницѣ 467-й въ графѣ «текстъ» и на другихъ. Подъ этою задачей есть такое объясненіе: «Счетъ, который г. Китчинъ имѣетъ въ книгѣ текущихъ счетовъ» (стр. 460) ведется въ *англійскихъ* деньгахъ (т. е. въ фунтахъ стерлинговъ, и это правда), «поэтому, открываемъ мы ему, г. Китчину новый счетъ». Противорѣчіе тутъ въ томъ, что въ оба счета записываются документы, написанные на одну и ту же монету— фунты стерлинги, а это отвергаетъ здравый смыслъ и исключаетъ существующее понятіе объ открытіи двухъ для одного лица счетовъ, «нашего»

и «ихъ» — на разныя монеты. Правда, Шибе и Одерманъ выставляютъ въ одномъ изъ нихъ счетъ въ талерахъ; но эти талеры подставлены самими Шибе и Одерманомъ, т. е. получены ими уже черезъ умноженіе и перемноженіе въ талеры фунтовъ стерлинговъ, а не почерпнуты, какъ бы слѣдовало, изъ дѣла послужившаго основаніемъ счета.

Въ книгѣ «Наука двойной системы счетоводства», составленной практическимъ счетоводомъ въ Нью-Йоркѣ, въ Америкѣ, Маршомъ, на страницѣ 86-й, подъ числомъ 27-го апрѣля, представлена такая задача: куплено на аукціонѣ 50 цибиковъ чая за 4,725 долларовъ и всѣ они переуступлены тамъ же другому лицу, за что получено отъ него 3%, или 141 долларъ 75 с. Эти 141 долларъ 75 с. записаны въ кредитъ въ счетъ товаровъ, на страницѣ 137-й. Совершенно точно также записаны тѣ же 141 долларъ 75 с. въ томъ же сочиненіи, напечатанномъ на англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ учителемъ счетоводства въ Глаухау, въ Саксоніи, Карломъ Вагнеромъ. Между тѣмъ, подобное показаніе въ счетѣ товаровъ небывалаго расхода въ 141 долларъ 75 с. можетъ дать поводъ къ серьезнымъ злоупотребленіямъ, именно къ уменьшенію количества сахара на эту сумму, благо она показана въ расходѣ.

Подобную утайку было бы весьма трудно открыть и замѣтить. Въ этомъ родѣ не замѣчена утайка 16 фунт. сахара въ упомянутомъ выше курсѣ П. И. Рейнбота, во всѣхъ четырехъ счетахъ сахара, на французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ.

Приведенныхъ указаній достаточно для того, чтобъ выяснитъ нашу мысль. Надо прежде сказать, что мы сдѣлали выписки не заурядъ изъ книгъ, подвернувшихся подъ руку. Дѣлая ихъ, мы думали, какія же другія сочиненія могутъ служить доказательствомъ, какъ не сочиненія двухъ преподавателей счетоводства въ высшемъ

въ Россіи санктпетербургскомъ коммерческомъ училищѣ, двухъ директоровъ лейпцигскаго торговаго учебнаго института, двухъ лицъ разныхъ странъ, практика—въ Америкѣ и учителя—въ Европѣ? Но если такіе спеціалисты своего дѣла входятъ съ самими собою въ противорѣчіе, читая на лекціяхъ въ одномъ урокѣ одно правило, а въ другомъ другое, исключаютія другъ друга, если эти противорѣчія не замѣчаются самими преподавателями дѣлыя *четверть столѣтія* и долѣе и повторяются ими въ слѣдующіе годы въ слѣдующихъ изданіяхъ, то могутъ ли быть замѣчены тѣ, хотя и нестолько, можетъ быть, важныя недостатки, какіе могутъ вкратѣ въ уставъ торговаго счетоводства, если еще этотъ уставъ будетъ разсматриваться въ тѣни, пріобщеннымъ къ другому о торговой несостоятельности, на которомъ должно будетъ сосредоточиться все вниманіе высшихъ учрежденій? Чтò мы видимъ изъ приведенныхъ примѣровъ? Отчего произошли противорѣчія названныхъ авторовъ самихъ съ собою? Можно ли сомнѣваться, что К. М. Клинге заботился о сокращеніи труда, да сократилъ его уже настолько, что исключилъ изъ товарной книги и количество и названіе товаровъ, вслѣдствіе чего собственное его правило: «повѣрять» и «сравнивать» наличный товаръ съ «товарною» книгой оказалось упраздненнымъ. Не о такомъ ли сокращеніи труда заботились и Шибе съ Одерманомъ, совѣтуя не выставлять въ текущемъ счетѣ отправленныхъ векселей? Не ясна ли тутъ мысль: «запишется, молъ, разомъ, когда получится отвѣтъ», а между тѣмъ, если ожидать его, то нельзя заключать счета, потому что вексель изъ портфеля ушелъ, а въ текущей счетъ еще не пришелъ.

Примѣнимъ теперь эти ошибки къ нашему русскому любимому коньку—выѣзжать на сокращеніи труда. Если мы видимъ, что спеціалисты своего дѣла, починая въ собственной счетной машинѣ одинъ винтикъ, расшатываютъ другой, то чтò же можно ожидать, если кто-нибудь, ме-

нѣе специалистъ, для сокращенія труда, отцѣпить отъ машины подобнымъ же образомъ болѣе или менѣе необходимую часть? Вотъ почему мы и распространяемся о приведеніи доказательствъ, такъ сказать, объ осязательномъ указаніи того, что счетный уставъ слѣдуетъ разсматривать не въ приобщеніи къ другому, а отдѣльно, не какъ побочный, второстепенный, а какъ самостоятельный и обособленный. Онъ требуетъ, какъ видимъ, глубочайшаго вниманія и осмотрительности, тѣмъ болѣе, что московскимъ купечествомъ, какъ и слѣдуетъ, затронута самая существенная сторона дѣла. Каждая мысль тутъ должна разсматриваться непременно въ связи съ цѣлымъ дѣломъ. Частныя поправки, какъ мы видимъ, здѣсь опаснѣе, чѣмъ въ другомъ дѣлѣ. Вотъ почему мы держимся того убѣжденія, что счетный уставъ нельзя разсматривать въ тѣни, приобщеннымъ къ другому.

Проектированный нынѣ уставъ о торговой несостоятельности не входитъ въ разсмотрѣніе счетныхъ формъ и не слѣдуетъ сбивать его на это. Онъ оканчивается и долженъ оканчиваться на томъ, что будущіе судьи и конкурсныя управленія должны и будутъ разсматривать торговыя книги; пока этого совершенно достаточно. Какъ бы неграмотенъ купецъ ни былъ, все же у него должны быть какія-нибудь тетради. Какъ новые суды рѣшаютъ дѣла по актамъ, совершеннымъ прежнимъ порядкомъ, такъ можно рѣшать и по нынѣшнимъ торговымъ книгамъ. Какъ уставъ о нотаріальныхъ актахъ разсматривался послѣ открытія новыхъ судовъ, такъ уставъ о торговыхъ книгахъ можетъ разсматриваться послѣ, особо. Та же самая практика, быть можетъ, въ состояніи будетъ дать въкоторыя практическія указанія на нѣкоторые пункты торговаго счетоводства.

Остается только желать, чтобъ уставъ о торговомъ счетоводствѣ, подобно уставу о торговой несостоятельности, былъ опубликованъ и выпущенъ въ продажу

съ такою же цѣлью — вызвать на него замѣчанія со стороны публики. Но въ этомъ сомнѣваться нельзя, въ виду примѣровъ по собственному почину П отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцелярїи, бывшихъ уже по нѣсколькимъ вопросамъ. Въ то время и можно будетъ коснуться какъ сущности самаго счетоводства, такъ и сущности замѣчаній о счетоводствѣ московскаго купечества.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Полный курсъ коммерческой бухгалтеріи. Составилъ П. Рейнботъ, старшій преподаватель бухгалтеріи при с.-петербургскомъ коммерческомъ училищѣ. Изданіе второе передѣланное и умноженное. С.-Петербургъ. 1876 г.

Въ первомъ выпускѣ нашего сборника, въ отдѣлѣ «библіографія», упоминая о такомъ поразительномъ фактѣ, что г. Рейнботъ, въ своей статьѣ, помѣщенной въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, въ октябрьской книжкѣ 1875 г., сознаваясь въ нѣсколькихъ ошибкахъ, сдѣланныхъ имъ въ своемъ учебникѣ, признается, что «ошибка въ 16 ф. сахара была обнаружена въ первый же годъ, (т. е. въ 1865—1866 г.) по введеніи этого учебника, какъ руководства», — мы выразили удивленіе, отчего съ тѣхъ поръ, т. е. съ конца 1865 г. или съ начала 1866 г., въ теченіи 10 лѣтъ, г. Рейнботъ равнодушно преподаетъ свой учебникъ съ ошибками, своимъ же ученикамъ, какъ будто въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, и не заботится даже ни о перепечаткѣ ошибочныхъ листовъ, ни о второмъ изданіи менѣе неряшливаго учебника.

Въ настоящее время мы, наконецъ, видимъ въ печати второе изданіе и уже, «умноженное», какъ объ этомъ выставлено на самой оберткѣ учебника.

Итакъ, новое второе изданіе имѣетъ весьма важное отличіе отъ перваго.

Первое было издано не перемноженнымъ, за недостаткомъ, какъ объясняетъ г. Рейнботъ, у него времени къ сроку (какому?..) Во второмъ онъ сдѣлалъ помноженіе. Но на этотъ разъ двойная система подшутила надъ г. Рейнботомъ на счетъ сложения и вычитанія. Въ его учебникѣ случился такой казусъ, что куплено было георгіевской хлопчатой бумаги 877 пуд. 39 ф., а по инвентарю къ концу счетоводства поставлено 878 п. 11 ф. Откуда взялись лишніе 12 фунтовъ, г. Рейнботъ и самъ не знаетъ, а двойная система этого вопроса ему не разъясняетъ.

Въ другомъ мѣстѣ, на другомъ сортѣ бумаги у него является недохватка на 12 фунт.

Я говорю не объ опечаткахъ, нѣтъ. Тутъ при сложении этихъ же пудовъ есть и опечатки напр. $9+4=$ у него 14, а не 13. Это опечатка, такъ какъ при этомъ ущерба хозяину не произошло, но что касается того, что у него на одномъ сортѣ бумаги, 12 ф. исчезло, а на другомъ сортѣ показано 12 ф. вовсе не существующихъ, то это уже не опечатка, такъ какъ цѣны на разные сорта разныя, слѣдовательно при помноженіи настоящаго количества и активъ капитала и цифры валовой и чистой прибыли получатся другія.

Ошибки эти, сдѣланныя въ инвентарной книгѣ, повторены въ книгахъ: товарной, главной, журналѣ и въ выводахъ прибыли, убытка и капитала.

Вслѣдствіе этой ошибки цифра актива является невѣрною; вслѣдъ затѣмъ является невѣрная цифра и чистаго капитала къ концу счетоводства, точно также не вѣрна цифра валовой и чистой прибыли.

Не понятно, какъ наконецъ, г. Рейнботъ не понимаетъ, что правила его клиентки—двойной системы, ставятъ ему рога и, какъ наконецъ онъ не признаетъ того факта, что въ двойной системѣ нечѣмъ повѣрить сложение, вычитаніе и помноженіе и что дѣйствительно повѣрка эта зависитъ отъ простого корректурнаго повто-

ренія разъ сдѣланнаго дѣйствія, а такъ какъ въ силу психологическаго закона, человѣкъ, разъ сдѣлавшій ошибку, склоненъ повторить ее, то въ учебникѣ Рейнбота одна и та же ошибка повторяется нѣсколько разъ и даетъ совершенно ложные выводы и балансы, какъ въ первомъ, такъ и въ нынѣшнемъ, второмъ изданіи.

Кромѣ названной ошибки при сложеніи и вычитаніи пудовъ хлопчатой бумаги, въ учебникѣ Рейнбота есть еще ошибка въ памятной книгѣ, именно: онъ печатаетъ на страницѣ 195, что Тимофѣевъ «долженъ» за купленную у него Тимофѣева паклю 6338 р. 70 к. Я думаю, что если мы купили у него паклю, то не Тимофѣевъ «долженъ» за то, что продалъ намъ паклю, а наоборотъ, мы ему должны, и что въ данномъ случаѣ надо написать: Тимофѣевъ «имѣетъ» за нами 6338 р. 70 к., а не «долженъ», какъ ошибочно выставлено въ памятной книгѣ г. Рейнбота.

Хорошее будетъ счетоводство, когда мы станемъ писать «долженъ» тотъ, кому сами должны!!!

Независимо отъ ошибокъ, ведущихъ за собою невѣрность вывода актива чистаго капитала, валовой прибыли и чистой прибыли, независимо отъ невѣрностей, выходящихъ просто отъ негодности правилъ двойной системы счетоводства, во второмъ изданіи учебника г. Рейнбота повторяются важные недостатки перваго и опять же приводится ученіе, противное закону.

Надо сказать, что законодательство вступило уже на путь прямаго запрещенія правилъ двойной системы. Въ числѣ подобныхъ запрещеній находится весьма важное относящееся къ банкамъ — показывать въ своихъ балансахъ процентныя бумаги свыше той цѣны, по которой онѣ приобрѣтены. Такъ напр., въ уставахъ нашихъ банковъ есть законъ слово въ слово такого содержанія: «въ годовыхъ балансахъ должны быть показаны, .. государственныя и другія процентныя бумаги не свыше той цѣны, по которой онѣ приобрѣтены». Этотъ законъ

повторенъ въ уставахъ банковъ: московскаго купеческаго въ § 67, международнаго—§ 72, волжско-камскаго—§ 73, комерческаго банка въ Варшавѣ—§ 67, одесскаго комерческаго банка—§ 61, нижегородскаго купеческаго банка—§ 56, комерческаго банка въ городѣ Костромѣ—§ 60, Варшавскаго учетнаго банка—§ 67, Тифлискаго комерческаго банка—68, русскаго для внѣшней торговли банка—§ 62, Кіевскаго промышленнаго банка—§ 71, Азовскаго донскаго комерческаго банка—§ 68, Московскаго торговаго банка—§ 70, промышленнаго банка въ г. Москвѣ—§ 65, Кишиневскаго комерческаго банка—§ 64, Рижскаго комерческаго банка—§ 73, Ростовскаго на Дону комерческаго банка—§ 64 и т. д. Словомъ мы видимъ, что во всѣхъ уставахъ банка запрещается показывать процентныя бумаги выше той цѣны, по которой онѣ приобрѣтены.

Что же находимъ мы въ полномъ курсѣ комерческой бухгалтеріи г. Рейнбота, во второмъ его изданіи, по которому преподается двойная система будущимъ счетоводамъ тѣхъ же банковъ? Въ этомъ учебникѣ, даже во второмъ изданіи, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1876 г., остатки показаны по цѣнамъ выше тѣхъ, по которому они приобрѣтены. Такъ на примѣръ, 5⁰/₁₀₀ билеты государственнаго банка перваго выпуска, купленные по 97³/₄, въ учебникѣ показаны въ балансѣ по 98 р. (стр. 147) выше той цѣны, по которой они приобрѣтены на ¹/₄.

5⁰/₁₀₀ облигаціи с.-петербургскаго городскаго кредитнаго общества, купленные по курсу 90⁵/₈ р. показаны въ годовомъ балансѣ по 91 р., выше на ³/₈.

5⁰/₁₀₀ билеты 1-го лотерейнаго займа (непонятно почему г. Рейнботъ своимъ ученикамъ называетъ 5⁰/₁₀₀ билеты внутренняго съ выигрышами займа билетами лотерейными), поступившіе отъ предыдущаго года, изъ заключенныхъ книгъ прошлаго періода счетоводства, по курсу

173, показаны въ учебникѣ, въ годовомъ балансѣ по 175, на 2 р. дороже.

5% билеты втораго лотерейнаго (?) займа, поступившіе отъ прошлаго счетоводства по курсу 171, показаны по 174, свыше на 3 рубля.

Акціи с.-петербургскаго газоваго общества, купленныя по 145 р. въ годовомъ балансѣ внесены по 146.

Акціи перваго страховаго отъ огня общества, поступившія отъ прошлаго счетоводства по 645, показаны по 668, т. е. на 23 р. дороже противъ закона.

Въ этихъ примѣрахъ двойная система мало сказать игнорируетъ законъ, надо сказать, она просто учитъ тому, что запрещается закономъ. Если законъ такъ настоятельно, въ уставахъ каждаго банка повторяетъ одно и то же запрещеніе, показывать въ годовыхъ балансахъ процентныя бумаги не свыше той цѣны, по которой онѣ приобрѣтены, то и г. Рейнботъ въ своемъ учебникѣ, съ неменьшею же настойчивостью учитъ не слушаться этого закона, и какъ бы, въ отмѣстку, зачѣмъ законъ запрещаетъ это въ каждомъ уставѣ г. Рейнботъ, съ своей стороны, въ цѣлу повторяетъ показывать въ каждомъ счетѣ % бумаги не такъ, какъ требуетъ законъ, а такъ, какъ требуетъ его ненаглядная двойная система.

По поводу этого было уже мною печатаемо и перепечатывалось нѣсколько разъ. Такъ объ этомъ я писалъ въ особомъ мнѣніи, напечатанномъ по распоряженію втораго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, въ книгѣ «Дополненіе къ замѣчаніямъ на проекты главныхъ основаній производства по дѣламъ о торговой несостоятельности и о векселяхъ», вышедшей въ свѣтъ въ Петербургѣ еще въ 1870 г. Далѣе, объ этомъ же я напечаталъ въ примѣчаніи къ § 16 теоріи тройной системы счетоводства. Затѣмъ, объ этомъ говорилось и въ полемикѣ о двойной и тройной системѣ счетоводства.

Но г. Рейнботъ не внимаетъ ничему; онъ учитъ, какъ

учили его дѣды, крѣпко держится старины и сколько бы разъ ни запрещалъ законъ, хотя бы по два раза въ каждомъ уставѣ банка, г. Рейнботъ все-таки не сдвинется съ мѣста, а останется при своей двойной системѣ до самой, кажется, своей смерти. Такая глубокая преданность у него къ двойной системѣ, что онъ не замѣчаетъ, что она его же самого вводитъ въ ошибки, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ изданіи и что онъ, за внесеніе въ учебникъ такихъ правилъ, которыя прямо идутъ противъ закона, можетъ наконецъ быть признаннымъ человѣкомъ отсталымъ, или, быть можетъ, г. Рейнботъ разсчитываетъ, что никому, ни изъ начальства, ни изъ родителей воспитанниковъ не будетъ никакого дѣла, чему учить г. Рейнботъ: законному или противозаконному порядку.

Во второмъ изданіи этого учебника являются новыя правила, вовсе не существовавшія въ первомъ изданіи. Правила эти вызваны указаніями тройной системы счетоводства. Тройная система указала, что книги, являющіяся въ двойной системѣ, какъ побочныя, каковы: книга акцій, книга фондовъ, книга вексельная, книга товарная, текущихъ счетовъ, имѣютъ величайшую важность: по нимъ ведется самый учетъ товаровъ, расчетъ, между тѣмъ въ двойной системѣ онѣ оставляются безъ повѣрки, т. е. балансъ и главная книга составляются не изъ этихъ книгъ, по которымъ дѣлается расчетъ, а путемъ особаго новаго труда, путемъ выборовъ и путемъ составленія журнала и главной книги изъ тѣхъ же самыхъ: кассовой и памятной книги, изъ которыхъ составляются книги побочныя: товарная и другія.

Указавъ на этотъ недостатокъ въ двойной системѣ счетоводства, тройная система дѣлаетъ свой балансъ, т. е. активъ, пассивъ и цифры валовыхъ, равно какъ и чистыхъ убытковъ и прибылей, изъ побочныхъ книгъ: акціонной, товарной и т. д., т. е. дѣлаетъ изъ тѣхъ са-

мыхъ важнѣйшихъ книгъ, по которымъ ведется учетъ товара и производятся всѣ расчеты; притомъ не путемъ составленія журнала, а прямо путемъ сводки итоговъ всѣхъ счетовъ, которые выписываются и складываются вмѣстѣ и получаютъ общіе итоги, сръзвиваемые съ меморіаломъ. Если въ этихъ важнѣйшихъ при учетѣ цѣнностей книгахъ являются ошибки, то тройная система и откроетъ ихъ, между тѣмъ какъ въ двойной системѣ, если будутъ ошибки въ книгахъ побочныхъ, въ самыхъ важныхъ книгахъ, то онѣ въ двойной системѣ не открываются.

Г. Рейнботъ, который какъ мы видѣли выше, и закону не внимаетъ, внялъ-таки голосу тройной системы. Видно, что и самому королю двойной системы показалось уже не красиво оставлять безъ повѣрки важнѣйшія книги, но только онъ не согласенъ на то, чтобы сократить лишній трудъ на составленіе журнала, выборокъ, а предлагаетъ свой новый способъ, состоящій въ томъ, чтобы дѣлать такую же съ небольшими измѣненіями сводку счетовъ, какъ это дѣлается въ сводной книгѣ тройной системы, но только съ слѣдующими для двойной системы правилами. Онъ говоритъ на стр. 288: «счета, открываемые въ главной книгѣ, служатъ для повѣрки выводовъ, сдѣланныхъ въ спеціальныхъ книгахъ». Здѣсь остается только показать на цифрахъ, какъ подобная повѣрка обманываетъ г. Рейнбота.

«По счету кассы», говоритъ Рейнботъ, «въ главной книгѣ, выведенъ остатокъ къ 1-му сентября 13,685 руб. 33 к., этотъ же остатокъ значится и по кассовой книгѣ. Подобное совпаденіе остатковъ доказываетъ правильность (?) веденія кассовой книги».

Но подобное совпаденіе остатковъ самообманываетъ г. Рейнбота, какъ это доказано мною еще въ началѣ 1874 г., три года тому назадъ, а именно въ моемъ сочиненіи: «Двойная система»; въ утаечномъ сводѣ выведенъ

остатокъ къ 1 октября—и въ главной книгѣ (стр. 111) 10,604 р. 44 к. и въ кассовой (стр. 27) 10,604 р. 44 к., между тѣмъ какъ тутъ, подъ этимъ сходствомъ, скрадена весьма крупная сумма,—12,818 р. 33 к.

Далѣе г. Рейнботъ говоритъ: по счету фондовъ въ главной книгѣ выведена прибыль на 1849 р. 67 к.; эта же самая прибыль получается и по книгѣ фондовъ.

Г. Рейнботъ или не прочелъ, или не хочетъ читать слѣдующаго замѣчанія, сдѣланнаго у меня въ книгѣ «Обманы, утайки и ошибки скрывающіяся въ вѣрныхъ балансахъ двойной системы» на стр. 119. Мною приведено, что въ главной книгѣ, по счету билетовъ и облигацій значится убытокъ 26,190 р. 55 к., и та же самая цифра получается въ книгѣ фондовъ, а именно:

	Убытокъ.		Прибыль.	
	Р.	К.	Р.	К.
По 13-му счету 5 ⁰ / ₀ билетовъ госуд. банка на курсѣ.	28,592	—	—	—
на ⁰ / ₀	—	—	108	33
По 14-му счету 5 ⁰ / ₀ бил. 5-го займа, на курсѣ.	—	—	105	—
на ⁰ / ₀	—	—	145	85
По 15-му счету ⁰ / ₀ билет. 6-го займа, на курсѣ.	—	—	550	—
на ⁰ / ₀	—	—	60	35
По 16-му счету ⁰ / ₀ билет. 7-го займа	—	—	2	67
По 17-му счету облигацій с.-пе- терб. город. кред. общества.	—	—	1429	25
Всего	28,592	—	2401	45
Разница	26,190	р. 55 к.		

Далѣе г. Рейнботъ утверждаетъ, что по счету акцій въ главной книгѣ его учебника выведена прибыль 1860 р. Эта же сумма получается и по книгѣ акцій.

У меня въ той же книгѣ «Обманы, утайки и ошибки» на стр. 117 сказано: въ главной книгѣ по счету акцій получено 1085 р. и эта же самая сумма получается при сложении всѣхъ счетовъ книги акцій, а именно:

По счетамъ акцій N банка	5 р.
По счету акцій пароходнаго общества по Волгѣ	1000 р.
Акціи Царскосельской ж. д.	80 р.
Итого	1085 р.

Подъ этимъ итогомъ скрывается весьма значительный ущербъ, такимъ образомъ, что согласіе это обманываетъ насъ.

«По счету товаровъ», говоритъ г. Рейнботъ, «въ главной книгѣ выведена прибыль въ 6632 р. 86 к.; эта же сумма получается и по товарной книгѣ, а именно:

На рисъ	512 р. 97 к.
« кофе доминго	1677 « 08 »
« хлопчатую бумагу георгиевскую.	354 « 70 »
« хлопчатую бумагу орлеанскую	1968 « 40 »
« индиго	108 « 60 »
« какао.	421 « 50 »
« корнику	141 « 16 »
« хлопчатую бумагу пернамбукскую.	922 « 6 »
« кофе цейлонскій	438 « 85 »
« пиллентъ	87 « 54 »
Всего	6632 р. 86 к.»

Въ числѣ этихъ 6632 р. 86 коп. входятъ и прибыли отъ хлопчатой бумаги, которая, положительно не вѣрна, какъ это указано выше, вслѣдствіе того, что, тутъ въ одномъ мѣстѣ принято 12 ф. бумаги лишннихъ, на лицо неимѣющихся, на которыя прибыль увеличена, а другого сорта бумаги 12 ф. недостаетъ. А такъ какъ на разные сорта разныя цѣны, то во всякомъ случаѣ одною ошиб-

кою не покрывается другая, и обѣ ошибки остаются ошибками тѣмъ болѣе, что лишнее рано или поздно спишется со счетовъ, а недостатокъ, незамѣченный и послѣ генеральнаго заключенія, такъ и останется недостаткомъ. Слѣдовательно г. Рейнботъ самообманывается сходствомъ 6632 р. 86 к., которое представляетъ ему вѣрнымъ то, что на самомъ дѣлѣ невѣрно.

Я не знаю, можно ли болѣе нагляднымъ образомъ доказать всю шаткость двойной системы, какъ это доказываетъ въ своемъ учебникѣ самъ г. Рейнботъ. Онъ утверждаетъ, что согласіе прибыли въ 6632 р. 86 к. съ одной стороны по счету товаровъ главной книги, съ другой по всѣмъ счетамъ товарнымъ, убѣждаетъ въ вѣрности вывода, тогда какъ тутъ же, въ этой самой цифрѣ 6632 р. 86 к. есть двѣ ошибки.

Если русскіе читатели до того очарованы двойною системою, до того ослѣплены, что не могутъ видѣть ошибокъ въ учебникѣ двойной системы г. Рейнбота, какъ въ первомъ изданіи, такъ и въ настоящее время во второмъ, если туманъ этотъ нашелъ на нихъ до того, что они не понимаютъ, что правила двойной системы, запрещенныя закономъ настоятельно, однако приводятся въ ней, если, наконецъ, они не могутъ ни видѣть, ни понимать того, что самъ г. Рейнботъ самообманывается вѣрнымъ сочетаніемъ прибыли по счету товаровъ 6632 р. 86 к., тогда какъ эта цифра не вѣрна два раза, то послѣ этого остается только сложить перо и признать тотъ фактъ, что сторонники двойной системы либо на столько не добросовѣстны, что отвергаютъ краснорѣчивые факты, либо на столько непонятливы, что не понимаютъ ясныхъ какъ свѣтъ самообмановъ двойною системою.

Въ защиту двойной системы бухгалтеріи.

Съ появленіемъ въ свѣтъ тройной системы начали появляться въ нѣкоторыхъ газетахъ почти безъ перерыва объявленія, цѣль которыхъ, какъ ясно изъ ихъ содержанія, — подорвать довѣріе русской публики къ русской тройной системѣ счетоводства.

Я съ своей стороны готовъ содѣйствовать распространенію этихъ объявленій для того, чтобы русская публика могла оцѣнить всесторонне всѣ тѣ способы и мѣры, какіе противъ русскаго изобрѣтенія, тройной системы, употребляютъ защитники италіанской двойной системы счетоводства.

Опуская *до поры до времени* цѣлый рядъ прошлогоднихъ объявленій, происходившихъ между гг. Бергомъ и Бенкеномъ, одинаково компрометировавшихъ и тройную систему и себя и требующихъ обстоятельной оцѣнки въ своемъ мѣстѣ, я печатаю здѣсь новѣйшія объявленія подъ общимъ заглавіемъ: «въ защиту двойной системы счетоводства», какъ соотвѣтствующимъ ихъ цѣли, и съ своей стороны, воздерживаюсь высказывать о нихъ свое мнѣніе; пусть самъ читатель думаетъ о нихъ, какъ хочетъ.

Для того, чтобы сдѣлать понятными для читателя неясныя объявленія, я дополню ихъ фактическими данными.

I.

Объявленіе изъ газеты «Новое время» 29 Августа
1876 г. № 180.

ЧАСТНЫЕ КУРСЫ
БУХГАЛТЕРІИ И КОНТОРСКАГО ЗНАНІЯ
(на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ).

Полный курсъ состоитъ изъ 3-хъ отдѣловъ, заключающихъ въ себѣ:

3) подробный анализъ появившейся недавно такъ называемой тройной системы, ея непрактичность и противорѣчіе существующему Торговому Уставу.

Адресъ: по Владимірскому просп., д. Лихачева, кв. № 10.

Э. В. .нъ-Бергъ.

Примѣчаніе.

Для того, чтобы читателю стало понятно это объявленіе, надо сказать:

1) ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, въ журналѣ 1-го декабря 1875 г., написалъ: «Конечно на урокахъ бухгалтеріи, въ реальныхъ училищахъ, преподаватели не оставляютъ безъ объясненія какъ сущности новой системы, такъ и предлагаемыхъ ею улучшеній и видоизмѣненій въ системѣ существующей».

2) департаментъ торговли и мануфактуръ, по приказанію его высокопревосходительства министра финансовъ, сдѣлалъ сообщеніе объ испытаніи тройной системы путемъ примѣненія ея на практикѣ.

Я долженъ упомянуть объ этомъ, чтобы читатель самъ могъ обсудить, могли-ли послѣдовать о тройной системѣ, еслибы она противорѣчила торговому уставу (какъ значится въ объявленіи г. Берга),—вышеприведенные отзывы

со стороны двухъ такихъ компетентныхъ высшихъ правительственныхъ учреждений, какъ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія и департаментъ торговли и мануфактуръ.

Самъ г. Бергъ ни на преніяхъ, ни въ своей брошюрѣ «Въ защиту двойной системы счетоводства» нигдѣ ни однимъ словомъ не упомянулъ о томъ, что тройная система противорѣчитъ торговому уставу. Онъ упоминаетъ только въ тѣхъ бездоказательныхъ объявленіяхъ, которыми онъ заманиваетъ слушать у него частные курсы двойной системы бухгалтеріи.

II.

Объявленіе изъ газеты „Голосъ“ 18 января № 18.

ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ С.-ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ ПРОДАЕТСЯ КНИГА:

„Въ защиту двойной системы бухгалтеріи и мнѣніе о новоизобрѣтенной тройной системѣ и ея изобрѣтателѣ“.

Составилъ Э. В. . . нъ-Бергъ. Цѣна 1 руб.

Книга эта имѣетъ цѣлью разъяснить возбужденный нѣкіемъ г. Езерскимъ вопросъ о изобрѣтенномъ имъ, будто бы, **новомъ** способѣ веденія коммерческихъ книгъ, называемомъ имъ **тройной системой** счетоводства. Авторъ, разсматривая новопредложенную систему и сопоставляя ее съ существующей и общепринятой двойною, приходитъ къ слѣдующимъ несомнѣннымъ выводамъ.

1) Система г. Езерскаго не есть новое изобрѣтеніе, а смѣсь осколковъ многихъ, давно извѣстныхъ и заброшенныхъ, по всей непрактичности, формъ двойной системы; 2) способъ, предложенный г. Езерскимъ, даетъ ре-

зультаты ложные, въ большинствѣ случаевъ расходящіеся съ истиной, что доказывается примѣрами изъ торговой практики, 3) всѣ такъ-называемыя «преимущества» новой системы, не болѣе, какъ нѣкоторыя отличительныя свойства ея, неимѣющія никакого практическаго значенія; 4) обманы, ошибки и утайки, якобы возможныя при веденіи книгъ по двойной системѣ, существуютъ только въ больномъ воображеніи г. фабриканта тройной системы; 5) г. Езерскій выпускомъ въ свѣтъ издѣлія своего ума, обнаруживаетъ совершенное незнаніе практическаго примѣненія двойной системы, которую успѣлъ изучить изъ однихъ учебниковъ, и что 6) вся тройная система, по отсутствію въ ней элементовъ, требуемыхъ для торговаго счетоводства, рѣшительно непримѣнима къ торговымъ дѣламъ.

Иногородные, высылающіе свои требованія (съ 1 руб.) на имя автора (Владимірскій Проспектъ д. Лихачева, кв. № 13) за пересылку не платятъ. 922. 32. 33.

III.

Объявленіе изъ газеты „Новое время“ 9 сентября 1876 г. № 191.

ВЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЕТСЯ

КНИГА:

ВЪ ЗАЩИТУ ДВОЙНОЙ СИСТЕМЫ И БУХГАЛТЕРІИ

И

**МНѢНІЕ О НОВОИЗОБРѢТЕННОЙ ТРОЙНОЙ СИСТЕМѢ И ЕЯ
ИЗОБРѢТЕЛѢ.**

Э. В...НЪ-БЕРГА.

Книга имѣетъ цѣлью: разъяснить вопросъ о появившейся недавно, такъ называемой, тройной системѣ счетоводства. Проведя въ ней параллель между общепринятой двойною и новоизобрѣтенною системами, авторъ разсматриваетъ одну и другую съ точки зрѣнія бухгалтера-прав-

тика и приходитъ къ несомнѣннымъ выводамъ, что первая, т. е. двойная во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяетъ требованіямъ современнаго развитія торговли и промышленности, что о мнимыхъ недостаткахъ ея могутъ разсуждать только люди, изучившіе бухгалтерію поверхностно и никогда серьезно ея не занимавшіеся на практикѣ и что новопредложенная система, не смотря на всѣ увѣренія и божбы почтеннаго изобрѣтателя ея, рѣшительно не примѣнима къ торговымъ дѣламъ, по отсутствію въ ней элементовъ, необходимыхъ для достиженія точныхъ и ясныхъ результатовъ.

ЦѢНА 1 РУБ. СЕР.

Иногородные, выписывающіе книгу отъ автора (Владимірскій просп., д. Лихачева, кв. № 10) за пересылку не платятъ, а книгопродавцы пользуются обычной уступкой.

Я съ своей стороны совѣтую читателямъ заглянуть въ эту книгу, чтобы убѣдиться, что въ ней нѣтъ ни одной здоровой мысли, ни одного возраженія ни противъ тройной системы, которой г. Бергъ и не понимаетъ, ни противъ ея изобрѣтателя. Самъ г. Бергъ этого мнѣнія о своей книгѣ и говоритъ на стр. 87 и 88:

«Если это правда, какъ французы говорятъ: *le style c'est l'homme*, то читатель имѣетъ нѣкоторыя основанія упрекнуть меня (Берга) въ томъ, что я слишкомъ легко отнесся къ серьезному труду г. Езерскаго и не былъ строго послѣдовательнымъ въ оцѣнкѣ его произведенія. Не отрицаю ни одного, ни другаго».

И такъ самъ г. Бергъ не отрицаетъ ни того, что онъ *слишкомъ легко* отнесся къ *серьезному труду*, ни непослѣдовательности въ своей оцѣнкѣ его.

Почему же г. Бергъ въ объявленіяхъ расхваливаетъ самъ свою книгу и обѣщаетъ читателю то, чего въ ней вовсе не заключается!

IV.

Объявленіе изъ той же газеты „Новое время“ 15 сентября 1876 г. № 197.

ИЗОБРЕТАТЕЛЯ ТРОЙНОЙ СИСТЕМЫ СЧЕТОВОДСТВА

Г. В. ЕЗЕРСКАГО

покорнѣйше просятъ въ публикаціяхъ о своихъ лекціяхъ, устраиваемыхъ имъ для разъясненія его тройной системы и отыскиванія различныхъ погрѣшностей двойной, предупредить своихъ слушателей, что они обязаны только слушать, отнюдь не смѣя требовать какихъ-либо объясненій, или оспаривать непогрѣшимость, дѣлаемыхъ имъ, г. Езерскимъ, выводовъ. Отсутствіе этого условія можетъ привести къ неприятымъ столкновеніямъ, какъ это имѣло мѣсто на лекціи 9 сентября.

*Нѣсколько счетоводовъ, имѣвшихъ несчастіе
попасть на лекцію г. Езерскаго.*

Примѣчаніе.

Въ этомъ объявленіи скрыты фамиліи. Для ясности необходимо сказать, что лекцію 9 сентября посѣтилъ г. Вульфъ, содержатель перваго бухгалтерскаго кабинета, дѣйствительно перебивавшій лектора во время чтенія лекціи.

Я предложилъ г. Вульфъ разъяснить цѣль, съ какою онъ посѣтилъ мою лекцію 9 сентября, обѣщая напечатать это разъясненіе въ настоящемъ второмъ выпускѣ сборника «Бесѣды»; но г. Вульфъ отказался сдѣлать разъясненіе. Для полноты курьеза привожу свое объявленіе, напечатанное до 9 сентября, именно 29 августа № 180, изъ котораго читатель замѣтитъ, что у меня назначены особые дни для лекцій (пунѣтъ 1), и особые (по суббо-

тамъ), для преній — «счетоводныя бесѣды» (пунктъ 4). Г. Вульфъ посѣтилъ лекцію, а не пренія. Чего г.г. защитники двойной системы желаютъ, непонятно.

ОБЪЯВЛЕНЕ О ЛЕКЦІЯХЪ И ПРЕНІЯХЪ.

РУССКАЯ ТРОЙНАЯ СИСТЕМА СЧЕТОВОДСТВА.

1) **ЛЕКЦІИ** **Ө. В. Езерскаго** о русской тройной системѣ, въ сравненіи ея съ системами: двойною, простою, англійскою и другими, читаются въ «Фирмѣ Счетоводъ», Литейный проспектъ, № 33, по вторникамъ; цѣна за одну лекцію 2 р., за три—5 р. Начало въ 7¹/₂ час. вечера.

2) **Подготовленіе желающихъ на мѣста счетоводовъ** путемъ практическихъ занятій съ ними въ той же «Фирмѣ Счетоводъ».

Рекомендація подготовленныхъ счетоводовъ хозяевамъ на постоянныя мѣста и для временныхъ занятій съ ручательствомъ за успешное введеніе русской тройной системы.

4) **СЧЕТОВОДНЫЯ БЕСѢДЫ** будутъ происходить въ «Фирмѣ Счетоводъ», по примѣру прошлаго года, чрезъ одну или двѣ субботы, смотря по желанію лицъ, принимающихъ въ нихъ участіе. Цѣль бесѣдъ прежняя — вести пренія и обсуждать разные счетоводные вопросы.

5) **Совѣты, консультація и экспертиза** по счетоводству.

6) **Изданіе сборника „Бесѣды торговаго и счетоводнаго міра“**, и т. д.

Адресоваться: «Фирмѣ Счетоводъ», С Петербургъ, Литейная, № 33.

V.

Объявленіе изъ той же газеты „Новое время“ отъ 26 сентября 1876 г. № 208.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
ИЗОБРЕТАТЕЛЮ ТРОЙНОЙ СИСТЕМЫ СЧЕТОВОДСТВА
Г-ну О. В. ЕЗЕРСКОМУ.

«Милостивый государь!

«Въ объявленіи вашемъ, помѣщенномъ въ № 263 (отъ 23 сентября сего года) «Голоса», вы назначили рядъ отдѣльныхъ лекцій, на которыхъ предполагаете указать случаи возможности утаекъ, обмановъ и ошибокъ въ вѣрныхъ балансахъ двойной системы счетоводства, заявляя при томъ, что слушатели ваши могутъ обращаться къ вамъ за всевозможными объясненіями и **ВСТУПАТЬ СЪ ВАМИ ВЪ ПРЕНІЯ.**

«Желая присоединиться къ числу вашихъ слушателей, а именно такихъ, которые путемъ преній съ вами хотѣли бы разъяснить вамъ, что взглядъ вашъ на двойную систему ложенъ, и что при умѣнїи вести книги по двойной системѣ, всякаго рода ошибки и описки легко обнаруживаются, — нахожу однакожъ стѣснительнымъ слѣдовать вашему приглашенію, а именно потому, что мѣстомъ «**ПРЕНІЙ**» назначена вами собственная ваша квартира. Судите же сами: каково будетъ положеніе человѣка, находящагося у васъ въ гостяхъ, подъ вашимъ кровомъ и обличающаго васъ въ незнанїи предмета, на который нападаете, или въ умышенномъ искаженїи его? Вѣдь очень неловкое. Припомните, какъ вы сами гласно и печатно высказывали неразъ тоже самое мнѣніе во время дѣлаемыхъ вамъ приглашеній на пренія. По этому рѣшаюсь

покорнѣйше просить васъ распорядиться выборомъ другого, болѣе нейтральнаго мѣста для вашихъ (конечно этихъ только) лекцій, и я не премину къ назначенному вами времени явиться къ вашимъ услугамъ.

«Смѣю надѣяться, что вы исполните настоящую справедливую просьбу мою, и тѣмъ самымъ докажете, что упомянутое заявленіе ваше о допущеніи **ПРЕНІЙ** не есть одинъ изъ многочисленныхъ фокусовъ, такъ искусно пускаемыхъ вами въ ходъ съ цѣлью пропаганды вашей „неоцѣнимой и неоцѣненной“ тройной системы.

«Примите увѣреніе въ тѣхъ чувствахъ, какія могу питать для васъ. Вашъ покорнѣйшій слуга,

Одинъ изъ многихъ»,

P. S. На всякій случай мой адресъ имѣется для васъ въ конторѣ редакціи «Новаго времени».

VI.

Объявленіе изъ той же газеты „Новое время“ 30 ноября 1876 г. № 263.

На дняхъ выйдетъ въ свѣтъ 2-й выпускъ извѣстнаго сборника издаваемаго подъ редакцію **Θ. ЕЗЕРСКАГО**:

„БЕСѢДЫ ТОРГОВАГО И СЧЕТОВОДНАГО МІРА“.

Въ этомъ выпускѣ читатель найдетъ нѣсколько замѣчательныхъ статей **СЕРЬЕЗНАГО** содержанія, изъ коихъ въ особенности и обращаемъ вниманіе на слѣдующія:

1) Обрѣзанный бухгалтерскій носъ, рассказъ А. и К°. 2) Счетоводный спиритизмъ или кисло-сладкая яичница, критическій этюдъ. 3) Шутъ гороховый или тройная система на изнанку. 4) Бухгалтерскій геморрой, стихотвореніе самого Езерскаго на мотивъ Мадамъ Анго и пр. Подробности объ этомъ замѣчательномъ сборникѣ помѣ-

щены были въ объявленіяхъ № 310 «Голоса» и № 256 «Новаго времени».

VII.

Замѣтки изъ журнала „Стрекоза“ отъ 9 сентября
1876 г. № 41.

II. Нашъ извѣстный книговодъ и счетоводъ, изобрѣтатель семерной бухгалтеріи, г. Езерскій, собирается (?!) издавать особый, посвященный его специальности, журналъ «Бесѣды торговаго и счетоводнаго міра». Въ этомъ бы еще не было ничего ужасающаго. Но въ объявленіи своемъ г. Езерскій прельщаетъ тѣмъ, что въ составъ его сборника будутъ входить «статьи, имѣющія цѣлью обсужденіе современнаго положенія счетоводства и доставленіе *легкаго* (!!) и серьезнаго чтенія».

«Легкое чтеніе» въ счетоводномъ жанрѣ—что можетъ быть прелестнѣе этого абсурда!

VIII.

Замѣтки изъ того же журнала „Стрекоза“ отъ 15 октября
1876 г. № 46.

ВСЯКІЯ «ЗЛОВЫ ДНЯ».

Весь плѣшивый и геморроидальный бухгалтерскій міръ не на шутку взволнованъ.

Великая и жгучая борьба новыхъ Монтекки и Капулетти, гг. Езерскаго и Рейнбота, двухъ основныхъ столбовъ двухъ разныхъ бухгалтерій, близится къ развязкѣ и должна кончиться торжественною побѣдою одной стороны и памятнымъ разбитіемъ на голову другой.

Нужно вамъ знать, что г. Езерскій, этотъ Колумбъ и Гегель счетоводства, родилъ въ нѣдрахъ своихъ, такъ

называемую, *тройную бухгалтерію* и съ дѣвственною скромностію возмнилъ, что имъ найдена та именно точка опоры для земнаго шара, о которой мечталъ еще Архимедъ. Если бы нашелся такой комикъ, который безусловно увѣровалъ бы во всѣ пламенные и краснорѣчивыя воззванія г. Езерскаго о неисчислимыхъ чудесахъ и волшебствахъ, производимыхъ его системою, то этому высокому комику пришлось бы признать, что тройная бухгалтерія не только не допускаетъ въ счетоводствѣ ни сучка, ни задоринки, но еще, при помощи особыхъ приспособленій, хватаетъ за ногу каждаго проврвашагося или ошибшагося бухгалтера, приковываетъ его къ стулу, звонить въ набатъ, призываетъ судебную власть, передаетъ ей въ руки виновнаго и, въ заключеніе, исполняетъ еще на музыкальныхъ табакеркахъ, искусно вдѣланныхъ въ переплеты кассовыхъ книгъ, «маршъ Езерскаго», на мотивъ персидскаго.

БЕСѢДЫ ТОРГОВАГО И СЧЕТОВОДНАГО МІРА.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ, ИЗДАНІЯ И РЕДАКЦІИ ФЕДОРА ЕЗЕРСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

I. Цѣль изданія. Общая потребность въ счетоводствѣ	3
II. Беллетристика «Жертва неправильнаго счетоводства». Разсказъ частнаго слѣдователя <i>А Шкляревскаго</i>	11
III. Статьи серьезнаго содержанія:	
Значеніе прессы въ обработкѣ новыхъ идей.	26
По вопросу о торговой несостоятельности и значеніи въ этихъ дѣлахъ счетоводныхъ книгъ	42
IV. Судебный отдѣлъ. Дѣло о бывшихъ кассирахъ с.-петербургскаго казначейства Кушакевичъ и Заверзаевъ, обвиняемыхъ въ подлогѣ	54
Мысли счетовода по поводу дѣла Кушакевича и Заверзаева	72
V. Библиографія. Которая система лучше — двойная или тройная? Составилъ <i>Н. Рейнбольтъ</i> . С.-Петербургъ, 1875 г.	79

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ВЫПУСКА.

Беллетристика. «Жертва неправильнаго счетоводства». Разсказъ частнаго слѣдователя. (Окончаніе). <i>А. Шкляревскаго</i>	1
«Счетоводный спиритизмъ». Повѣсть изъ счетоводной жизни. (I—VIII). <i>И. З. Зальсовича</i>	17
«Обрѣзанный языкъ». Разсказъ. <i>А. Шкляревскаго</i>	44
Статьи серьезнаго содержанія:	
Счетоводство какъ наука и какъ навыкъ.	52
Отношеніе вопроса о торговой несостоятельности къ вопросу о торговомъ счетоводствѣ.	69

Библиографія. Полный курсъ коммерческой бухгалтеріи. Составилъ П. Рейнбольтъ, ссаршій преподаватель бухгалтеріи при с-петербургскомъ комерческомъ училищѣ. Изданіе второе передѣланное и умноженное. С.-Петербургъ. 1876 г.	7
Въ защиту двойной системы счетоводства	8

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ I И II ВЫПУСКАМЪ.

Книга: *Обманы, утайки и ошибки*, скрывающіеся въ вѣрныхъ балансахъ двойной-итальянской системы счетоводства и открываемые признакамъ вѣрности русской-тройной системы, предлагаемой *Федоромъ Езерскимъ*. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р., въ переплетѣ 3 р. 50 к.; пересылка за 2 ф.

Карта для нагляднаго изученія счетоводства. Составилъ *Федоръ Езерскій*. Цѣна въ отдѣльной продажѣ: на бѣлой плотной бумагѣ 50 к.; пересылка наверхнутая на палку 1 р., а сложенная за 2 ф.; на полубѣлой бумагѣ 20 к., пересылка подъ бандеролью 6 к.

Брошюра: Рѣшеніе тройною системою счетоводныхъ задачъ, предложенныхъ защитниками двойной системы какъ нерезрѣшимыхъ. Цѣна 20 к. съ пересылкою подъ бандеролью 26 к.